

ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ...

Книга первая

БОРМАШИНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«И ещё одно замечание. В отношении пресловутых ансамблей. Товарищи, я глубоко убеждён, что это не просто безобидные танцы молодёжи, это зараза, которая пока, к сожалению, не излечима. Это нравственный СПИД, против него никак не могут найти никакого средства. Это не только музыка, это средство одурманивания молодых людей. Это почва, на которой может расти всё что угодно, от наркомании до проституции, до измены Родине, до уголовных преступлений.»

С. В. Михалков. Из выступления
на съезде Союза писателей СССР, 1986.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Котов

Над ухом звенел будильник, но Дима не мог поднять руку и прекратить этот изматывающий душу кошмар. Прошла целая вечность, прежде чем завод кончился и, после нескольких конвульсивных всхрюкиваний, наступила тревожная тишина.

Дима не подумал, а, скорее, почувствовал, что если немедленно не встанет, то уже никуда не пойдёт. Будет совершенно лишней в его положении прогул.

Страшно хотелось пить. Рука привычно нащупала стоящую на полу бутылку с водой. В каком бы состоянии Дима не ложился, ритуал наполнения бутылки водой был неизменно обязателен, даже если это делалось бессознательно, на автопилоте.

Влив в себя винтом большую часть бутылки, он полежал ещё несколько минут, ощущая как живительная влага разливается по организму, решительно сел и ногами нащупал тапки. Теперь нужно было перекусить, умыться и быстро валить на работу. Окунуться в необходимость сразу, как в холодную воду.

Дима вышел под ноябрьский морозящий дождик и сразу испытал облегчение. Главное, решиться на первый шаг, а дальше всё пойдёт само собой, даже ни о чем думать не надо.

В гудящей заводской котельной он расписался в журнале, покрутился для вида на глазах у начальства, выпил четыре стакана бесплатной газировки и, незаметно для окружающих, растворился в пару бойлерной.

Здесь было тепло и сыро, как в бане. Воняло отсыревшими тряпками, наваленными на деревянную скамью, скрытую от любопытных глаз массивными водообогревателями.

Дима лег на скамью, свернулся калачиком, натянул на уши воротник ватника, поёрзал от удовольствия и погрузился в сон.

Ему почти всегда снился один и тот же сон — что-то такое про особенную жизнь, полную азартного риска, невзгод и опасностей, безумно сверкающую и заманчивую. Там были сказочные рок-н-рольные герои и гнусные злодеи из мрачного ведомства НКВД. И герои почти всегда выходили победителями.

После этих снов в памяти оставались лишь бессвязные обрывочные воспоминания, а в настоящей жизни Котова не было никаких героев, не было даже ни одного приличного злодея. До некоторых пор его жизнь протекала довольно вяло и однообразно.

Был ноябрь 1987 года. Дима Котов, молодой человек двадцати пяти лет, холостой, беспартийный, жил на 23 линии Васильевского острова в отдельной двухкомнатной квартире. Не ради заработка, а больше для видимости работал паробходчиком в заводской котельной.

Его родители, как советские специалисты, находились в дружественной Монголии и в ближайшее время возвращаться не собирались, лишь изредка присылали кожаные вещи и сувениры.

После школы, не выдержав экзамены в институт, Дима был призван в ряды Советской Армии, где кое-как, с «залётами» и приключениями дослужил до дембеля. Вернулся домой в 1982-м — ошеломлённый, но не сломленный.

По настоянию родителей поступил на рабфак какого-то ещё не очень престижного института, но через полгода бросил и устроился работать в котельную сутки через трое.

Работа у парообходчика несложная: следить за подачей пара и горячей воды из котельной на территорию завода. Два-три раза в течение суток проверить показания приборов, убавить или прибавить до нормы, да чтобы насосы работали. Остальное время можно было отдыхать от настоящего дела.

А настоящее дело заключалось в том, что Дима Котов работал музыкантом на свадьбах. Играл в ансамбле на бас-гитаре. И не столько играл, сколько всё это организовывал.

Ещё в школе Дима научился тренькать на гитаре песенки типа «Залетаю я в лабаз...» на мотив «Шизгары», блатные и соло на одной струне мелодии из кинофильма «Генералы песчаных карьеров». Потом, во время службы в армии, его кое-как поднатаскали извлекать несколько звуков из тубы — большой басовой трубы, и на разводах Котов с важным видом надувал щёки. Когда из ротного ВИА ушёл на дембель бас-гитарист, Диму, за неимением лучшего, приняли на его место.

Вернувшись на гражданку осенью 1982 года, Котов случайно встретил школьного приятеля, который работал теперь в фирме «Невские зори», специализировавшейся в основном на обслуживании свадебных торжеств. Он узнал, что в музыкальных ансамблях часто бывают вакансии, поскольку многие не выдерживают специфики работы, и как раз сейчас одному из коллективов катастрофически срочно требовался бас-гитарист. Не раздумывая, Котов предложил свою кандидатуру.

Вот тогда, почувствовав вкус дармовой выпивки и ощутив шуршание мятых рублей в кармане, он бросил рабфак института

и устроился пареоходчиком с необременительным графиком работы.

Восемьдесят рублей зарплаты погоды не делали, но давали какую-то уверенность в завтрашнем дне, а участковый не имел ни малейших оснований угрожать ему по поводу тунеядства. Родители махнули на него рукой и уехали в Монголию.

Через «Невские зори» ансамблю платили смехотворно мало, поэтому вскоре Котов решил обойти паразитирующие бюрократические инстанции и выйти непосредственно на потребителя.

Он сам обегал мелкие и средние общепитовские точки в разных районах города, предлагая хозяевам услуги своего ансамбля. Эти кафе и столовые, имевшие со свадеб очень неплохой навар, были кровно заинтересованы в достойном музыкальном оформлении мероприятий, и потому в большинстве охотно соглашались. Вскоре Котов начал принимать заказы у себя дома по телефону, соглашаясь или отказывая в зависимости от плотности загрузки.

Расценки были твердые: по четвертному на брата плюс оплата транспорта для перевозки аппаратуры, состоявшей из трех колонок с вмонтированными внутрь усилителями, электроорганчика и минимальной ударной установки (барабан, хай-хэт, тарелка). Всё это хозяйство вместе с одним человеком помещалось в такси, остальные с гитарами, шнурами и микрофонами добирались своим ходом. Аппаратура стояла у Котова в большой комнате, где и происходили редкие репетиции.

Антиалкогольный Указ 1985-го года поначалу привёл музыкантов в замешательство. Из точек общепита, на которых они базировались, исчезли напитки, а публика перекечевала на квартиры.

На страх и риск попробовали сыграть на нескольких «безалкогольных» свадьбах. Это обнадёжило.

На первой же свадьбе выпивки на столе не оказалось.. Но она была в сумках под столом, в карманах и лимонадных бутылках. В туалете Дима увидел, как жених и свидетели второпях распили бутылку водки над нечистым унитазом, а потом вернулись к столу. Всё обстояло не так уж плохо.

А потом всё вернулось. Но о прошлом, словно о войне, ещё долго напоминали свирепые очереди перед винными отделами,

отсутствие в свободной продаже сахара, дрожжей и спиртосодержащей парфюмерии.

Ансамбль, отделавшийся легким испугом, с прежним энтузиазмом понес культуру в массы.

На свадьбах ребята исполняли популярные в то время песни советских и зарубежных исполнителей. Из репертуара Юрия Антонова, «Поющих гитар», «Землян», а также неперенные «Тёща, друг родной» и «Феличита». Репертуар обновлялся, но спрос на вечные хиты оставался неизменным.

Определённую конкуренцию составляли дискотеки. Это было дешевле, а качество звука и разнообразие репертуара несравненно богаче. Но потребность в живой музыке всё ещё была достаточно велика. Администрация кафе, как правило, предоставляла клиенту выбор между живым ансамблем и дискотеккой. Интересы сторон, таким образом, не ущемлялись.

Группа состояла из четырех человек: певца и гитариста Валентина Степанова, клавишника Вадика Лисовского, барабанщика Андрея Осипова и Димы.

В конце 70-х Степанов был своего рода звездой. Он играл на танцах в районном Дворце культуры, пел модные тогда советские и англоязычные шлягеры, аккорды которых подбирал на слух (в детстве учился на баяне).

Английские слова, почти все ему непонятные, скрупулёзно выписывал русскими буквами в специальную тетрадку, бесчисленное количество раз прокручивая на магнитофоне один и тот же фрагмент, и затем выучивал наизусть. Но те, кто смотрел из зала на его надменный, одухотворённый облик, не могли и мысли допустить, что все эти песни, если и не написаны самим Степановым, то, по крайней мере, прочувствованы им во всём многообразии гаммы смысловых оттенков. Девушки избаловали его вниманием и вскоре поставили в такие условия, что он был вынужден жениться и иметь детей.

К началу 80-х артистическая карьера Степанова полетела к чёрту. Ансамбль попросили из ДК, и на танцах заработала дискотека. С появлением Ленинградского рок-клуба его репертуар начал казаться просто смешным, пригодным разве что для кабаков и пьяных свадеб. Да и играть было уже не с кем: у Валиных товарищей это увлечение прошло с возрастом.

Но Степанов уже не мог жить без света лампы и внимания публики. И хотя ему уже перевалило за тридцать, сын пошёл в школу, а он сам работал на заводе настройщиком аппаратуры, в жизни по большому счёту ничего не изменилось. Вечерами он играл с Димой Котовым на свадьбах, и лицо его теперь хранило отпечаток оскорблённого достоинства.

Вадик Лисовский был студентом музыкального училища по классу фортепьяно. В ансамбле он играл только для заработка. Но эта работа, как ни странно, доставляла ему удовольствие. Ему нравилось наблюдать, как пьяные толстухи вскидывают колени и визжат перед сценой, с каким серьёзным видом Степанов исполняет на английском языке «Ин зе арми нау»...

С его лица почти никогда не сходила улыбка. Он никогда не лез с рекомендациями по аранжировке, но когда спрашивали его совета, с готовностью давал исчерпывающую информацию. Серьёзно занимаясь музыкой, Лисовский не мог себе позволить пить в таких количествах, как Котов и Степанов. Надо ли говорить, что игра его была безукоризненной.

Барабанщик Андрей Осипов учился вместе с Лисовским, соответственно, по классу ударных; околачивался в рок-клубе и испытывал глубокое презрение ко всей этой дурацкой халтуре.

Репетиция

В воскресенье, после ночной смены Котова, все собрались у него дома на репетицию. Необходимо было выучить несколько новых песен, из репертуара Вилли Токарева — постоянно просили. Были выбраны «Не очень поздно, не очень рано...», «А мне всегда так хорошо с любимым мужем» и «Тракторист» («Мозги мои всегда ты драила...»). Ещё раньше договорились, что каждый разучит свою партию дома, и на репетиции останется только сыграть всем сразу.

Первые две получились сносно, но вот «Тракторист» у Степанова не пошёл, не хватило чувства юмора.

Неожиданно спеть вызвался Лисовский. Он так удачно скопировал оригинал, что Котов начал угаривать его парту на себя ещё

часть репертуара. Но тот отказался наотрез, и Степанов посмотрел на него с благодарностью.

Закончив обязательную часть репетиции, открыли десять бутылок тёмного «Мартовского» пива. Осипов начал рассказывать о новостях рок-н-рольной жизни города, остальные слушали его молча. Степанов злобно курил — он ненавидел все эти «Аквариумы» и «Зоопарки», лишившие его положения звезды районного масштаба.

Осипов решил оставить эту тему и, после паузы, вяло проговорил:

— Вермут там пили какой-то... в литровых бутылках.

— А, венгерский! — оживился Котов. (Степанов поднял глаза и тоже промышчал что-то одобрительное.) — Знаю, знаю. Это мы Первого сентября собирались с одноклассниками...

Под завязку срепетнули ещё несколько старых номеров, договорились о завтрашней свадьбе, и Вадик с Андреем ушли.

Дима включил телевизор, принес из холодильника кильки в томате. Началась заставка программы «Время».

— Хорошее пиво, я даже закосел немножко,— сообщил Котов.

Степанов молча сделал большой глоток из бутылки.

— Ты этого Лёшу из «Причала» хорошо знаешь?

— Халдея? Знаю.

— Как там... вообще? — Котов начал развивать свою ещё не вполне оформившуюся мысль.

— Так, ничего, терпимо.

— Наверное, цены кусаются?

— Немного есть.

— Пошли?

— Денег нет.

— Ладно, ладно, идём, я угощаю.

Пиво кончилось, идея была сформулирована.

Знакомый официант усадил приятелей за резервный столик у самого прохода на кухню, откуда тянуло горелым маслом, доносился грохот протвинеи и чья-то ругань.

Дима заказал бутылку водки, напиток, мясное ассорти и две порции курицы «по-министерски».

Водку, напиток и ассорти принесли сразу. Не теряя времени налили и выпили по первой. Сразу махнули и по второй, чтоб почувствовать. После этого Котов принялся закусывать, а Степанов закурил папиросу и стал хмуро разглядывать публику.

Некоторое время спустя, когда в бутылке осталось меньше половины, Дима определил у себя за спиной объект, на котором Степанов сосредоточил свой интерес. Это были две девицы лет двадцати, сильно накрашенные и стреляющие глазами по сторонам. Перед ними стояла бутылка дешёвого сухого вина, рядом сидела парочка, увлечённая своим разговором.

— Нравятся? — спросил Котов.

— Ничего...

Когда допили водку, Дима подошёл к девушкам и, наклонившись, стал что-то говорить. Те заулыбались, переглянулись и пожали плечами. Дима подал руку одной, другой, и подвёл их к своему столику.

— Валентин, позволь тебе представить Олю и Наташу. Они любезно согласились составить нам компанию. Это мой товарищ, Валентин, он тоже музыкант.

Усадив девиц, Дима заказал шампанское, фрукты и ещё водки.

Принесли две порции курицы «по-министерски», и Дима спохватился, что ведь не будут они жрать вдвоём со Степановым, начал было снова звать официанта, но дамы его остановили, сказав, что есть вообще не будут.

Выпив, захотели подвигаться, и все четверо выходили танцевать кто как может, вместе с другой подвыпившей публикой.

Потом они сидели за столиком, и Дима вешал девушкам на уши лапшу:

— Ленконцерт — отвратительно пошлая организация. Хорошие музыканты везде нарасхват. Нас сейчас приглашают ехать в Америку с Пугачёвой... Мы не торопимся с ответом.

Раскрасневшиеся девицы глупо смеялись, блестя глазами и прижимали к губам бокалы с шампанским.

Вернувшийся из туалета Степанов наклонился к Котову и прошептал на ухо:

— Предупредили насчёт этих тёлок. Могут по ушам надавать.

— Кто? — не понял Котов.

— В смысле — какие-то их мужики. Отморозки.

— Уходим... — заторопился совсем уже пьяный Котов.— Иди, купи бутылку с собой. Четвертного хватит?.. Это надо допить...

Он налил водку в фужер для напитка и выпил.

— Берём тачку и едем ко мне... — зашептал он девушкам доверительно.

— Мы не знаем... А у вас квартира?

Котов утвердительно кивнул, налил ещё один полный фужер водки, выпил и занюхал хлебом.

Из служебного прохода вышел Степанов с оттопыривающимся внутренним карманом пиджака.

— Девочки, три-четыре, вы готовы? — резко поднялся Котов, хлопнул в ладоши и едва не завалился на бок. Он увидел перед собой расходящийся в стороны бесконечный ряд одинаковых девочек.

Поддерживаемый Степановым, он доковылял до туалета, помочился мимо писсуара и с расстёгнутой ширинкой вышел на проспект. Кругом было пусто. Степанов стоял на проезжей части и тормозил машины. Остановилось такси. Степанов открыл переднюю дверцу и вступил в переговоры. Котов оторвался от декоративной решётки окна и шагнул к девочкам. С ними стояли трое. Дима слабо оттолкнул ближнего, едва сам устоял на ногах и потянул к себе девочек. Те почему-то отстранились, отпихнув его руки. В тот же момент Котов получил ослепительный удар в лицо, сделал несколько шагов назад и упал в грязь. Кто-то подошёл и, выматерившись, ударил его ногой в ухо. Котов вдруг пронзительно, по-женски завизжал и получил ещё один удар, после которого впал в забытё.

Обрывочные воспоминания

Несколько метров коридора до сцены подвального клуба занимала околomuзыкальная публика, шарахнувшаяся по стенам, чтобы освободить проход своим кумирам. Крики и свист, слышные ещё из каморки гримёрной, здесь уже заглушали все остальные звуки.

Принц вышел на сцену, с трудом просматривающуюся из-за пелены характерного дыма, взял с колонки гитару, под взрыв зала шагнул к микрофону и заиграл.

Самые первые секунды он выбивал из низких струн глухой монотонный ритм, сразу вступив голосом. Несколько фраз были произнесены как бы с неохотой, но они загипнотизировали публику, заставив притихнуть. Но сразу вслед за этим произошло то, ради чего стоило здесь собраться. Принц ударил по аккорду, пустив гитару через фузз, перешёл на крик, и тогда же начали свои партии бас и барабаны. Это было похоже на атомный взрыв, группа заиграла в своём обычном безудержном темпе. От стремительных гитарных партий перехватывало дыхание, звук голоса проникал во все клетки и заставлял испытывать оргазм не одну девственницу. Ураганный гром ритм-секции напоминал топот тысяч боевых слонов Ганнибала.

Но вот что-то неясное попало в единое энергетическое поле, связующее зал и сцену, нарушив гармонию взаимного обмена. Это были те особенные вибрации, диссонанс которых каждый почувствовал спинным мозгом. Музыканты перестали играть, сделалось тихо.

В следующее мгновение двери и забитые фанерой окна с треском распахнулись, в проёмы хлынули бойцы спецназа. В зале началась неразбериха.

Не замечая того, что он остался один на сцене, Принц внимательно смотрел в зал, неторопливо наматывая на кисть руки ремень от гитары. Кто-то окликнул сзади.

— Пожарный выход!..

В проходе кулис стояли его друзья и отчаянно жестикулировали. По деревянным ступенькам сцены загрохотали сапоги. Принц толкнул ногой двухметровую колонку, за которой слышались

сдавленные крики, и в два прыжка оказался в проходе. Теперь во двор и врассыпную.

Прежде чем милицейский броневик с бешено вращающейся башней въехал во двор, топот ног уже стих за извилистыми поворотами проходных дворов. Стая ободранных бродячих собак пробежала мимо, с опаской поглядывая на газовые и водометные пушки.

Марусин

Александр Юрьевич Марусин оскалил зубы, в который раз поправил галстук, сдул невидимую пылинку с рукава и, наконец, удовлетворённый отошёл от зеркала. Его сорокалетнюю хорошо сохранившуюся фигуру окружала атмосфера заграничной парфюмерии и благополучия.

Выйдя из своего дома на набережную Мойки, он щелчком пальцев остановил такси, бросил на заднее сидение дипломат и плюхнулся рядом. Сегодня Марусин исполнял приятную для себя роль свадебного генерала, присутствие которого придавало мероприятию особый шик.

Имя композитора Александра Марусина было, что называется, на слуху. Его песни, по большей части комсомольско-молодёжной или патриотической тематики, звучали на радио и телевидении почти ежедневно.

Композиторскую деятельность Александр Юрьевич успешно совмещал с активной общественной работой в Союзе композиторов, возглавлял жюри фестивалей и непреклонные худсоветы, изредка бывал в заграничных командировках. Начавшаяся перестройка не угрожала его карьере, однако она заставляла подумать о кое-какой переоценке ценностей.

Новые условия концертной деятельности позволяли получать за гастрольные выступления очень хорошие деньги. Такие хорошие, что за год-два коллективы, до недавних пор исполнявшие его тематику, начали вдруг обрастать дачами, машинами и квартирами.

Вот этого Александр Юрьевич терпеть не смог. Он сел за рояль и с нескольких наскоков написал песню, или вернее, рок-композицию

«Кибер-нелюбовь», очевидные недостатки мелодии и текста которой должно было компенсировать мощное звучание электронных инструментов и всеядность толпы.

Через месяц у Марусина была готова программа из двадцати песен, скользких и одинаковых, как рыбы в стае. Осталось собрать группу и превратить этот безликий материал в звонкую монету.

«Невский факел»

Таково было состояние дел Марусина, когда сосед по лестничной клетке пригласил его в кафе на свадьбу дочери. Утомлённый безвылазной работой над новой программой, Марусин, долго не ломаясь, согласился.

— А вот и пришёл Александр Юрьевич! — радостно провозгласил счастливый отец, поднявшись с места и сделав несколько хлопков в ладоши.— Товарищи, поприветствуем дорогого гостя!

Все зааплодировали, некоторые встали.

Марусин подошёл к молодым с общепринятыми для таких случаев словами. Поцеловал в щёчку невесту, потряс руку жениха и незаметно, но так, чтобы все увидели, сунул мамаше конверт.

Гостя посадили в президиум П-образного стола — между родителями и свидетелями — и тосты понеслись.

Обхоженный со всех сторон, Марусин пил, закусывал и с любопытством поглядывал в сторону небольшой сцены, на которой готовился к выступлению ансамбль. Присутствие ансамбля на свадьбе вернуло Марусина к насущным проблемам.

Для исполнения его новой программы музыкантов можно было в принципе набрать поодиночке, однако для достижения слаженного звучания потребовалось бы время, которое уже расценивалось как деньги. Вернее всего было бы взять уже готовый, сыгранный, достаточно грамотный, но творчески беспомощный коллектив, который мог быть полностью в его власти.

— Добрый вечер! Ансамбль «Невский факел» начинает праздничную танцевальную программу! — прервал размышления Марусина

усиленный микрофоном голос.— Наша первая песня звучит по заявке новобранной. Она носит название «Яблоки на снегу».

«Яблоки на снегу, красные на белом...» — запел хорошо поставленным голосом молодой человек с гитарой.

Марусин сразу отметил отличное звучание этого работающего в сфере обслуживания музыкального коллектива. С этого момента он начал внимательно следить за выступлением группы.

Их лидер очень неплохо владел голосом и гитарой — чувствовалась многолетняя практика, не было и следа юношеского выпендрёжа. На него, скорее всего, можно было положиться во всех отношениях.

Клавишник был вне всяких похвал. Из своего дешёвенького синтезатора он выжимал звучание целого оркестра. Можно сказать, что на нём держался весь звук ансамбля.

Бас-гитарист с красноватым оттопыривающимся ухом был не очень изобретателен, но и не засорял звучание излишними пассажами.

Явно скучающий барабанщик время от времени срывался на рок-н-рольные перебои. Человек это был определённо ненадёжный.

Но в целом это было то, что хотелось.

Понедельник

День начался для Котова с крайне неприятного пробуждения. Помимо становившихся уже привычными сухости во рту, головокружения и чувства безысходности, гамму похмельных ощущений дополняла сильнейшая головная боль. Да ещё ухо, на котором он лежал, было словно зажато в тиски. На привычном месте почему-то не оказалось бутылки с водой.

Это встревожило. Дима встал и босиком прошлёпал в ванную, на ходу осторожно ощупывая ухо. Было такое ощущение, что ухо чужое.

В ванной у него не хватило мужества сразу встретиться со своим отражением в зеркале, и он, склонившись над раковиной,

долго пил воду из-под крана. Наконец в зеркале появилась взъерошенная голова с опухшим лицом и оттопыривающимся красным ухом.

Дима долго смотрел на это лицо, машинально полоща руки под струёй холодной воды и пытаюсь восстановить в памяти вчерашние события. Нить прерывалась на выходе из ресторана.

Умывшись, Дима в задумчивости вернулся в комнату.

Позвонил Степанов.

— Жив?

— Валя, как я вчера домой добрался?

— Как били, помнишь?

— Что-то было... Не помню, честно говоря.

— В общем, тебе дали там пару раз.

— А я?..

— Ты так орать начал, что все разбежались. Потом я тебя домой отвёз.

— Да... дела...

— Ты хоть помнишь, что мы сегодня играем?

— Как, разве сегодня?

— У меня обед кончается. В шесть за аппаратом заеду.

Дима в тревоге заходил по квартире, поглядывая на аппаратуру, потом набрал ванну, залез и просидел там часа два, подливая горячую и изгоняя зелёных бесов из организма. Потом напился чаю с лимоном и уже отчасти пришёл в себя.

В назначенное время прибыл Степанов. Они вдвоём перетаскали всё что нужно в такси, втиснулись сами, пообещав шофёру «не обидеть», и поехали на проспект Славы в безымянное кафе на втором этаже типового торгового центра.

Осипов и Лисовский уже стояли у входа. Всё перетаскали в зал, расставили, подключились и не спеша начали настраиваться.

Вокруг свадебного стола суетились папаша и мамаша. Папаша подошёл к Котову.

— Как, ребята, вы готовы? Значит, как только они заходят, вы грохаете этот, как его... свадебный...

— Мендельсона.

— Точно. Потом спокойно садитесь и закусываете. Где-нибудь через часик я дам знак начинать.

Через несколько минут папаша подошёл снова.

— Вот ещё что. Возможно прибудет Александр Марусин, композитор,— сказал он, многозначительно глядя на Котова и остальных.— Вы какую-нибудь его песню можете сыграть?

Дима повернулся к Степанову. Тот кивнул.

Работа

Под звуки свадебного марша к столу подошли молодые, следом за ними зал заполнили гости. Бегло оглядев интерьер, каждый сосредоточил своё внимание на праздничном столе, прицеливаясь к любимой закуске или выпивке и выбирая место поближе.

— Просим всех к столу! — объявил папаша в микрофон, и гости, громыхая стульями и задевая звенящие столы, расселись по местам.

— Всем налили! — послышалась очередная команда.— Кавалеры, ухаживайте за дамами!

Первая, официальная часть мероприятия, вступила в силу.

«Невский факел» сидел за специально накрытым для них сбоку от сцены столиком, тоже пил и закусывал. Гремели надоевшие тосты, гости кричали «горько».

Опохмелившийся Котов начал с интересом разглядывать публику, отмечая для себя молодых женщин, сидящих не в паре с мужчиной. Редкое мероприятие обходилось без того, чтобы Дима не обменялся телефонами с какой-нибудь встретившейся с ним глазами одинокой особой. Такое знакомство, конечно, не всегда срабатывало, но время от времени барышни звонили, и Котов приглашал их к себе домой.

С приличествующим своему положению опозданием прибыл композитор Александр Марусин. Его внешность примелькалась

на телевизионы, многие узнали и радостно приветствовали. Прозвучал восторг за выдающиеся достижения нашей советской эстрады, а потом и за здоровье Александра Юрьевича лично.

Гости заметно хмелели. Все начали громко и наперебой говорить, не слушая друг друга, часто уходили курить или в туалет. По всему было видно, что пора уже начинать танцы. Спустя несколько минут подошёл папаша и сказал, что пора.

Ансамбль громко и четко вступил, разом подняв с мест большую часть публики. Гости, притопывая и прихлопывая, сначала окружили молодых, танцующих «медленный танец» под довольно ритмичную мелодию. Ансамбль начал прогон своей хорошо обкатанной программы.

Среди публики преобладала молодёжь — друзья и подруги молодожёнов. Они принимали ансамбль очень хорошо, после каждой песни аплодировали, знакомые слова популярных песен громко и азартно подпевали.

По прошествии получаса, после трёх бисов песни «Комарово», во время исполнения которой гости едва ли не перекрикивали ансамбль, объявили перерыв, и все уселись за стол.

«Невский факел» тоже занял места за своим отдельным столиком.

— Сейчас будут петь,— сказал Лисовский, потягивавший белое сухое вино.— «Ромашки спрятались».

— «Ах, кто-то с горочки спустился»,— возразил Осипов приятелю и залпом опрокинул рюмку водки.

От нечего делать они хотели поспорить, но тут дама из числа граждан старшего поколения дурным голосом затянула:

— Ромашки спрятались, поникли лю-ютики!..

Старшее поколение с готовностью подхватило, перекрикивая друг друга, и напряжённая, фальшивая разноголосица плотно заполнила помещение.

Котов поднялся и, разминая на ходу папиросу, направился в туалет.

На лестнице у открытых окон собралась курящая молодёжь, и Дима увидел здесь стоящую в стороне девицу лет двадцати, которую он раньше приметил за столом.

Справив нужду, Дима остановился у зеркала. Проклятое ухо он ещё дома тщательно припудрил, но потом машинально трогал его, и теперь оно снова предательски фосфоризировало и блестело.

Котов прикурил папиросу и с приятной улыбкой подошёл к девушке.

— Привет,— сказал он, затягиваясь и глядя ей в глаза.

— Здравсьте,— ответила девушка смущённо.

— А вы меня не помните? Встречались у Бориса на той неделе.

— У какого Бориса?

— Гребенщикова.

— Ой, вы меня с кем-то путаете!

— Неужели путаю? А как вас зовут?

— Марина.

— А меня Дима.

— Ну... очень приятно.

— Так вы мне завтра позвоните,— Котов без дальнейших церемоний начирикал в специальном блокнотике свой номер и оторвал листок.

— А это нужно? — неуверенно улыбнулась Марина.

— Это важно,— многозначительно и кокетливо сказал Котов.

Во втором отделении среди прочего исполнили две песни Александра Марусина: «Юность комсомола» и «Молодёжь на марше». Поглядывая на Степанова, Котов без труда подыграл половинками бас к набившей оскомину мелодии.

В перерыве к их столику подошёл сам Марусин и приветливо улыбнулся:

— Как настроение, ребята?

— Александр Юрьевич, пожалуйста, присаживайтесь! — Котов вскочил, уступая своё место.

— Нет-нет, спасибо, только два слова. Вот мой домашний телефон,— Марусин протянул Диме визитную карточку.— Сейчас я ухожу, но хочу, чтобы в конце недели вы мне позвонили. Возможно, у нас будет повод для встречи и серьёзного разговора. Желаю вам сегодня так же успешно отработать. До свидания.

И Марусин удалился.

Котов посмотрел на товарищей. Осипов насмешливо улыбался; Лисовский с аппетитом закусывал; Степанов оцепенело смотрел в одну точку.

Третье отделение состояло из хитов, находящихся вне времени и пространства, некоторые даже с матом. Мероприятие подходило к своей самой хмельной и безобразной стадии.

Молодая устроила первую сцену своему мужу, усмотрев измену в его задушевном танце со старой знакомой. Она ударила его кулаком по лицу, а потом кричала в слезах: «Мудак! Пидарас! Ненавижу!..» и пыталась сорвать с пальца обручальное кольцо. Несколько человек её держали. Муж сидел за столом, в отчаянии уронив голову на руки. Из-под его локтя торчком поднималась тарелка с недоеденным салатом.

Одна из танцующих, полная дама лет шестидесяти, грузно упала, поскользнувшись на какой-то гадости. Она ударилась головой, сломала руку и порезалась об осколки, после чего её увезли на скорой помощи.

В туалете двое молодых людей в белых рубашках и галстуках били третьего молодого человека. А потом он лежал на полу и через него перешагивали.

Когда спиртное закончилось, народ начал расходиться. Никто не прощался, никто толком не помнил, по какому случаю он напился.

Котов и Степанов сматывали шнуры и зачехловывали гитары. Осипов с Лисовским встречали на улице такси.

Дима напоследок оглядел зал.

Запах стоял тошнотворный, столы и пол были усеяны объедками и осколками битой посуды. Доступные для глаза фрагменты изначально белой скатерти переливались всеми цветами набора акварельных красок. В куске сливочного масла был затушен хабарик. Под столом виднелась затоптанная блевотина.

«Усталые, но довольные пионеры возвращались в лагерь», — почему-то вспомнил Дима фразу из школьного учебника.

Группа закончила свой очередной, привычный трудовой день.

Вторник

На другой день мысли Котова были заняты двумя вещами. Во-первых, ему не давала покоя вчерашняя встреча с Марусиным и возможные в перспективе последствия этого эпизода. Скорее всего, что всё это неспроста, и ансамбль композитору понравился, но в каком качестве они могут ему пригодиться? Песни Марусина исполняли такие зубры эстрады как Лещенко и Кобзон, Сенчина и Ротару — разве мог с ними тягаться Дима Котов и его любительский ансамбль «Невский факел»? Всё могло разъясниться только после встречи с самим композитором.

Ещё одна вещь, не столь важная, но более привычная и приятная, которая занимала Котова, было предстоящее свидание с Мариной. Вчерашняя знакомая позвонила с работы ещё в начале дня, и они договорились встретиться ровно в шесть на Василеостровской. Дима ходил по квартире и не спеша наводил порядок.

Бегло осмотрев большую комнату, выбрав оттуда пустые бутылки, грязную посуду и окурки, он принялся за меньшую, имевшую преимущественное значение именно в интимном плане.

В меньшей комнате располагались светомузыка, бар с подсветкой и откидным столиком, широкая кровать. В единственное кресло Дима набросал книг, названия и авторы которых могли характеризовать его как мыслящего, культурного человека. После этого девушке, попавшей в его комнату, было уже некуда сесть, кроме как на кровать.

Дима вынес из комнаты грязные носки, заодно смахнув ими пыль с мебели. После некоторого колебания постельное бельё решил не менять: не такой уж королевой казалась эта Марина.

А вот душ следовало принять. Хотя бы для ощущения уверенности в себе.

К четырём всё было готово, Дима лежал на кровати и, коротая время, читал книгу.

Точно в назначенное время Котов подошёл к метро. Народу было много и, чтобы не потеряться в толпе, он решил стоять прямо у выхода с эскалатора — так, чтобы можно было сразу увидеть друг друга. Как сегодня могла быть одета Марина, Котов не знал, да и вообще как выглядела плохо помнил. Поэтому он больше надеялся на то, что девушка сама к нему подойдёт.

Пропустив очередной поток граждан, он проскочил внутрь и встал на самое видное место в двух шагах от эскалатора. Из-под земли на него выплывали фигуры в военной форме и в штатском, мужского и женского пола, молодые и старые. Почти у каждого на лице ничего кроме усталости...

Вдруг он увидел Марину. Она так неожиданно шагнула на него с эскалатора, оторвавшись от общего потока, что Дима немного опешил.

— Извини, я немного опоздала,— сказала она, улыбаясь.— Ты давно ждёшь?

Котов машинально посмотрел на часы.

— Нет, ничего, привет...

Они вышли из метро и направились через дорогу к трамвайной остановке.

— А куда мы идём? — поинтересовалась Марина.

— Мне всё равно. А куда ты хочешь?

— Не знаю... Мне казалось, ты сам что-нибудь придумаешь.

Я не против где-нибудь посидеть.

— Можно зайти ко мне.

— К тебе? Даже не знаю. Это удобно?..

Вскоре они стояли в прихожей, и Дима галантно помогал своей гостье раздеться.

— Извини, пожалуйста, а где здесь ванная? — шёпотом спросила Марина.

«В сортир хочет», — подумал Котов.

— Здесь всё, — сказал он, щёлкнув сразу тремя выключателями

теплыми

— Спасибо.

Дима зашёл в комнату, включил мягкую подсветку и музыку. В баре стояли полбутылки коньяка, умыкнутые со вчерашней свадьбы и бутылка сухого с незапамятных времён. Появилась Марина.

— Что будем пить? Вино, коньяк?

Марина остановилась, оглядывая комнату.

— Ты, кажется, чай хотел...

— Ладно, ты проходи, садись.

Марина села на краешек кровати. Дима разлил коньяк и сел рядом.

— За встречу?

Чокнулись и выпили. Дима налил ещё.

— Давай сразу по второй.

Выпили по второй. Марина всё ещё немного волновалась.

— У тебя можно курить?

— Что? (Дима продумывал план дальнейших действий.)

— Курить здесь можно?

— Да, да, конечно.

Марина встала, вынула из полиэтиленового пакета с надписью «Montana» пачку болгарских сигарет и вернулась на место. Дима щёлкнул зажигалкой.

— Хочешь сигарету?

— Я лучше беломор, люблю покрепче.

Они стали курить. Программа выстраивалась приблизительно такая:

1. Напоить.

2. Пригласить на танец и в танце поцеловать.

3. а) естественное развитие событий при обоюдном согласии;

б) применение некоторой силы в разумных пределах;

в) продолжать пить;

г) расстаться навеки.

Варианты «в» и «г» возникали при неудаче варианта «б», а вариант «г» мог состояться даже после добросовестного исполнения вспомогательного варианта «в»...

Дима попытался представить, о чём сейчас думает Марина. Скорее всего, о том же, знать бы её мысли. Даст или не даст? Они посмотрели друг на друга и одновременно порывисто глубоко затаились.

«Даст», — подумал Дима.

Он разлил по рюмкам оставшийся коньяк. Получилось «с горкой».

— Ну, что, давай выпьем?

— Много налил, не брать.

— Отпей.

подавая пример, Котов наклонился к своей рюмке, вытянул губы и отсосал часть коньяка. Марина сделала так же и, улыбаясь, посмотрела на него. Дима вдруг понял, что пора. Он обнял девушку и ладонью мягко приблизил её голову. Глаза их на секунду встретились, губы слились в поцелуе.

Марина, не очень искушённо, но отвечала, и в Котове стала подниматься знакома волна радости, предвкушение удовольствия, с которым могли сравниться разве что очень хорошая выпивка или крупный денежный куш.

Дима щёлкнул выключателем и не сильно, но настойчиво положил Марину на лопатки. Продолжая целовать её в щёки и в шею, стал расстёгивать пуговицы на рубашке и дальше, на джинсах. Рука скользнула под колготки и нащупала мягкие волосы. Марина слегка раздвинула ноги, и средний палец погрузился в заполненный до краёв нектаром упругий цветок. Несколько круговых движений чуть выше, вокруг твердеющей тычинки, заставили девушку негромко ахнуть.

— Разденемся, — шепнул Дима.

Они разделись и легли под одеяло. Их руки и ноги сплелись, губы жадно ловили долгие поцелуи. Их бёдра бессознательно двигались, дыхание участилось. Уже чувствуя приближение оргазма, Дима сосредоточился, принял позицию сверху и прошептал «помоги»... Марина взяла подрагивающий, бестолковый от возбуждения член и направила. Член скользнул в упругое лоно, двинулся вперёд-назад и остановился.

— Ты уже?..

— Нет, погоди.

Чтобы сразу не кончить, ещё не успев толком начать, он задержал дыхание. Оргазм на время отступил, и любовники минуты полторы в полную силу воздавали хвалу Эросу. Но вот их движения навстречу друг другу ускорились, всё вдруг взбесилось и заходило ходуном. Марина застонала, закричала, напряглась и упала расслабленная.

Котов по инерции сделал ещё несколько движений и отвалился в сторону, лицом в подушку.

Некоторое время лежали молча.

— Мне нужно в ванную, — прошептала Марина.

— Угу.

Марина перелезла через котовские ноги и зад, нащупала тапки и прошла в ванную. Оттуда донёсся шум воды из душа.

Котов встал с кровати, включил подсветку, взял в руки бутылку «Ркацители» и осмотрел пробку. Пробка была полиэтиленовая. Идти за ножом не хотелось; обжог край огнём зажигалки и сорвал зубами. Раздался характерный звук. Приготовил два стакана под вино и стал ждать.

— Ой, ты свет включил!

— Стесняешься? Отвернулся.

Марина юркнула под одеяло.

— Вина выпьешь? Сухого?

— Да. И покурить.

Завернулась в одеяло и села рядом.

Котов налил, чиркнул зажигалкой. Посидели, выпили, покурили. Снова легли и снова захотели друг друга. Уже не очень стесняясь, Марина положила свою руку на лобок Димы, и её пальчики принялись ласкать тот самый «нефритовый стержень», о котором читала и слышала так много и который всё ещё был для неё в диковинку. Стержень напрягся, они снова порывисто сплелись в объятиях.

— Поднимись на коленках, — сказал Дима.

Они оба встали на колени, Марина оперлась на руки, а Дима пристроился сзади и взял её за бёдра. Он поводил членом по щели. Там было всё раскрыто и влажно. Девушка сделала нетерпеливое движение. Не имея терпения для игр, Дима двинулся навстречу,

и член легко скользнул во влагилице. Начали неторопливо, внимательно прислушиваясь к звукам, запахам и своим ощущениям. Немного погодя Марина опустила на плечи и прогнула спину. В мягкой подсветке женские формы восхитительно выделялись на тёмном фоне полумрака. Время от времени Дима совсем вынимал член и вводил его снова, вновь и вновь вызывая ощущение самого начала полового акта.

Только минут через десять, уже уставшие, чувствуя приближение оргазма, они задышали, задёргались и кончили одновременно, в два голоса.

Котов проснулся через полчаса, чувствуя жажду и сильный аппетит. Стараясь не беспокоить гостью, вышел на кухню. Поставил большую сковородку на огонь, бросил в неё полпачки сливочного масла и вколотил одиннадцать яиц — все, что были.

Появилась Марина. Она была в котовской рубашке, застёгнутой на все пуговицы. Она тоже хотела есть, её разбудил запах. Они вдвоём умяли все одиннадцать, вернулись в комнату и допили сухое.

Котов откинулся на спину, оба уже ничего не стеснялись. В голове уже ничего не было, кроме тумана, алкоголя и похоти. Марина залезла сверху «валетом», залупила пальчиками головку и взяла член в рот. Голова её стала подниматься и опускаться. Дима, удобно устроившись головой на подушке, самозабвенно играл языком лепестками её цветка. Всё потеряло значение.

Обрывочные воспоминания

Принц вошёл за нею следом и огляделся. Крошечная мастерская располагалась в круглой башенке на крыше семиэтажного здания, из окон которой открывался вид на проспект им. Кирова (б. Каменноостровский).

Комнатка вмещала в себя кровать, столик с букетом полевых цветов, пару стульев и тумбочку. На полу лежали стопки книг и рулоны акварельных рисунков. Рисунками были оклеены все стены комнаты.

— Я уговорила родителей разрешить мне прийти здесь до начала учебного года. Моего старшего брата называют трагедией семьи, и я — последнее, что у них осталось.

— Можешь сказать им, что я буду за тобой присматривать.

— Не думаю, что они обрадуются.

Принц внимательно разглядывал рисунки, но ничего не понимал. Цвета и фигуры сменялись в удивительно знакомом порядке. Неожиданно, взглядываясь в один из рисунков, он ощутил, как в голове явственно проступает знакомая мелодия. Принц и сам не заметил, как начал её насвистывать. Повернувшись к Розе, он сказал:

— Кажется, я понял. Это музыка. Но как, чёрт побери, у тебя это выходит?

— Сама не знаю. Чем же ещё тебя удивить?

Принц взял её за руку и мягко привлек к себе. Роза подняла на него глаза. Их взгляд выражал большее, чем любые произнесённые слова, а их первый поцелуй был не сравним ни с чем до или после этого.

— Мне нет и шестнадцати... — прошептала Роза.

— Отличный возраст. Стоит подождать ещё немного?

— Пожалуй, не стоит. До сегодняшнего дня я ждала принца... но, кажется, он уже приехал.

Среда

На другой день Котов лежал в бойлерной на любимой скамейке и вспоминал подробности вчерашнего свидания. Женщины попадались ему разные: чувственные и холодные, активные и пассивные, умные и дуры. Некоторые своим поведением могли надолго отбить интерес к плотским утехам, и очень редко встречались ему такие бойцы, как Марина.

Отоспавшись к вечеру хорошенько, Дима сосредоточился и позвонил Марусину с рабочего телефона.

— Александр Юрьевич? Здравствуйте, это говорит Дима из ансамбля...

- А-а! Очень хорошо, что вы позвонили. Значит так, Дима. Пожалуйста соберитесь вчетвером и приезжайте ко мне. У нас всё-таки будет серьёзный разговор. Когда вам удобно?
- Можем завтра вечером.
- Вот и хорошо. Значит, в восемь я вас жду. Пишите адрес... Ломая грифель, Котов торопливо нацарапал карандашом домашний адрес Марусина.
- Обязательно будем! До свидания!

Обрывочные воспоминания

Утром того же дня в здании НКВД на Литейном-4 по селекторной громкой связи прозвучал голос полковника Ежова:

- Майора Кизяка ко мне в кабинет.
- Майор Кизяк по вашему приказанию прибыл.
- Неплохо выглядите, Александр Сулейманович. Как здоровье вашей драгоценнейшей супруги? Давно ли вы её навещали?
- Спасибо, ей уже лучше. Вчера её перевели из госпиталя обратно в камеру.
- Не благодарите; скоро вы сможете её увидеть.

Уголки рта майора Кизяка опустились, лицо вытянулось. Он настороженно, исподлобья взглянул на командира. Тот выдержал паузу и рассмеялся.

- Нет, нет, вы неправильно меня поняли. Я только хотел сказать, что ваши подозрения не подтвердились. Этим делом занимался Зубов, ваш товарищ, вы ведь знаете его методы... Он убедил меня, что ваша жена не владеет ни одним из иностранных языков. То, что она бормочет во сне, скорее всего невнятное произношение русских слов. Отправьте её на месяц в наш санаторий и сделайте хороший подарок.

- Спасибо, товарищ полковник.
- Что у вас в отделе? Агент Странник соблюдает условия сотрудничества?
- Так точно. Вчера приходил с подборкой июньских материалов

— С обалавами не перестарайтесь. Лягут на дно, нормы выработки снижать не буду.

— Понимаю вас. Учту.

— Королёв много себе позволяет, как их там... «Мать». Отец у него, видите ли, особа приближённая к императору. Не могли дотронуться. Попробуй подобраться с другого края. Кто у них всё это организует... ну, помещение там, билеты...

— Есть администратор, Ливинштейн.

— Ливинштейн, отлично. Поработай с ним прямо сегодня. Если на эту грёбанную «Мать» будет что-нибудь конкретное и не липа, я отправлю материалы прямо к Коршунову. Не люблю когда в статистике появляются неприкасаемые. А супругу свою забирай и вези домой.

— Слушаюсь. Разрешите идти?..

Свой первый настоящий барабан Саша Кизяк получил в летнем пионерском лагере. Сначала барабанщиком в их отряде был другой мальчик. Он шёл впереди строя с гордо поднятой головой, и палочки в его руках послушно плясали над пластиковой поверхностью. Этот мальчик показывал Саше разные приёмы игры и разрешал упражняться на барабанах сколько он хочет.

Однажды, во время купания, Саша задержался на берегу и спрятал барабан далеко в кустах, потом перебежал в сторону от этого места, плюхнулся в воду и смешался с остальными ребятами.

Инструмент не нашли, и мальчика строго наказали.

Вскоре Саша принёс барабан в отряд и рассказал, как отнял его у местных мальчишек. При этом рубаха его была разорвана, а лицо выпачкано грязью.

Уже восхищённые взгляды девочек были для него достаточной наградой. С этого дня он стал отрядным барабанщиком.

Миновав большой барабан в полковом оркестре благодаря наличию военной кафедры в институте Физкультуры, к своим восемнадцати годам Кизяк овладел целой ударной установкой, играя на ней в студенческом вокально-инструментальном ансамбле. И, самое главное, Александр давно и успешно продвигался по комсомольской линии.

По окончании института Кизяк был направлен на работу в райком, а вскоре перешёл и в горком комсомола.

И вот наконец настало такое время, когда Александр должен был занять пост первого секретаря. В этот день, приуроченный к круглому юбилею комсомольской организации, в Большом концертном зале собрались видные партийные и комсомольские деятели, спортсмены и передовики труда, заслуженные работники искусств и ветераны. Программа была следующая:

1. Отчёты секретарей райкомов.
2. Отчёт и. о. Первого секретаря горкома ВЛКСМ (Ал. Кизяк).
3. Напутственное слово товарища из ЦК.
4. Праздничный концерт.

Пока тянулись отчёты, Александр сидел в президиуме. В животе у него пели трубы, а руки дрожали. От того, какое впечатление он произведёт на товарища из ЦК, зависело его назначение и дальнейшая карьера. А ещё, в первом ряду сидела красивая девушка, его невеста, вместе со своими родителями — очень, очень влиятельными людьми...

Наконец Александр услышал свою фамилию и, не чувствуя ног, под приветственные аплодисменты подошёл к микрофону.

— Товарищи! — начал он хорошо поставленным голосом, серьёзно и торжественно.— Неуклонно возрастающий авторитет партии ставит перед комсомолом всё новые и новые задачи по совершенствованию знаний и навыков у нас, молодых,— строителей будущего, строителей коммунизма!

После этой хорошей фразы у Александра была запланирована небольшая пауза, после которой должен был последовать взрыв аплодисментов.

Но этого не произошло. За секунду до взрыва, в момент торжественной паузы, когда на лицах заслуженных товарищей появилась одобрительная улыбка, когда лицо невесты засветилось гордостью, а довольные родители скосили на неё глаза, в этот самый момент произошло ужасное, нелепое, невероятное и совершенно непоправимое: и. о. Первого секретаря горкома комсомола пукнул.

Громкий, неприличный звук был многократно усилен посредством чувствительных микрофонов и выдан в зал мощными динамиками.

Зал содрогнулся и застыл словно парализованный. Товарищ из ЦК, сидевший в президиуме, выронил ручку с золотым пером, она упала на сцену и разлетелась. Невеста в первом ряду потеряла сознание.

В глазах у Александра потемнело, он закрыл лицо руками и быстрыми шагами почти выбежал за кулисы, а затем через служебный выход на улицу.

Пронизанный насквозь леденящим ужасом, он не в состоянии был о чём-либо думать. По телу струился холодный пот, в висках стучало так, что голова была готова лопнуть от напряжения.

Прошло два года. Александр Сулейманович осунулся, похудел, лицо его стало одутловатым. Теперь он жил в Петрограде и работал учителем физкультуры в интернате для трудновоспитуемых.

Однажды в пивной к нему подсел приличного вида мужчина и, чуть заметно улыбаясь, проговорил:

— А ведь ты, Саша, сильно изменился.

Александр Сулейманович мутными глазами посмотрел на незнакомца.

— Не узнаёшь... А ведь мы с тобой учились в одном классе. Помнишь Ваньку Зубова?

Александр вдруг вспомнил тихого мальчика, когда-то учившегося с ним в одном классе. Ничем не примечательный в коллективе сверстников он запал в память благодаря одному случаю.

Как-то раз Саша Кизяк, желая порисоваться перед девочками, из-за пустяка вlepил физически более слабому Ване звонкую затрещину. Мальчик не полез в драку, но только закрылся руками и взглянул на обидчика так, что тому стало не по себе.

К концу дня Саша забыл о случившемся и вместе с одноклассниками возвращался из школы. Когда он, оторвавшись от группы, свернул в свой переулок, Ваня Зубов нагнал его сзади и изо всех сил ударил ему между лопаток огромным, зажатым в кулаке, гвоздём. Саша закричал как сумасшедший и побежал

Испуг заставил его скрыть правду от родителей, но с тех пор он усвоил на всю жизнь одну полезную истину: остерегайся того, кто не ответил на твой удар...

И вот он, Александр Кизяк, уже взрослый, но ещё молодой человек, небритый и нетрезвый, сидел перед этим самым Ваней Зубовым, хорошо одетым, холёным мужчиной, пахнущим одеколоном и парикмахерской.

Зубов раскрыл скрипящий кожаный бумажник, засветив пачкой крупных купюр, справился по какой-то своей памятке, поднял глаза на Александра и проговорил:

— Остальное подождёт. Пойдём отсюда.

Через четверть часа они сидели в отдельном кабинете спец-ресторана, Зубов держал в руках огромную раззолоченную карту и делал заказ. Официант, стилизованный под русского полового, записывал и услужливо повторял: «Да-с, так точно-с, будет в лучшем виде-с...».

Зубов налил в гранёные рюмки водку из запотевшего графина, они выпили по первой, и Зубов сказал главное:

— Должен тебе признаться, Саша, что наша сегодняшняя встреча не случайна.

Прошло много лет. Кизяк стал майором НКВД и уже третий год возглавлял отдел Рок-музыки, наркомании и гомосексуализма на Литейном-4.

День начался с короткого разговора у Ежова, потом он забрал и отвёз домой свою жену, а потом назначил встречу администратору подпольной рок-группы «Мать» Ливинштейну.

Комната номер двести тринадцать районного исполкома была специально оборудована для такого рода неофициальных встреч. В деле разрабатываемого объекта были подколоты самодельные билеты, фотографии, показания агентов и свидетелей. При умелой подтасовке всё это вместе взятое могло потянуть на статью, и Кизяк решил взять Ливинштейна на пушку: застрашать и заставить дать подписку нештатного осведомителя. Сначала отвлечь и позволить расслабиться, а потом сразу, как обухом по голове...

Ливинштейн поступал в дверь ровно в девять. Это был низкорослый прилизанный юноша в очках, клетчатом костюме и щегольских лаковых ботинках. Его физиономия выражала полнейшее отчаяние.

Для начала Кизяк завёл отвлекающий разговор о рок-музыке, в которой ничего не смыслил. Материалы для подобных бесед Александр Сулейманович черпал из служебной брошюры: «Массовая культура. За кулисами шоу-бизнеса».

Ливинштейн слушал его с видимым интересом и даже изредка поддакивал или шептал, как бы про себя, с негодованием: «Что делают, что делают!..».

Затем Кизяк сделал паузу и внимательно посмотрел на собеседника. Ему вдруг показалось, что разговор уже не получился. Что именно не сошлось, он ещё не понимал, но что-то было неправильно... Пора было нанести главный удар.

Кизяк положил на стол дипломат, зловеще лязгнув замками и, глядя Ливинштейну в глаза, выложил перед ним компрометирующие материалы.

Последовала пауза.

— Сгною!!! — неожиданно заорал майор и стукнул по столу кулаком с такой силой, что треснуло покрывавшее его стекло.

Ливинштейн схватился за сердце, повалился со стула на пол и остался лежать, неуклюже раскинув руки.

Это был удар ниже пояса. Кизяк растерялся и испугался не на шутку. Смертельный исход, даже во время допроса обвиняемого, мог иметь для дознавателя очень неприятные последствия. Подобное же происшествие во время рутинной вербовки осведомителя означало конец его карьеры.

— Эй... — Кизяк бросился на колени и похлопал лежавшего по щекам.— Эй, ты...

Реакции не последовало.

Схватив со стола пустой запылившийся графин, Кизяк выбежал из комнаты.

Ливинштейн быстро поднялся, сгрёб в дипломат лежавшие на столе бумаги и вышел следом. С той разницей, что повернул в противоположную сторону пустого коридора.

Через несколько мгновений вернулся Кизяк с наполненным водой графином. Не обнаружив ни Ливинштейна, ни бумаг ни своего дипломата с секретной документацией, он издал возглас отчаяния, выронил графин и схватился за голову.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ноябрьские тезисы композитора А. Марусина

В четверг, в восемь часов вечера, все четверо собрались у Марусина.

Уселись на диван перед стеклянным столиком, робея и не притрагиваясь к угощениям — засахаренным орешкам, фруктам, чашечкам с кофе и рюмочкам с ликёром.

Хозяин заставил всех выпить и предложил сигареты. Дружно закурили нездешнее «Мальборо», слегка расслабились. Марусин приступил к делу.

— Вот что, ребята. Я хочу поделиться с вами некоторыми планами. Если мы найдём взаимопонимание, эти планы станут нашими общими.

После этого Марусин раскрыл свой замысел создания рок-группы, исполняющей его песни, написанные в модных сейчас музыкальных ритмах. Затем он сел за фоно, напел несколько своих новых вещей и развил мысль более обстоятельно. В тезисах это могло бы выглядеть приблизительно так:

- Марусину понравился профессионализм коллектива;
- архиважную роль в сложившейся ситуации играет оперативность;
- работать с сырым коллективом — упускать время;
- время — деньги.

Далее Александр Юрьевич бросился несколькими цифрами, выраженными в десятках тысяч рублей и отпустил слегка обалдевших ребят, сказав, что даёт им время подумать и ждёт их послезавтра для уже более серьёзного и конкретного разговора.

Этой ночью, у себя дома, Котов долго не мог заснуть; всё ворочался и думал о своём будущем, о сверкающих перспективах модной рок-группы под руководством опытного и авторитетного человека. Постепенно совсем уж фантастические картины завлокли его сознание. Лондон, Париж, Нью-Йорк... продюсеры, наперебой предлагающие миллионные контракты, толпы беснующихся поклонников...

Под утро Котова разбудил телефонный звонок.

— Слушай, так что, мне теперь надо с работы увольняться? — послышался в трубке невыразительный голос Степанова.

— Чего?..

— Я говорю, меня без отработки не отпустят. Два месяца надо отрабатывать.

— Ну и отрабатывай.

— А как же...

Котов повесил трубку и повернулся на другой бок.

Обрывочные воспоминания

Промчавшись по улицам мимо шарахнувшихся по сторонам редких автомобилей, вороны свернули в небольшой двор и остановились.

— Глушите! — махнул рукой Адольф и указал на заколоченные окна подвала.

С десятков зажатых в крепких руках монтировок поддели запертую изнутри стальную дверь. Раздался отчаянный скрежет, дверь распахнулась, и в проёме показалась накачанная фигура.

— Пошли,— сказал Адольф, ударом чугунного кулака отбросив

фигуру внутрь помещения.

Принц шагнул за ним следом.

Подвальное помещение было оборудовано самодельными тренажёрами, служащими для накачки мышц и тренировки ударов. Гири, штанги, перекладины, подвесные груши, человеческий силуэт с мишенями на болевых точках — посреди всего этого нагромождения застыли в растерянности братки с лоснящейся мускулатурой. В спёртом воздухе воняло потом.

С десяток бритоголовых воронов, державших в руках мотоциклетные цепи и монтировки, расположились вдоль стен по периметру. Качки опустили на пол снаряды, вылезли из тренажёров и столпились в центре подвала.

— Такие дела, ребята,— сказал Адольф.— Простой вопрос — простой ответ. И мы уходим.

Медленно он переводил тяжёлый испытующий взгляд с одного потного лица на другое.

— Где девчонка?

Никто не проронил ни слова, никто не шелохнулся.

Адольф кивнул воронам, и в тот же миг половина качков свалилась на пол под ударами цепей и монтировок.

— Мне повторить вопрос?

Раздалось несколько невнятных голосов.

— Вы не знаете? Тогда продолжайте занятия. Лечь на пол, отжиматься по команде.

Под убыстряющийся счёт братки принялись отжиматься от пола.

Прошло несколько минут, и вот один из них, на счет «132», не смог оторвать плечи. Адольф затынулся, уронил горящий окурочек ему на спину, прижал сверху подошвой и растёр.

— Они не знают. Едем дальше.

Дела пошли

Уже через неделю между «Невским факелом» и Александром Марусиным был подписан договор из двадцати пяти пунктов о со-

трудничестве. Марусин брал на себя техническое обеспечение, сочинение песен и общее руководство. Он получал восемьдесят процентов от дохода. Новая рок-группа, по его предложению, называлась «Форт».

Благодаря содействию композитора, Лисовский и Осипов легко перевелись на заочное отделение. А вот со Степановым пришлось повозиться, так как его не хотели отпускать с завода. Мастера и парторга цеха пригласили в ресторан, а потом повезли к Котову домой и выписали девчонок. Что там творилось, в большой комнате, Котов и Степанов могли только догадываться, но факт тот что в понедельник на заявлении Степанова появились две визы: «Уволить без отработки» и «Не возражаю». Мастер ему весело подмигивал, а парторг стыдливо прятал глаза.

Тогда же начались регулярные репетиции.

Пять раз в неделю собирались дома у Марусина и два раза, в полную силу,— на точке, в одном из клубов.

Домашние репетиции происходили приблизительно так.

М а р у с и н (открывая входную дверь). Мальчики, мы ведь договорились без опозданий.

Заходят Котов, Степанов и Лисовский. Топчась в прихожей, раздеваются.

М а р у с и н. Андрея опять нет?

К о т о в (по возможности бодро). Александр Юрьевич, да что ему здесь делать? Вам ведь нравится, как он на сцене играет.

М а р у с и н (садится за фоно). Хорошо, хорошо, садитесь, сейчас подстроимся. Дима, давай «соль»...

Котов втыкает гитарный штекер в проигрыватель «Вега», подстраивает бас. Степанов щиплет акустическую гитару.

Л и с о в с к и й. Александр Юрьевич, у вас «ми» в третьей октаве не строит.

М а р у с и н (бряцает по клавишам). Да... сейчас...

Марусин лезет под крышку и долго возится, Котов и Степанов закуривают. Лисовский наблюдает за действиями Марусина, не выдерживает, лезет сам, и общими усилиями инструмент, наконец, настроен.

М а р у с и н. Итак, приготовились «Ты замуж за него не выходи»

Вадик, поехали.

Лисовский громко отсчитывает ритм ударами ноги и начинает. Следом вступает Степанов на гитаре, а потом на басу врезается Котов — в другой тональности.

М а р у с и н (бьёт в ладоши). Стоп! Дима, в чём дело?

Котов ничего не понимает.

М а р у с и н. Договорились в «ми-миноре», Валя её лучше поёт в «ми-миноре».

К о т о в. Ах, да...

Начинают снова, теперь всё верно, но на середине песни Степанов забывает слова. Происходит вялая перебранка с Марусиным. Слова у песни совершенно идиотские, обострять на них внимание даже как-то неловко, но надо. И Марусин тоном школьного учителя диктует слова, а Степанов записывает, так как оставил дома тетрадку с текстами.

Однако, в конечном счёте, звучание группы на большой сцене превзошло все самые смелые ожидания. Профессиональные аранжировки и мощь дорогой аппаратуры сделали своё дело. Пора было начинать.

Обрывочные воспоминания

Майор Кизяк сидел за столом своего служебного кабинета, обхватив голову руками. Докладывать или нет о случившемся — вот вопрос, который не давал ему покоя бессонной ночью. Если докладывать, то лучше сразу, потому что позднее будет хуже. А ещё хуже может быть, если Ежов узнает о случившемся не от него. Вот об этом даже думать не хотелось.

С вечера в парадной Ливинштейна дежурил сотрудник, ещё двое рыскали по городу, пока всё безрезультатно.

На столе зазвонил телефон.

— Ну? Что?..

— Александр Сулейманович? — послышался мягкий, вкрадчивый голос Ливинштейна.— Это я.

Где? С чего, где ты? — зашептал Кизяк, боясь подвунт...

нежданную удачу.

— Доложил? Про чемоданчик? Документики там интересные...

— погоди, Сева, не вешай трубку!

— Значит, не доложил...

— Сева, ты где?!

— Правильно, не докладывай. Чемоданчик верну. Потом.

Может быть...

— Ливинштейн!!! — заорал Кизяк, срывая голос на чёрную эбонитовую трубку, из которой уже доносились короткие гудки.

Когда пробило двенадцать, майор Кизяк решил не докладывать.

Первое выступление

Первое публичное выступление группы «Форт» состоялось в феврале, в концертном зале «Октябрьский». Фрагмент из этого выступления был включён в популярную телевизионную программу.

Концерт шёл под фонограмму и всё, что требовалось от исполнителей, — двигаться в ритме музыки и открывать рты.

Ноги у Котова так тряслись, что едва не подкашивались, а Степанов издавал такие жуткие звуки, что если бы микрофон вдруг заработал, зрители, наверное, попадали бы в обморок.

Но записанная на студии «Мелодия» фонограмма концерта была чиста и безукоризненна, зал принял выступление «на ура».

Даже самые осторожные ответственные работники от культуры были довольны звучанием и сценическим обликом нового коллектива. Это не было непонятно и двусмысленно как «Аквариум», не было взрывоопасно как «Алиса» или «ДДТ». Это было популярно и не страшно. Приглашения посыпались со всех сторон.

Обрывочные воспоминания

Наступала ночь. По тёмным улицам, слегка смоченным коротким летним дождём, двигалась кавалькада бритоголовых мотоцикли-

Поиски всё ещё были безуспешны. Принц впал в отчаяние, Адольф приходил в бешенство, воронам было всё равно — их интересовал процесс, а не результат.

Очередной подвал с тяжёлой металлической дверью находился на проспекте им. тов. Майорова (б. Вознесенский), в глухом, совсем без окон, дворе. Решив на этот раз особенно не возиться, к дверной ручке привязали взрывной пакет и подожгли шнур. Через несколько секунд раздался оглушительный хлопок, дверь повисла на одной петле, клубы дыма быстро затянуло внутрь помещения.

— Запасной выход! — догадался Принц и первым кинулся в подвал.

В быстро рассеивающейся дымовой завесе он увидел распахнутую дверь на соседнюю улицу и знакомого ему участника облав из комсомольского оперотряда, возившегося с замком подсобки.

— Почему ты остался, Болт? — сказал Принц, отрезав ему путь к бегству.— Что-нибудь забыл?

Качок взглянул на Принца дикими, налитыми кровью, глазами.

— Выследили, сволочи? Не думал я, что вы такие настырные. А я её не отдам. Я ходил за ней по пятам с шестого класса. Я ходил за ней, как тень. Я бил каждого, кто с ней заговаривал. Её брат был на войне и мне всё сходило. Прошлой ночью я сидел до утра у ее парадной. А потом видел, как вы пришли вместе. Ты ушёл от неё только вечером, и тогда я забрал её насильно. И сейчас ты сдохнешь...

Внезапно Болт схватил металлический гриф от штанги и нанес удар страшной силы. Принц отскочил, но оступился и упал. Победно взревев, Болт начал яростно колотить своим страшным орудием по бетонному полу. Каждый удар поднимал в воздух сноп искр, каменные обломки рикошетом носились по комнате. Словно ящерица на пылающих углях, Принц катался по полу, уворачиваясь от ударов.

Но вот один из осколков вонзился нападавшему в глаз, и он на мгновение ослабил атаку.

Подобно стальной пружине Принц вскочил с пола и нанёс противнику серию ударов, отбросивших его далеко в угол.

Вороны, спокойно наблюдавшие за этой сценой, одобрительно загудели. Адольф подобрал гриф и лёгким движением отбил

замок от двери в подсобку. В проёме появилась фигура девушки, и в следующее мгновение она бросилась вперёд, повиснув на шее брата. Через его плечо она только взглянула на своего возлюбленного, но этот взгляд был красноречивее всех слов и объятий.

Внезапно громыхнул выстрел. Принца тряхнуло, из раненого навывлет плеча заструилась кровь. Болт перезаряжал обрез охотничьего ружья.

— Всё равно ты подохнешь...

Роза пронзительно закричала.

В тот же миг двое воронов распахнули куртки и, вскинув короткие стволы автоматов, ударили длинной очередью. Обрез разлетелся в щепки, но сам Болт остался невредим — вороны смотрели на своего предводителя.

— Не надо,— сказал Адольф.— Слишком быстро. Сестрёнка, проводи домой нашего друга.

У самого выхода Принц обернулся:

— Спасибо. Без тебя я бы её не нашёл.

— Без тебя я бы нашёл её слишком поздно, — отвечал Адольф.— Ступайте, остального вам лучше не видеть.

Чёс

Вот уже четыре месяца «Форт» регулярно выезжал на гастроли по Советскому Союзу. Быстро раскрученная, благодаря связям Марусина, рок-группа собирала тысячные залы, дворцы спорта и даже открытые стадионы. За один выход «Форт» имел от пяти до двадцати тысяч рублей, а таких выходов во время гастролей было на каждый день по меньшей мере два. К началу лета 1987 года цифра на сберкнижке Котова сделалась пятизначной. Это радовало и ободряло. Тем более, что трудиться особенно не приходилось: ездили с одной и той же магнитофонной плёнкой, с песнями, набившими оскомину.

Удовлетворения не было. Такой изнурительной своим образом, гостиничными номерами и пьянством скуке ребята предпочли бы любую менее доходную, но честную и живую работу. Больше всего Лиму удивляло то, что царяло вообще-то не так уж

таким количеством.

Июньские гастролы подходили к концу. Отыграв последний концерт в Гродно, ребята вздохнули с облегчением. Однако, вылететь домой сразу не получалось, так как дурак администратор сумел взять билеты только на послезавтра. Проклиная Гродно со всеми его жителями, коллектив улёгся спать в свои номера, не представляя себе, что здесь можно делать целые сутки.

Проснувшись, как обычно, ближе к часу дня, Котов перекусил в гостиничном ресторане и отправился погулять. Чтобы не обращать на себя внимание, он нацепил неброскую ветровку, кеды и треники. В городах российской глубинки поголовно все молодые люди ходили в спортивных штанах. Из всех окон звучал и хрипел динамиками «Ласковый май».

От нечего делать Котов зашёл в продовольственный магазин. С тоской он перевёл свой взгляд от пачек с солью к пачкам с перловой крупой и дальше — к пирамиде, составленной из банок консервов «Морской салат».

Внизу, за витриной холодильника, рядом с горой развесного комбижира, лежала колбаса. С виду она была какая-то очень странная: непомерно толстая и рыхлая, довольно-таки странного цвета. Дима наклонился к стеклу и прочитал ценник: «Колбаса кровяно-растительная. Цена 40 коп/кг».

Пройдя ещё пару кварталов, Котов увидел очередь.

У самых дверей в магазин — там, где очередь утолщалась, принимала неправильные очертания и колыхалась как потревоженный беспозвоночный организм, в самой гуще толпы Дима заметил мужественно копошащихся Осипова и Лисовского.

Для них, кстати говоря, это была последняя поездка с группой «Форт». Лисовскому надоели томные и многозначительные взгляды Марусина, его «шутливые» прихваты и поглаживания, да и вообще вся эта тягомотина. В конце концов, в жизни имеют значение не только деньги. Что до Осипова, то он с самого начала терпел всю эту музыку только из солидарности с приятелем.

Дима окликнул друзей, встал на цыпочки и протянул через головы четвертной.

Минут через сорок они возвращались в гостиницу. В двух сумках позвякивали двадцать бутылок пива и три по 0,75 «Столичной». Забрав свои бутылки, Дима направился в номер Степанова.

Тот валялся на кровати с гитарой, бессмысленно пощипывая струны и глядя в потолок. Котов сполоснул стаканы и налил пива.

Какое-то время пили молча, глядя в бессмысленное мерцание телевизора, принимавшего польские каналы.

— Утром домой звонил,— сказал Степанов.— Жена плачет.

— Да, она у тебя какая-то домашняя. Не умеет сама развлекаться.

Опять помолчали, булькая пивом из бутылок в стаканы.

— А у тебя там что с этой Мариной?

— По правде говоря, крепко зацепила. Не всё сразу. Ещё не известно, как она там без меня время проводит... Освобождай стакан.

Котов открыл «сабонис» и разлил водку.

«Белые розы, белые розы...»,— пела солистка на эстраде гостиничного ресторана. Степанов долго не возвращался из туалета, а Дима, подперев ладонью непослушную голову, разглядывал танцующих. Насмотревшись на похотливо двигающиеся девичьи фигуры, он повернулся и обвёл мутными глазами ресторан. У входа стояла женщина лет тридцати пяти с будящими воображение бёдрами, броско одетая и накрашенная. Женщина заметила Котова и слегка кивнула. Дима сделал пригласительный жест рукой, едва удержавшись на стуле. Женщина прошла между столиками, покачивая бёдрами, и под села к Котову.

— Дима,— представился тот.

— Лариса. Ты что, один?

— Вроде как. Хотите выпить?

Дима налил, они выпили.

— Хотите пойдём ко мне в номер? — сказал Котов.

— Ненадолго,— сказала Лариса.— Цифра «двадцать пять» тебя не пугает?

Дима убедительно похлопал себя по карману, выпил ещё

рюмку и поднялся.

* * *

— Ложись, я в ванную,— сказала Лариса.

Дима разделся и лёг.

Прошло несколько минут, Лариса подошла к кровати, потрясла Диму за плечо, похлопала по щекам, пошарила в его одежде, плюнула, выругалась, оделась и вышла из номера.

Котов крепко спал, зажав в кулаке презерватив. Бумажник лежал под матрасом.

Марина

Бесконечные котовские гастролы ставили Марину в положение неопределённости. Она чувствовала — то необъяснимое и притягательное, что связывало их уже почти полгода, отдалялось от неё всё дальше. За эти гастрольные месяцы они провели вместе в общей сложности не больше недели. Если бы Котов хоть один раз честно поговорил с ней о планах на будущее, всё было бы по-другому, но Дима всякий раз увиливал от такого разговора.

За Мариной давно ухаживал надёжный и порядочный человек и ей хотелось определённости. Она изредка встречалась с этим человеком, он делал подарки, она не говорила ни да, ни нет. Пора было, в конце концов, на что-то решаться.

Котов звонил ей на днях из Гродно и оставил номер своего гостиничного телефона. Марина отыскала в справочнике код и набрала номер.

— Дима, это я.

— А, привет! Завтра, завтра уже вылетаем.

— А потом?

— Потом две недели по Уралу. Очень хорошее предложение; пока сезон, надо работать.

— Дима, ты меня любишь?

— Глупый вопрос.

— Ты не хочешь на мне жениться?

— Ну, Марина,— заныл Котов упавшим голосом,— опять ты начинаешь...

— Прощай, Дима.

Марина повесила трубку, выкурила сигарету, снова набрала номер, но уже другой.

— Кирилл? Да. Да. Хорошо. Хорошо, сегодня я к тебе приеду.

Обрывочные воспоминания

Майор Кизяк сидел за столом в своём кабинете, обхватив руками взъерошенную голову, и смотрел в одну точку. За последнее время он сильно изменился — побледнел, вокруг глаз образовались тёмные круги, лицо изредка подёргивалось нервным тиком.

Дела зашли чересчур далеко: в обмен на похищенные документы проклятый Ливинштейн требовал выдать ему полный список осведомителей, вращающихся в рок-н-рольной среде. Но тогда, в случае разоблачения, Александру Сулеймановичу грозило уже не служебное расследование (которое наверняка поручат Зубову, а его методы хорошо известны), а достаточно приличный срок в спецзоне.

— Майор Кизяк — к полковнику Ежову! — раздался в селекторе голос дежурного офицера.

У майора похолодело в животе, обрывки мыслей закружились, словно в калейдоскопе.

— Присаживайтесь, Александр Сулейманович, присаживайтесь, очень неважно выглядите. Вы здоровы? Супруга ваша в порядке?

— Всё хорошо, товарищ полковник.

— Вы поработали с Ливинштейном?

— Так точно.

Последовала пауза.

— Кизяк, мне тянуть вас за язык?

— Он отказался.

— Та-ак.

Ежов встал из-за стола и прошёлся по кабинету.

— Доложите, как обстоят дела в вашем отделе.

— Агент Странник довёл ценную информацию. Пятнадцатого августа в Киришском лесопарке будет организован несанкционированный рок-фестиваль. Наш отдел готовит массовую операцию по захвату зрителей и участников под кодовым названием «Трал».

— Это интересно. Вероятно, там соберётся давно интересующая нас публика. Вовремя оцепив местность, мы сможем наконец поставить на учёт все эти отбросы. Сколько мы платим Страннику?

— Тридцать за каждую разовую информацию.

— Хорошо. Выпишите ему премию и вплотную займитесь этим делом.

— Разрешите идти?

— Да. Кизяк! Имейте в виду, что от успеха зависит ваше будущее. Идите.

Вернувшись к себе в кабинет, Кизяк сел за стол и, в отчаянии глядя прямо перед собой, взъерошил волосы.

Начало конца

Душным вечером «Форт» прибыл, наконец, в Ленинград. Дима взял такси и вскоре был у себя дома. Квартира его с некоторых пор преобразилась: в большой комнате поблёскивала новая мебель, в спальне появились японская стереосистема и видеоманитофон. В баре всеми цветами радуги переливались бутылки с разнообразными очертаниями.

Котов достал «Белую лошадь», плеснул на американский манер на дно стакана, сделал глоток. Поднял с пола телефонный аппарат, накрутил диск.

— Марину можно?

— Алло, это Кирюша? А она уже вышла, к вам поехала. Вы что же,

на даче будете до самого понедельника?

— Какой Кирюша?

— Ой, это вы, Дима... Нету, нету дома. Вы уже сами с ней поговорите.

Дима повесил трубку, поставил телефон на место и закрыл глаза.

Вдруг выяснилось, что в понедельник «Форт» должен выступить на отборочном туре для участия в большом телевизионном конкурсе. Самое неприятное было в том, что играть нужно было живьём, без фонограммы. Об этом выступлении Марусин узнал только в день приезда, и оба выходных ансамбль провёл в изнурительных репетициях. Лисовского и Осипова уговорили отыграть «в самый последний раз».

Играть вживую все уже порядком разучились, звучание было довольно таки поганое. Особенно отличался Котов, играл он просто безобразно, и Марусин смотрел на него очень нехорошо. На этих репетициях Котов ещё не понял, но уже почувствовал, что его музыкальная карьера близится к концу.

В понедельник выступили для комиссии, довольно паршиво. Их включили в программу, но, совершенно очевидно, только благодаря заслугам Марусина. Для телевидения нужно было записать новую фонограмму, поэтому ближайшие дни предстояло безвылазно провести в студии.

В первый же день на запись вместе с Марусиным пришли трое молодых людей, у одного из которых, высокого худощавого юноши в очках, была отличная басовая гитара «Фендер».

— Ваша смена! — бодро сказал Марусин Вадику и Андрею.— Если обещал, держу слово. Познакомьтесь и поработайте вместе несколько часов, что-нибудь подскажите новичкам. Закончим фонограмму — отметим ваш уход на заслуженный отдых. Жалко расставаться, но и принуждать не умею.

Котов растерянно смотрел то на «Фендер», то на Марусина.

— Дима, это Игорёк, студент джазового училища. Будете друг друга дублировать; у тебя в последнее время что-то не в порядке

со звукоизвлечением. У кого пойдёт лучше, того запишем.

Игорёк нацепил гитару, включился и, играючи, пробежался длинными пальцами по струнам, извлекая замысловатый джазовый пассаж.

И тогда Дима понял, что ему здесь делать больше нечего.

Обрывочные воспоминания

Наступил август. За истекшее время Михаил Страхов, он же агент НКВД «Странник», распродал более двух тысяч билетов на фестиваль. Пересчитав деньги в четвертый раз, он перетянул толстые пачки резинками, завернул их в газету и отразил свои действия в докладной записке.

«Источник сообщает, что билетов продано на сумму 10.720 рублей, каковая сумма будет предана мною гр. Ливинштейну В. Б.»

Затем он снял трубку и набрал номер Ливинштейна.

— Сева? Это Страхов. У меня всё готово.

— Молодец. Сейчас к тебе мальчика пришлю.

— Какого мальчика?

— Скажет, что от меня. Теперь слушай внимательно. Четырнадцатого числа, с утра пораньше, бери с собой краски, кисточки, спальный мешок, консервы, спички — и отправляйся в Кириши. Будешь оформлять сцену и принимать аппаратуру.

— Один?!

— Один, один, конспирация. На билетах нагрелся — надо отработать.

Вскоре пришёл мальчик от Ливинштейна, взял деньги и оставил эскиз задника сцены, который следовало разукрасить к открытию фестиваля.

Оставшись один, Страхов развернул рулон и почесал затылок.

— Да... — пробормотал он в задумчивости через минуту.— Тихий ужас.

Тем временем в Монрепо, под Выборгом, началась подготовка к настоящему фестивалю. Ливинштейн, являвшийся мозговым центром праздника, предусмотрел всё до мелочей — оформление сцены, буфеты, туалеты, электропроводку, «ангелов ада» и даже уборку территории утром после мероприятия.

Особая статья бюджета, а также людских ресурсов, была выделена, по его выражению, для «умиротворения» директора парка.

В стоявший неподалёку казенный домик заглянули два вежливых молодых человека и попросили стаканчик. Заметив заинтересованный блеск в глазах одинокого и небритого работника ВЦСПС, предложили освежиться за компанию сухим вином.

С этого момента напитки выделялись в необходимом количестве, на вахту заступали новые и новые молодые люди, но директор уже этого не замечал и называл всех одинаково, как самых первых — Сашка и Андрюха.

Конец

Вскоре Котов, Осипов и Лисовский получили расчёт, и Марусин устроил в ресторане пышные проводы. За столом сидел и старый, и новый состав, обслуживающий персонал, жёны и подруги. Вспоминали смешные случаи, пили за здоровье «ветеранов» и за будущие успехи обновлённого коллектива.

— Ты теперь куда? — спросил Степанов, когда гости начали забывать о главных виновниках торжества.— В котельную вернёшься?

— Не знаю... Слушай, Валя, сколько тебе лет?

— Ладно, ладно, старик, я всё понимаю. Я даже знаю, что к нему уже ходят на прослушивание. Я уже готов. Меня на заводе с руками и ногами... Жена обрадуется.

— В котельную на восемьдесят рублей не пойду.

— Хочешь в приёмный пункт, посуду принимать? Два раза по восемьдесят будешь иметь за каждую смену.

— Это у твоей, в магазине?

Там. Директрисе нужно только засасть это место дорогого

— Ладно, подумаю.

Обрывочные воспоминания

В последнее время Ежов внимательно присматривался к Кизяку, лицо которого носило отпечаток глубоких внутренних переживаний.

Для подготовки завтрашней операции майор выехал на местность, в Киришский лесопарк. Ежов достал из сейфа дубликаты ключей и направился в личный кабинет своего подчинённого.

Сев за письменный стол, он начал проверять содержимое стола. В ящиках была обыкновенная текучка, ничего такого, что могло бы прояснить дело. А вот в перекидном календаре, после даты и времени неудавшейся вербовки, инициалы Ливинштейна мелькали довольно часто. Иногда рядом с ними стояли восклицательные знаки и даже матерные ругательства, выведенные с такой экспрессией, что продавливали местами несколько страничек.

«Что общего могло быть у них после неудавшейся вербовки?..» — задал себе вопрос Ежов.

Подумав немного, он снял трубку, набрал указанный в календаре домашний номер Ливинштейна и постарался изменить голос.

— Всеволод? Добрый вечер, Александр Сулейманович беспокоит.

— Здорово, жопа,— мрачно проговорил Ливинштейн.— Список приготовил?

Ежов чуть не выронил телефонную трубку.

— Какой список?! — проговорил он своим голосом, совершенно забывшись.

— С кем я говорю? Алло, алло!..

Дрожащей рукой Ежов положил трубку на аппарат.

Вернувшись к себе в кабинет, он нажал кнопку вызова дежурного офицера.

— Пригласите ко мне Зубова.

Наступило утро. Продрогший, опухший от комаров и бессон-

ной ночи майор Кизяк сидел в кустах и руководил операцией. На расстоянии километра от сцены местность была оцеплена полукольцом войск спецназа, вооружённых электрошоковыми дубинками и штык-ножами. У каждого десятого за спиной болтался снаряжённый боевыми патронами автомат. Ещё дальше, на шоссе, стояла колонна грузовиков с вместительными фургонами. В разгар мероприятия, по команде Александра Сулеймановича, все эти силы должны были начать сжиматься в кольцо.

Казалось, однако, странным отсутствие до сих пор кого бы то ни было из числа организаторов фестиваля. Только один Страхов, словно муравей, копошился на сцене, что-то раскрашивая. «Хотя,— успокаивал себя Кизяк,— конспирация у них, наверное, до последней минуты...»

Он шлёпнул на лбу жирного, надувшегося комара, оставив его корчиться в кровавом пятне рядом с другими, уже засохшими и, плотнее завернувшись в плащ-палатку, прикрыл глаза.

...Вот он в своём кабинете лихорадочно быстро испещряет длинный свиток бумаги именами и кличками агентов. Вот он в темных очках и надвинутой на глаза шляпе, закрываясь воротником плаща, среди каких-то страшных развалин передаёт списки Ливинштейну. Тот протягивает ему пачку иностранных денег и жмёт руку. Вот он в чёрной полумаске под покровом ночи распиливает сейф в кабинете Ежова и фотографирует документы.

И вот, наконец, он получает задание убить Ежова.

С топором в руке, одетый в замусоленный ватник и ушанку с болтающимся ухом, он подкрадывается сзади к пишущему что-то за своим столом командиру и, взмахнувшись, бьёт его топором по голове.

Топор втыкается в голову, словно в деревянную колоду, и не поддаётся обратно, только голова от рывков дёргается из стороны в сторону.

Кизяк в ужасе отступает. Ежов поворачивается, на его лице укоризненное изумление.

— Что же ты... сделал... Саша... — говорит он и, поднявшись, медленно идёт прямо на своего убийцу, протягивая к нему руки.

Шаг за шагом Кизяк отступает, но вот он в углу комнаты, и руки мёртвого Ежова смыкаются у него на шее...

Кизяк проснулся от собственного крика, его рука разрывала воротник гимнастёрки. Подняв глаза, он увидел полковника Ежова и Зубова.

— Ну, пошли,— сказал Зубов.

Протирая глаза и озираясь по сторонам, Кизяк плёлся за командиром. Позади зачем-то шли два вооружённых солдата. Кизяк незаметно ощупал свою кобуру; пистолета там не оказалось.

Уже темнело. Вокруг пустой сцены, освещённой фарами автомобилей, собрались солдаты из оцепления. Никаких следов фестиваля заметно не было.

Проходя мимо эстрады Ежов задержался и поднял глаза. На заднике красовались похабные карикатуры и выведенный огромными буквами лозунг: «МЕНТЫ — КОЗЛЫ!».

Ежов невыразительно посмотрел на Кизяка, и они двинулись дальше, к машине.

Ещё никогда маленький приграничный городок не видел такого мощного наплыва народа. С самого утра переполненные электрички прибывали сюда из Петрограда одна за другой, а конца им не было видно. Толпы молодых людей, проследовав через город и основательно подчистив местные магазины, направлялись по шоссе в парк, прежде пустынный, а сегодня обещавший стать центром паломничества всей пёстро разодетой и волосатой публики северо-запада.

Джинсово-кожано-металлический поток вливался в оцепленную «ангелами ада» (нанятыми в большинстве из воронов) зону мероприятия и рассеивался по склону горы перед сценой.

Ближе к вечеру, когда на сцене закончилась настройка аппаратуры, в воздухе повисло временное многообещающее затишье.

Обстановка уже начинала накаляться. Свист и шум усиливались по мере исчезновения солнца за верхушками деревьев.

В первом отделении должны были выступить «Апокалипсис», «Синдром камикадзе», «Группа риска», «Бормашина», «Мать» и

«Прямая наводка». Во втором — «Эксгумация», «Закрома Родины», «Нудистский пляж» и «Выпячивание недостатков».

Но вот, наконец, вспыхнули прожектора, и в полную силу, заставив содрогнуться вековые сосны, начал своё выступление «Апокалипсис».

В это же время на опустевшем берегу можно было заметить две фигуры. Принц и Роза только что вышли из воды и, взявшись за руки, смотрели друг на друга. Тёмно-оранжевое солнце клонилось к горизонту, высвечивая на свинцовой воде дорожку, соединявшую уже утомленное за день светило и силуэты ещё только просыпавшихся для жизни юных созданий. И эти двое были счастливы.

После написанного

Над ухом звенел будильник, но Дима был не в силах прекратить этот изматывающий душу кошмар. Он ненавидел звонок своего будильника. Когда завод кончился, Котов привычным движением опустил руку, нащупал стоящую на полу бутылку и поднёс горлышко к губам.

Бутылка была пустая.

Котов бессильно опустил руку, и бутылка покатила по полу.

Нужно было вставать во что бы то ни стало. Дима сосчитал до трёх и решительно поднялся.

Сидя на кровати, он некоторое время ждал, пока комната перестанет кувыряться. Затем встал и прошлёпал в ванную.

Склонившись над раковиной, долго пил воду. Потом, не глядя в зеркало, причёсаясь и вернулся в комнату.

Одевшись, он вышел на улицу, под морозящий ноябрьский дождик.

У приёмного пункта стеклотары уже собралась очередь.

— Хозяин пришёл,— сказал кто-то.— Дима, открывай, три минуты осталось.

Котов проследовал через магазин в пункт назначения ватник и

почувствовал себя плохо. Вернувшись в служебный коридор магазина, он зашёл в туалет, спустил штаны и сел на унитаз. Через минуту стало немного легче. Бумаги в туалете не оказалось. Дверь снаружи подёргали, но Котов не хотел подниматься. Послышались женские голоса и в дверь решительно постучали.

Котов встал, натянул штаны и дёрнул за верёвочку сливного бака.

Воды там не было.

Почувствовав приступ тошноты, Котов склонился над унитазом и выпустил слюну. Липкая, тягучая субстанция провисла и соединила то, что было в унитазе, с языком.

Котов стал натужно блевать.

Стук в дверь не прекращался.

Книга вторая

РАЗОРВАННОЕ ВРЕМЯ

*Ужасаясь, рассказываю...
Латинское изречение*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Бочонок»

Второго сентября 1988 года в пивном баре «Бочонок», что на 16-й линии Васильевского острова, за угловым столом напротив входа сидели четверо. Это были Дима Котов, Вера, Петрушка и я.

Место, даже по тем временам, было поганое: грязно, шумно, запах — не то мочи, не то испорченной рыбы. И всё вперемешку

с табачным дымом, хоть топор вешай. Рожки кругом — не приведи господь! Да и мы сами были в этот день, наверное, не лучше...

— Вы нарочно меня сюда привели? — сказала Вера, прикуривая мятную сигарету.

Она сидела у окна, спиной к залу. Я тоже сидел у окна, напротив, в самом углу. Рядом со мной был Котов, а Петрушка примостился в торце стола, на отдельном стуле, так как место на лавке рядом с Верой было завалено нашими вещами.

— Продолжайте без меня, я уйду.

Поперхнувшись пивом, Котов стал торопливо уговаривать:

— Вера, Верунчик, потерпи, сорок минут осталось. Коньячку, водочки возьмём, шампанского тебе... А, Верунчик?

Мы с Петрушкой смотрели на Веру умоляюще. Она обвела нас презрительным взглядом и положила сумку на место.

Все четверо мы учились когда-то в одном классе и к выпуску 1979 года составляли уже вполне дружную компанию. Потом встречались, конечно, не так часто, но один раз в году, первого сентября, явка, как и прежде, была обязательна.

Вот и вчера, собравшись дома у Котова отметить День знаний, мы к утру как всегда перебрали, немного поспали и теперь дожидались здесь открытия (в 14.00, если кто помнит) винных магазинов.

— Смотрите-ка,— сказал Петрушка. Он держал в руках кусок газеты с грязного стола.— Некто Крякин увидел в лесу НЛО, пошёл туда... тут много, я вкратце... Навстречу вышли трое... сумерки... силуэты... Короче,— Петрушка поднял на нас очки,— этому Крякину предложили лететь с ними. Он спросил, когда можно будет вернуться обратно. Ему ответили — никогда.

Петрушка замолчал и стал сосредоточенно обгрызать хвост сушёной воблы.

— Ну и?!— сказали мы хором.

— Он отказался.

Последовала пауза.

— Вообще-то последнего вопроса я от вас не ожидал,— заметил Петрушка.

Мы опять помолчали. Ночная попойка, конечно, отразилась на наших умственных способностях. Понятно, что улетевший не

смог бы поведать о случившемся. Теперь каждый из нас стал думать, как бы он сам поступил на месте Крякина.

— А как бы ты поступил на месте Крякина? — обратился я к Котову.

Год назад Диму вышибли из одного популярного ансамбля, где он успел накатать чёсом кругленькую сумму. Тратить заработанные деньги пока не спешил и потому работал приёмщиком в пункте стеклотары. Его родители давно жили за границей, и Дима единолично занимал двухкомнатную квартиру. Для комфортного состояния туловища у него было, кажется, всё: деньги, квартира, вино, частые легкомысленные романы.

— Согласился бы, — сказал Котов.

Мы все к нему повернулись: этого ответа от него никто не ожидал.

— Сева, а ты? — спросил я, уже не просто так, а потому что стало интересно.

— Тоже.

Сева Петров был единственный из нас женат и притом неудачно.

После этого мы все посмотрели на Веру.

— И я бы согласилась.

Вера Дансева не очень любила о себе распространяться, а мы особенно не расспрашивали. Поступила в мединститут, бросила. Работала администратором в «Интуристе», но недолго. Сняв квартиру, ушла из дома, но нас к себе никогда не приглашала. За последние годы Вера сильно переменялась.

— Вера, а ты сейчас работаешь где-нибудь? — бестактно спросил Петрушка.

— Да. То есть, нет... Потом расскажу.

— Боб, а ты сам-то?

А я сам ещё не знал. Поэтому отвечать не стал, а принялся рассуждать по поводу возможности смыться отсюда на летающей тарелке. Вдруг, предположил я, инопланетянам нужен только мой мозг, глаз или, допустим, печень? Петрушка съязвил по поводу моего мозга в масштабах космоса и заодно выразил беспокойство по поводу чрезмерных нагрузок на котовскую печень. Обстановка разрядилась, и Вера сказала, что пока мы будем пить «эту гадость», в космос нас никто не возьмёт.

Котов глянул на часы и предложил допить то, что стоит на столе. Было без четверти два. Вот тут-то всё и началось.

Иванов

— Позвольте к вам подсесть, молодые люди?

Это сказал субъект в длинном мешковатом плаще неопределённого цвета с небритым лицом сорокалетнего бродяги.

— Садитесь, мы уходим,— сказал Петрушка.

Вера придвинула к себе вещи, и субъект присел, поставив на стол свою отпитую наполовину кружку. Потом он внимательно обвёл нас мутными глазами. У меня по спине почему-то пробежали мурашки и перехватило дыхание. Мои друзья заёрзали, Вера нервно повела плечами. В чём дело? Такое ощущение, что этот человек сначала вытянул из нас, а потом вернул обратно все наши мысли и чувства. Нет, он не похож на обыкновенного пьянчужку, мы это вдруг сразу поняли.

— Простите, я сидел к вам спиной за соседним столом и поневоле слышал разговор.

В зале было шумно, да и не сидел он за соседним столом. Вообще было непонятно, откуда он взялся.

— Конечно, для того, чтобы улететь в неизвестность, нужно обладать достаточной долей безрассудства или отчаяния. Как говаривал дружище Оппенхайм, «глупец ищет счастья вдали; мудрый выращивает его рядом с собой».

— Спасибо за совет, уже вырастили,— сказал Котов.

— Я вижу, Дима, что поиски земного счастья завели вас в тупик.

— И что дальше?

Мы посмотрели на Котова укоризненно: он вёл себя грубо.

— Скажите, кто вы? — спросила Вера.

— А как вы думаете?

Мы стали думать. Наш собеседник словно в насмешку притянул ладонью коробок спичек со стола, вытянув руку на уровне наших глаз. Коробок шлёпнулся о ладонь, словно прицепленный на резинке, и пальцы сжались. Незнакомец встряхнул коробок,

прикирил беломорину и с улыбкой обвёл нас своим взглядом. У меня опять перехватило дыхание.

— Вы — гуманоид? — сказал Петрушка.

— Вроде того, если хотите. Как насчёт того, чтобы угостить гуманоида пивом и лёгкой закуской?

Сева послушно отправился стойке и принёс пиво с набором, а мы стали молча курить.

Гуманоид набросился на солёную рыбу, варёное яйцо и сушки, жадно отхлёбывая водянистое пиво большими глотками.

— Извините,— выговорил он с трудом,— прыжок из античности меня слегка утомил.

Ни одно слово, произнесённое гуманоидом, не вызывало у нас ни малейшего сомнения. В голове было ясно, празднично и спокойно, ни следа от похмелья. Он жевал, мы смотрели на него, и кто-то из нас подумал, что надо его как-то называть.

— Иванов,— представился незнакомец.

— Почему? — спросил я.

— Потому что я здешний... Но родился несколько позже... Кстати, меня разыскивают.

— За что?

— За то, что я вступаю в контакты, расщепляя пространственно-временные связи.

— Это кому-нибудь приносит вред?

— Бывает и так. Однако, при этом у людей появляются колоссальные возможности, они становятся... как это у вас говорится... кузнецами своего счастья!

Мы молчали, пытаюсь что-нибудь понять.

— Так вы можете перебросить любого человека в другое время! — догадался Петрушка.

— Не совсем любого, но лично вас, например, могу. И вас, и вас, и вас тоже.

— А вы, случайно, не из летающей тарелки?

— Ну, если вам так проще, считайте, что из летающей тарелки.

В наших головах зашевелилось множество вопросов.

— Почему вы открыто не вступаете в контакт с нашей цивилизацией? — спросил Котов о наболевшем. Из всех жанров литературы он предпочитал отечественную фантастику.

— А меня всегда удивляло, почему вы задаётесь этим вопро-

сом. Ну подумайте сами: что происходит с туземцами после того, как в контакт с ними вступает более развитая цивилизация?

Вот это теперь стало понятно даже Котову.

— Бог есть? — спросила Вера, не поднимая глаз.

— Детский сад... — покачал головой гуманоид.— Ну, если вы допускаете, что молекула жизни или, допустим, вот эта пивная кружка могли появиться из хаоса постепенно, сами по себе, эволюционным путём, то считайте, что Его нет.

— С точки зрения физики, хаос с течением времени не упорядочивается, а нарастает,— сказал умный Петрушка.

— А почему вы заговорили именно с нами? — обратился я к гуманоиду.

— Потому что именно вы и примете моё предложение.

— Лететь на тарелке? — сморозил Котов.

— Вернуться в прошлое.

На несколько секунд мы словно одеревенели. У меня в голове тупо прокрутились сюжеты из «Янки при дворе короля Артура».

— А что нас ждёт в будущем? — спросила Вера.

— Про вас лично не могу сказать ничего определённого, но так, вообще, кое-что помню из истории. Страну вы, может, ещё и вернёте, — гуманоид подмигнул, — если очень сильно постараетесь. Будьте готовы к потрясениям.

— К каким потрясениям? - спросил Петрушка.

— Ну, это не скоро. Скучать на пенсии не придётся. Теперь сделаем так. — перевёл он тему на самом интересном. — Каждый из вас напишет на бумажке год, в котором он хотел бы оказаться. Потом сложим их вместе и посмотрим, что получится.

Тут до меня вдруг дошло, что Иванов разговаривает с нами, не открывая рта. Он постоянно что-то сосредоточенно грыз и рвал зубами, запивая пивом. А вот мои спутники, кажется, этого ещё не поняли. Мы подчинялись ему уже на автомате, словно кролики, загипнотизированные удавом.

Вера попросила у меня ручку, взяла салфетку и сразу написала какую-то цифру.

Я сопоставил кое-какие даты и тоже написал, затем передал ручку Котову.

Тот тоже написал.

Петрушка думал с минуту, затем тоже что-то вывел.

— А теперь полюбуйтеесь,— сказал Иванов.

На всех четырёх бумажках стояла цифра «1982».

Санитары

— Возьмите это,— заторопился вдруг Иванов и высыпал из ладони на стол четыре довольно крупные белые таблетки, похожие на аскорбинку.— Примите завтра ровно в полночь. До этого мы ещё встретимся. Мне нужно выйти в туалет...

Иванов встал, но направился не к выходу, где был туалет, а вглубь зала и сразу затерялся в толчее.

Послышался шум, в дверях показались санитары в белых халатах. Их было двое, и они сразу подошли к нам.

— Мы разыскиваем опасного сумасшедшего, сегодня утром он задушил врача и сбежал из больницы. Называет себя гуманоидом. Способен проделывать кое-какие дешёвые фокусы. Он вам что-нибудь говорил? Передавал какие-либо предметы?

Переглянувшись, мы покачали головами.

— В какую сторону он направился?

Котов неопределённо махнул рукой. Санитары двинулись в указанном направлении, и их белые халаты плавно растворились в толчее.

— Мне тоже надо... в туалет,— сообщил Петрушка и тоже, можно сказать, растворился. С ним всегда происходило такое от волнения.

А я снова вдруг понял, что эти санитары тоже говорили с нами, не разжимая губ.

— На входе не видели никаких санитаров,— сказал Петрушка, вернувшись из туалета.

На часах было всё так же без четверти два.

Ночь

Мы зашли в магазин, вернулись в квартиру и как-то быстро

все написались. Петрушка и Котов рядком заснули, а мы с Верой, сидя в красном свете абажура, ещё кое-как переговаривались. Котовский видеоманитофон (большое богатство по тем временам) с выключенным почти до нуля звуком показывал душераздирающий ужастик.

Я наполнил две рюмки и жестом предложил выпить. Вера взяла свою и икнула, расплескав половину. Она виновато улыбнулась, я долил, и мы выпили.

— Слушай, Карлов, а что ты вообще обо мне знаешь? — неожиданно и громко спросила Вера.

Предшествовавшие четверть часа мы молчали. От неожиданности Котов заворочался, а Петрушка заохал во сне.

Я ждал, что Вера продолжит, но минут через десять понял: она сказала всё, что хотела.

— А что я должен знать? — спросил я ещё немного погодя.

— Помнишь десять заповедей?

С длинными промежутками я стал перечислять то, что помнил. Правда, спешить было совершенно некуда. На «не прелюбодействуй» Вера жестом меня остановила.

— Как ты понимаешь эту заповедь?

Я задумался. Не называть же грехом любые добрачные отношения и всё такое...

— Наверное, действия, приносящие какой-то вред?

— Карлов, я тоже так думаю. А скажи мне, пожалуйста, приносят ли какой-нибудь вред проститутки?

— Наверное, разносят что-нибудь венерическое, СПИД...

— Врёшь, глупости. Проститутки не работают без презервативов.

Мне показалось, что Котов пошевелился.

— Тогда не знаю. Может быть, это не грех. Может быть, для некоторых даже благо.

Вера хитро прищурилась:

— Хочешь, что-то скажу?

— Не надо.

— Это тоже ещё не всё.

Затушив сигарету мимо пепельницы, Вера засучила рукав выше локтя.

Я не стал утруждать себя фокусированием пьяных глаз, и так всё было ясно

— Давно?

— Что именно?

Мы помолчали, глядя в телевизор: на экране замелькали кадры отчаянной порнухи. Я налил в рюмки, выпил свою.

— Это,— она шевельнула рукой,— давно, лет пять. А то,— она кивнула на телевизор,— потом, когда понадобились деньги... на это.

Вера выпила. Я посмотрел на кровать. Мне снова показалось, что Котов не спит — слишком уж тихо он лежал.

— Котов, ты не спишь?

— Нет,— послышался приглушённый звук из подушки.

— Слышал?

— Слышал. Я и так знал.

— А-а... чего ты вообще, спящим притворяешься?

— Не притворяюсь. Просто лежу.

Котов лежал лицом в подушке и его было еле слышно. Он поднялся и сел на кровати. Я разлил на троих. Мы выпили. Котов взял руку Веры и стал её разглядывать.

— Ну и дура,— сказал он.

Вера отдернула руку и спустила рукав. Мы помолчали.

— А ты откуда знаешь? — спросил я Котова.

Тот посмотрел на Веру.

— Я здесь пару раз кололась с приятелем. Предлагала ему сдать вторую комнату. Взяла с него слово, чтоб помалкивал.

— Я не подумал, что это так серьёзно. Теперь завязать не можешь?

— Нет.

Котов налил себе водки в фужер и медленно выпил. Содрал кусок кожуры с апельсина и сунул в рот.

— Хреново, в общем. Как и у меня.

С этими словами он снова вытянулся животом на своей кровати и через несколько секунд засопел в унисон Петрушке.

Я не сводил глаз с Веры. То ли благодаря лёгкому шоку от сказанного, или просто от её присутствия, мне вдруг мучительно её захотелось.

Вера икнула и, глядя на меня, засмеялась.

— Карлов, ведь ты всё ещё меня любишь.

Это была правда. Она смотрела на меня, блестя пьяными раскосыми глазками и насмешливо улыбалась.

— Знаешь, что очень важно в нашей работе? — проговорила она кокетливо.— Иметь привлекательное нижнее бельё. Хочешь покажу?..

У меня похолодело в животе, в голове стало ясно, как в космосе. Вера закинула свою длинную ногу в туфле на столик и медленно, пальчиками потянула к себе юбку.

Её чёрные в сеточку чулки держались на резинках, а кружевные трусики были почти прозрачны. Это было слишком. У меня закружилась голова, я почувствовал, что близок к оргазму. Я опустил на колени и, обняв её за бёдра, стал покрывать поцелуями обнажившуюся часть ноги между чулками и трусиками. Вера, кажется, тоже плохо соображала, что делает. Она порывисто вздохнула и обхватила мою голову руками.

— Хорошо,— сказала она,— пойдём в ту комнату. Сделаю напоследок что-нибудь хорошее...

Мы открыли глаза, кажется, одновременно, когда луч дневного солнца, медленно подобравшись, лёг на наши веки. Под нами был только ковёр; сверху — покрывало, стянутое с кровати, скорее всего, уже во сне, под утро. На полу была разбросана наша одежда. Блаженство и отчаяние владели одновременно моим существом. Была ещё надежда... В дверь просунулся Котов. Присвистнул и скрылся, а через минуту присвистнул просунувшийся Петрушка. Я, не глядя, запустил в него ботинком.

— О чём ты думаешь? — спросил я Веру.

— Наверное, о том же.

— Думаешь, это возможно?

— Если это произойдёт, я выйду за тебя замуж.

Когда мы оделись и вышли, Петрушки уже не было, а Котов с видом зомби начинал прибираться в комнате. Хотя на столе ещё стояли начатые бутылки, пить уже никто не мог. Мы вышли на улицу.

— Прощай, на всякий случай,— сказала Вера, усаживаясь в такси.— Если ничего не произойдёт, больше не увидимся.

Только когда машина тронулась с места, я понял смысл этой

Котов

Петрушка ушёл, а Дима занялся уборкой. Несмотря на то, что выпивки для опохмелки оставалось ещё вполне достаточно, он закупорил и убрал бутылки, а наполненные стаканы безжалостно выплеснул в раковину. Там, в раковине, нагромоздилось порядочно посуды, и Котов добросовестно её вымыл.

Первое, что Дима сегодня сделал, проснувшись,— это проверил наличие таблетки, так как было ещё трудно разобрать, что приснилось, а что было на самом деле. К своему огорчению он обнаружил, что таблетки в кармане нет.

— Сигареты под столом валяются,— подсказал Петрушка. Его уже выкрутило в туалете едва ли не наизнанку. Он сидел в кресле бледный и дрожащий, собираясь силами встать и уйти домой.

Дима с досадой отмахнулся и стал тереть лоб. Петрушка вяло попрощался и направился к выходу.

— А ты помнишь этого Иванова? — спросил он, уже держа руку на замке входной двери.

Котов впился в него расширенными глазами.

Петрушка достал из кармана свою таблетку, подбросил на ладони и, приблизив к очкам, попытался разглядеть её.

— А моя... где? — проговорил Дима.

Петрушка спрятал таблетку, приложил ладонь к голове и простонал:

— Котов, что дома-то будет?

Сказав это, он удалился.

Дима сел в кресло, плеснул себе чего-то в стакан и выпил. Скорее всего, свою таблетку он, по пьяной привычке, раз десять перепрятывал. Алкоголь на время прояснил мысли, и Дима решил проверить наиболее вероятные места в процессе уборки. Когда он начал снимать с кровати постельное бельё, то сразу наткнулся на таблетку. Она была пол-полужишкой.

Предшествовавшая описываемым событиям пятилетка отмечалась для Димы Котова стремительными взлётами и ещё более стремительными падениями; большой радостью и великой печалью.

Весной 1982 года, вернувшись из армии, он, по настоянию родителей, поступил на рабфак института. Сами родители уехали на работу в Монголию, оставив Диму одного в отдельной двухкомнатной квартире. Тогда он бросил институт и сколотил ансамбль, специализировавшийся на обслуживании свадебных торжеств.

Благодаря административной жилке Котова, дела у ансамбля шли неплохо — деньги платили по тем временам хорошие, а дармовая выпивка и доступные женщины делали жизнь беззаботной и приятной.

В 1986 году судьба преподнесла ему новый подарок: их ансамбль заметил известный композитор Александр Марусин. За пару месяцев он превратил ресторанных лабухов в настоящую рок-группу, исполняющую не очень качественный, но популярный в массах музыкально-поэтический материал.

Как стало ясным уже впоследствии, группа изначально существовала только как способ обогащения самого Марусина. Людей можно было менять как износившиеся детали механизма. Но Котов понял это только тогда, когда его самого, на пороге пика популярности группы, выставили на улицу. «Дайте мне хороших ребят,— говорил когда-то Дюк Эллингтон,— а играть я их как-нибудь научу.» Александр Марусин имел противоположное мнение по данному вопросу.

Тогда же Котова постигло душевное потрясение, на личном фронте: его бросила любимая девушка. Марина не выдержала бесконечных гастролей и неопределённости. Получилось так, что и группу, и Марину он потерял едва ли не в один день.

Вот уже год Котов работал приёмщиком в пункте приёма стеклотары. График — неделя через неделю, по двенадцать часов. Деньги хорошие, работа — дерьмо. Переодевшись в ватник и перчатки без пальцев, скрупулёзно обсчитывая пьянчужку или полуслепую бабушку на пять-десять копеек, он чувствовал себя не то Гобсеком или Плюшкиным, не то (в минуты просветления) просто

мерзавцем.

В личном плане дела на данный момент обстояли следующим образом.

Рядом с домом находился ДК им. Кирова с танцевальным «Мраморным» залом, где собирались по большей части моряки из находившегося поблизости училища и девушки из соседних общежитий с целью знакомства. Девушек интересовала возможность выйти замуж, их партнёров — случайная половая связь.

Перед матросами и лимитчиками Котов имел решающее превосходство: у него была квартира, и он мог предъявить её незамедлительно.

Сценарий всегда был один и тот же. Дима прохаживался по танцевальному залу и буфету, разглядывая наиболее привлекательных особей женского пола. Девушка, ответившая ему заинтересованным взглядом, намечалась жертвой низменных интересов Котова и приглашалась на медленный танец.

Во время танца Котов в непринуждённой форме давал о себе необходимую информацию («знаете ли, сидел-сидел один в пустой квартире...»).

После танца (одного, не более) они выходили прогуляться по свежему воздуху. Вскоре Дима с удивлением замечал, что они находятся возле его парадной и предлагал зайти, попить чайку. Подавляющее большинство особей легко соглашалось, движимое любопытством и смутной надеждой. Немногие для приличия заставляли себя поугovarивать, совсем немногие, единицы, наотрез отказывались. В последнем случае Котов, если было не лень, возвращался в ДК.

Таким образом, новая знакомая становилась его любовницей — приходящей или живущей с ним какое-то время.

Связь продолжалась до того момента, когда любовница заговаривала о браке. Это происходило в разных случаях по истечении одного дня (всего один раз) до нескольких месяцев (тоже всего один раз).

Для «приходящей» Котов вдруг становился ужасно занятым человеком — буквально ни минуты свободной для свидания. И девушка отчаливала.

С сожительницей иногда приходилось расставаться при помощи жестокой шоковой терапии. Это могла быть грубо спровоцированная ссора с шумным уходом, даже с дракой. Или тихое признание в несуществующей венерической болезни (заканчивавшееся тем же самым).

Получалось, что и в личной жизни без Марины у Котова всё складывалось погано, и выхода из этого круга до вчерашнего дня он не видел.

То, что произошло в пивном баре, каким бы нелепым не казалось, было свершившимся фактом, и таблетка на его ладони была вещественным тому подтверждением. Ну, а кем на самом деле является этот Иванов — сумасшедшим или волшебником — он узнает сегодня в полночь.

Так думал Дима Котов, прослеживая шаг за шагом события последних лет жизни.

Когда Иванов предложил написать год возвращения в прошлое, всё это прокрутилось у Димы в голове за одно мгновение, и он без колебаний выдал 1982 год, не задумываясь о том, что получит взамен уже опробованного.

Вернувшись в прошлое, можно окончить институт и стать грамотным специалистом. Или просто найти интересную работу с учётом склонностей... Дима подумал о своих склонностях и не обнаружил ничего значимого или даже просто приличного. «А, может быть, просто иметь деньги и жить в своё удовольствие?» Зная всё наперёд, это не составит труда. От такой простой мысли ему полегчало.

«А ещё хорошо бы закрутить всё сначала с Мариной...» — размышлял Котов. Эта идея неожиданно и приятно обожгла его внутренности. Вот уже больше года Марина была потеряна для него навсегда. Она была замужем и так безнадёжно далеко, находясь в одном с ним городе, что мысли о ней чем-то напоминали воспоминания о безвозвратном детстве. Пожалуй, она была единственным человеком в его жизни, к кому он относился без присущего ему эгоизма, открыто и естественно, чаще всего честно. Короче, как это выяснилось после разрыва, он её любил.

Тишина вдруг рассыпалась от дребезга стоявшего на полу телефона.

— Да...

— Здравствуй,— послышался в трубке игривый женский голос.

Пытаясь вспомнить, Котов напрягся.

— А, привет! — сказал он, так и не вспомнив.

— Магнитофон починил?

Вспомнил. На прошлой неделе он привёл из Мраморного зала очередную жертву — даму привлекательную и покладистую, лет тридцати. Она была не прочь выпить, и в этот день, как выяснилось, крепко поссорилась со своим мужем. А к замужним Котов относился с особенным пиететом. Любовное приключение почему-то вылилось в заурядную пьянку с вызваниванием её подруг и котовских друзей. В разгар веселья кто-то уронил на пол магнитофон.

— Хочешь я приеду?

У Димы знакомо и приятно засвербело в паху. Для приличия он стал кокетничать.

— Опять напьёмся?

— Не... больше не будем.

— С мужем поссорилась?

— Для меня он давно уже ноль. Так что, ты не занят сегодня?

Этот вопрос возвращал к действительности. Если бы Котов рассказал сейчас, как он сегодня занят, она бы точно не поверила.

— Ну, что молчишь?

— Знаешь, ты даже не поверишь, как я сегодня занят.

Вера

Как только машина тронулась, все мысли Веры сосредоточились на одном: содержимом выдвижного ящика на кухне её съёмной однокомнатной квартирки. Оглушительные дозы алкоголя дали ей возможность не думать об этом почти двое суток, но теперь всё позади, а впереди — только выдвижной кухонный ящик.

Две выкуренные подряд сигареты помогли превратить вечность пути с Васильевского на Гражданку в какую-нибудь сотню тысяч лет. И вот, наконец, дом, парадная, этаж, дверь, замок, кухня,

ящик... ПУСТО!!!

В комнате тоже пусто, одна мебель. Ясно, здесь был Банан, но это пока не важно. Есть место, куда не залезут и при обыске. Там пять кубиков — то, что ей сейчас необходимо.

Есть! Теперь быстрее к ящику... машинка на месте... сейчас...

Ну вот... и хорошо.

Потом она лежала на тахте, мысли текли ясно и спокойно. В тайнике, кроме пяти кубиков раствора, лежали пять двадцатидолларовых бумажек, небольшой револьвер «бульдог» и запечатанная коробочка патронов.

Вера сняла не в меру кокетливое для предстоящих дел черное облегающее платье, ополоснулась под душем, надела джинсы и свитер. Подбросила тяжёлую коробочку на ладони, разорвала картон и вставила в барабан пять патронов. Остальные высыпала на дно спортивной сумки. Туда же легли револьвер и пакетик со всем необходимым для инъекций. Доллары — в карман. Сняла трубку телефона и набрала номер.

— Привет, это Вера. Да. Будь дома, я подъеду. Да, отдам за старое и возьму ещё двадцать.

На улице моросил дождь, машины не останавливались. Уже половина пятого, час пик... Вера плюнула и влезла в переполненный автобус. Потом метро.

Но вот и на месте. Женщина в богатом халате производит расчёт.

— ...Итого шестьсот двадцать пять рубликов. Ещё двадцать кубов ты просишь, плюсуюем триста. Девятьсот двадцать пять изволь выложить.

Вера бросила на стол доллары. Глазки женщины радостно заблестели.

— Сдачи нет.

— Не надо. У тебя можно выпарить?

Кафе «У Казанского». В дверях чёрной масти вышибала.

— Позови Банана.

— Дэвочка, я этого слова не слышал. Алексей занят, он не выйдет.

— Скажи, что Вера принесла долг.

Абрек запер дверь изнутри и скрылся. Через минуту появился снова.

— Он сказал, что ты ему ничего не должна.

Вера начала кусать губы.

— Скажи, что есть дело... ему угрожает опасность... это важно.

Несколько секунд абрек раздумывал, затем снова скрылся за дверь.

Наконец вышел Банан. Он был среднего роста, с развитой мускулатурой и бычьей шеей. Рожа его лоснилась от обильной мясной пищи, изо рта торчала спичка.

Банан не спеша поиграл спичкой на сальных губах и, наконец, проговорил:

— Чего тебе?

— Есть дело. Касается лично тебя.

— Дома была?

— Да, была. Но это неважно. Пошли, отойдём.

Банан, незаметно шныряя глазами по сторонам, но ещё больше не желая выказать трусость, пошёл рядом с Верой.

Они свернули в ближайший двор, зашли в первую парадную и поднялись на площадку последнего этажа. Дверей здесь не было, выше находился только чердак. Банан оперся затынутым в джинсы спортивным задом о подоконник и скрестил руки.

— Чего хочешь?

— Подожди, прикурю.

Вера порылась в сумке, достала сигареты, прикурила. Банан не курил и не пил. К нему вдруг исподволь стала подкрадываться какая-то неосознанная тревога.

— Ну что, будешь со мной работать? — сказал он грубо.— Или будем по-другому вопрос решать?

Вера смотрела на него и молча курила. Смотрела как-то по особенному, и Банан начал терять самообладание.

— Ты что думаешь, без меня будешь работать?.. Говори, а то здесь тебя сейчас замочу!..

Продолжая смотреть на него, Вера отрицательно покачала головой.

— Сегодня пойдёшь в «Европу» — я там буду — отдашь всё, что должна за ту неделю. Если бы дома застал, расписал бы рожу от уха до уха. Сейчас попросишь прощения и поедешь переодеваться, шмотки я не трогал.

Банан встал в проходе, щёлкнул выкидным ножом и указал глазами на свои штаны:

— Работай.

Вера сделала шаг назад и опустила руку в сумку.

— Без платка. Да... что ты там вешала входному? Кто мне угрожает?

— Я.— Вера взвела курок и нацелила револьвер в лоб сутенёра.

Лицо у Банана медленно вытянулось, спичка выпала изо рта и повисла на нижней губе. Вытаращив глаза и дрожа всем телом, он смотрел в чёрное отверстие ствола. Револьвер медленно опустился до уровня ширинки, а потом раздался выстрел.

Грохот, многократно усиленный каменными резонаторами старого подъезда, произвёл лёгкий шок и отодвинул боль на несколько мгновений. Но вот Банан, срывая голос, заорал и схватился руками за простреленную мошонку. На каменную площадку закапала кровь. С этого мгновения плохо осознавая происходящее, Вера бабахнула ещё три раза туда же и ещё раз куда-то мимо. Несколько раз щелкнула пустым курком. Бросила револьвер в сумку, спустилась, стараясь не ступить в кровь, перешагнула через корчащееся тело.

Она уже была внизу, когда на этажах начали осторожно открываться двери, и соседи, через цепочки, испуганно спрашивали друг у друга о происходящем. Сорванный голос где-то продолжал страшно хрипеть, кровь капала в лестничный пролёт.

Миновав пустой двор, Вера вышла на улицу. Никогда раньше она не замечала, что ровный городской шум столь благозвучен и так хорошо действует на нервы.

Вера Дансева училась в школе неважно. Она была спокойна, но остра на язык, и учителя её побаивались. В выданной характеристике значилось: «Груба с учителями и старшими, безразлична».

к учёбе, от общественной работы отказывается демонстративно, с товарищами по классу не общительна.»

В общем, всё было приблизительно так, за исключением последней фразы. Ведь у неё были и я, и Котов, и Петрушка... Трудно сказать, что нас связывало. Возможно, мы, все четверо, были дальними потомками какого-нибудь великого сумасшедшего.

В восьмом классе Вера показала всей школе, что она способна на поступок. Наш преподаватель физкультуры имел слабость подглядывать в женскую раздевалку, да и вообще смотрел на девочек как-то нехорошо. Однажды, когда учитель прильнул к щёлке в очередной раз, Вера тихо подошла сзади и тронула его за плечо. А когда он обернулся — вlepила ему оглушительную затрещину. Больше всего меня удивило то, что она дала и второй раз. Она ударила бы и в третий, если бы учитель, опомнившись, не схватил её за руку.

После массовых допросов в кабинете директора дело замяли, а учителя перевели в другую школу.

Полгода Вера проучилась в Медицинском институте. Конспект по истории КПСС она подписала «История болезни». Её отчислили во время первой же зимней сессии.

Года два, в то время, когда мы с Котовым тянули армейскую ляжку, Вера болталась по стране с системщиками — была такая советская разновидность хиппи, путешествующих автостопом, с разработанной системой взаимопомощи. В этих компаниях или, как их там, общинах, она пристрастилась к травке, и там же первый раз укололась. Когда появилась зависимость, путешествия потеряли смысл. Собирались у кого-нибудь в квартире человек по десять, делали из салутана очень плохой эфедрин — «джеф» и тащились посредством одной на всех иглы часы или сутки, пока не заканчивался раствор. Болели гепатитом все вместе или по очереди.

Потом и это ей наскучило, да и кстати подвернулась по знакомству хорошая работа в «Интуристе». Сама по себе должность собачья, но давала возможность для валютных махинаций, в которые Веру незамедлительно и втянули. А дальше всё покатило по наклонной. На запах «зелёных» потянулись фарцовщики, и тогда же на сцене появился Лёха Банданов — гроза невской панели и галёрки. Распугав

шантрапу, он предложил Вере свою защиту.

С того дня при встречах он угощал её очень хорошим косячком, который Вера с удовольствием выкуривала дома после работы. Однажды, вместе с обычной травкой, он сунул Вере бумажный пакетик с порошком.

— Попробуй для интереса,— подмигнул он по-приятельски.

— В смысле... а сколько стоит?

— Ерунда, не стоит говорить. Тебе помочь?

— Разберусь. Спасибо...

— Ну, бывай.

На другой день Вера сама разыскала Банана и за символическую сумму взяла ещё одну дозу. И на следующий день тоже.

Вера взяла больничный, и Банан стал её частым гостем. На протяжении десяти вечеров Вера погружалась в нирвану, проживая день в ожидании вечера, а на одиннадцатый он не пришёл.

Он появился только через сутки и угостил Веру большей чем обычно дозой. Вера отключилась, и Банан её изнасиловал. К величайшему его удивлению, двадцатилетняя наркоманка, проболтавшаяся несколько лет по стране с хиппи и панками, оказалась девственницей.

Очнувшись и сообразив, что произошло, Вера едва не свихнулась от обиды. Но прошёл день, другой, а на третий она разыскала Банана и, не напоминая о случившемся, попросила дозу «того самого». Банан ответил, что обстоятельства изменились, цены выросли и вообще продают только за валюту.

Прошло ещё два года. Веру уволили из «Интуриста», она стала законченной наркоманкой.

В течение последующего времени Вера работала медсестрой, сторожем, уборщицей, посудомойкой и надомной швейей. Когда однажды, за целую неделю, ей не удалось достать даже банки салутана, и она была готова умереть или совершить преступление, снова появился Банан. Он заметил, что Вера ещё хорошо выглядит, и предложил работу. Он оставил двадцать кубиков ханки и сказал, где его искать. Когда раствор кончился, Вера нашла его и присту-

пила к работе.

Из сумки несло порохом. Вера зашла в общественный туалет, закрылась в кабинке и вынула из барабана отстрелянные гильзы. Завернула их в бумагу и уже на улице выбросила в урну. Перешла Невский и встала на стоянке такси. Взглянув на часы, решила, что ехать рано. Можно просто погулять, ведь она видит этот город последний раз...

В нише возле Думы, там, где раньше находился спортивный магазин, расположились на заработки художники — первые ласточки городской вольницы. Вера под села к самому волосатому, а потому внушавшему наибольшее доверие, и через полчаса на листе ватмана был готов её портрет. Вера заплатила десятку и отошла в сторону. «Неужели я такая? Наверное, приукрасил...» — подумала она, разглядывая рисунок. С бумаги грустно и отрешённо смотрела куда-то вдаль худая, но красивая молодая женщина с правильными чертами лица и стрижкой «каре». Под глазами наметились тени, но только едва-едва. Художник ей явно польстил.

Вера долго смотрела на портрет, ей стало жалко себя и обидно. Почему, почему кроме сытых свиней и безмозглых похотливых подонков с набитыми бумажниками её никто не замечает? Будь она помоложе, то непременно бы заплакала, но теперь уже разучилась... Она свернула лист в трубочку и заткнула в сумку.

Гостиный двор, Катькин сад, Дворец пионеров. Здесь, в этом дворце, Вера первоклассница занималась в кружке мягкой игрушки, и с этого места до Пушкинской улицы она знала каждый сантиметр Невского. Аничков мост с клодтовскими конями, дом Штакеншнейдера, «Гастрит», «Сайгон», «Маяк»... но это уже потом, после... Вера ускорила шаг и вскоре свернула на Пушкинскую.

Бабушка ещё на даче, ключ от комнаты всегда в кухне на гвоздике — соседи не вредные, поливают цветы...

Вот и комната, в которой она родилась и жила, пока родители не получили квартиру в новом районе. Она почти не изменилась: тот же довоенный сервант, круглый, покрытый скатертью стол посередине, горшки с цветами. Только телевизор уже новый — «Рекорд». На телевизоре заботливо вышитая салфетка, в комнате уютно и

чисто. На стене тикают часы.

На серванте — круглый розовый поросёнок из кружка мягкой игрушки. Рядом фотография в рамке: улыбающаяся первоклассница с огромным бантом на макушке. Вера больше не выдержала. Слезы брызнули из глаз, она бросилась на кровать и, наконец, первый раз за долгие годы разрыдалась.

Петрушка

Распрощавшись с Котовым, Петрушка направился к дому. Добрёл до трамвайной остановки, из трамвая перешёл в метро, где у него кружилась голова и закладывало уши, поднялся на Владимирской и сел на лавочку.

Вообще-то он должен был ехать к жене на Петроградскую, но туда он даже не решился позвонить, за него это сделал Котов и наврал что-то совершенно лишнее. Потому что Зинаида всё равно ничего не спросит, она просто даст ему по роже для начала. Ей нужен повод, а не довод. Ей это необходимо для нормальной жизнедеятельности.

Сидя на бульваре, Сева в задумчивости чистил траур под ногтями — верный признак хорошей попойки. Ногтями левой — ногти на правой руке, и наоборот. Закончив, встал со скамейки и поплёлся домой, к родителям. Если повезёт, их не будет дома. Все ключи у него в одной связке. И от жены, и от работы, и от дома. Хорошо, что есть куда пойти.

Налево — Пушкинская, здесь жила Дансева, когда ещё ходили в школу. Как она изменилась! Ну да Бог с ней... Всё-таки нельзя так пить. Этим двоим что, они могут керосин выпить, и глазом не моргнуть... Так нельзя, когда-нибудь это плохо кончится.

Двор, подъезд. Если в почтовом ящике пусто — значит, кто-то дома. Ага, есть! Ну вот и хорошо. Теперь можно будет расслабиться, отдохнуть. Принять ванну, переодеться в чистое, заглянуть в холодильник... А Зинаида — пусть звонит. Буду снисходителен, но немногословен. «Да. Нет. Возможно. Ты полагаешь?..»

Хорошо, что есть лифт. Дверь, куча соседских звонков, хорошо, что есть ключ. Коридор, кухня. «Здравствуйте...» Почему так странно

посмотрела? Дверь в комнату, ключ... открыто.

Через шторы в комнату проникает узкая, но ослепительно яркая полоска солнечного света. Кто-то сидит спиной к нему перед телевизором. Поворачивается, быстро встаёт и подходит. Это Зинаида.

Удар.

Ещё.

Очки отлетают, сверкнув на солнце.

Чужим сдавленным голосом: «Очки... осторожно!..»

Судьба Севы Петрова внешне складывалась благополучно. Школа с серебряной медалью, избавление от армии по зрению, университет. Но наряду с этой парадной стороной жизни, рядом с ней проходила другая, более сложная и глубокая, полная тревог и разочарований, беспокойная личная жизнь.

Ещё в детском саду Петрушку очень интересовало, как выглядит то, что находится под трусиками у окружающих его девочек и женщин. Увидеть не представлялось возможности, а подглядывать не позволяло воспитание. Сведения, почерпнутые из разговоров со сверстниками, были столь туманны, что свидетельствовали, скорее всего, об их некомпетентности. Любопытство было удовлетворено самым неожиданным образом. Одна девочка, которую он, кстати, считал довольно строгой, сказала ему в умывальнике: «Давай глупости показывать». С этого дня они изредка уединялись и, спустив трусики, внимательно разглядывали друг друга, хотя у девочки особенно разглядывать было нечего. Недоумение Петрушки с каждым разом возрастало, а пределом мечтаний девочки было потрогать... Но это было слишком, она стеснялась.

В конце концов их застукала воспитательница. Старая дева от увиденного пришла в ужас и случившееся предала шумной огласке. Последовало разбирательство с вызовом родителей, которые так и не поняли, из-за чего шум.

Так или иначе, но разрыв был неминуем, а у партнёров на всю жизнь сохранился подавленный страх к любовным отношениям. К тому же, открылась измена: на допросе девочка призналась, что у неё был ещё один мальчик, с которым она тоже один раз уединялась в умывальнике.

Только в школе Петрушка начал снова интересоваться противоположным полом. В седьмом классе он увидел первый в своей жизни порнографический журнал. Ребята разглядывали его в туалете на перемене. Это было настоящее потрясение. На цветных иллюстрациях великолепного качества располагались не просто голые женщины, но был показан половой акт во всех его проявлениях и даже по несколько человек сразу.

Петрушка был сражён наповал. Теперь секс больше не выходил у него из головы. Он мысленно раздевал одноклассниц и взрослых женщин, изящных кинозвёзд и толстозадых учительниц — всех, кого видел, — и вступал с ними в сказочный мир сексуальных отношений. Он уже знал, что такое оргазм, но настоящая связь с женщиной ещё долго была для него тайной за семью печатями.

Его самая первая и на долгое время единственная партнёрша появилась только на третьем курсе университета. Как нетрудно догадаться, этой партнёршей была его будущая жена Зинаида.

Сева никогда не был суперменом, девчонки на него не западали. Но, главное, он сам их боялся. Точнее, боялся близости. Несколько раз, оставшись наедине с потенциальной партнёршей, он начинал так волноваться, что в самый решающий момент пасовал, чувствуя себя абсолютно не готовым... Партнёрши в подобных ситуациях думали преимущественно о себе — о том, как они поведут себя в ходе воображаемого ими сценария. Чаще всего они ожидали настойчивой атаки, в результате которой они, может быть, уступят... Отступление или даже бегство кавалера в решающий момент они считали позором и впоследствии не скрывали к нему своего презрения. Разумеется, Сева это мучительно переживал и считал себя самым несчастным человеком.

В университете он встретил Зинаиду. Она была опытна, глупа и по-женски хитра. Проучившись с Петрушкой меньше курса, она его раскусила. Случайные связи её не удовлетворяли, она хотела мужа или постоянного любовника, удобного во всех отношениях, над которым она бы имела власть. Петрушка был отличник (сама Зинаида числилась неуспевающей), не бабник, ленинградец с пропиской. И ещё ей очень хотелось принять когда-нибудь скромную фамилию Петрова вместо чудовищной Каценеленбоген.

Однажды во время летней сессии, она в коридоре поджала

к Петрушке с просьбой написать тему из конспекта. Экзамен по предмету был уже завтра, поэтому Сева мягко, но решительно отказал. Тогда Зинаида предложила вместе писать шпаргалки. «Где?» — спросил Сева, которого пронзила радостная догадка. «Можно у меня на даче, в Озерках», — как ни в чём не бывало ответила Зинаида.

Это было конкретно. Волна радости и тревоги захлестнула нашего героя.

На этой даче произошло наконец то, о чём Петрушка мечтал, можно сказать, с детского сада. Физически это оказалось даже приятней, чем он ожидал, а вот на эмоциональном уровне — почти ничего кроме волнения. Но для первого раза и этого хватило с избытком — Сева был горд и счастлив. Зинаида действовала умело и тактично, сложностей не возникло. Психологический барьер был снят, путь к большому сексу был усыпан цветами.

Подготовка к другому экзамену, в университете, тоже не прошла даром: Зинаида получила свою первую за время учёбы пятёрку, Сева — первую в жизни тройку.

Свадьба состоялась на третьем курсе, не по-студенчески пышно — так, как хотела тёща Эльвира Станиславовна, женщина деспотичная и привыкшая жить на широкую ногу.

В семейной жизни Зинаида оказалась балованной и ленивой. Вполне вероятно, что она изменяла, когда Сева, уже работая в НИИ, отъезжал в командировки. Однако, по возвращению Зинаида так ревниво его допрашивала, что подозрения, если они и были, то сразу рассеивались.

Зато сам Петрушка был безоговорочно верен. Не потому, что он любил Зинаиду или не хотел, а просто не было случая. И вообще, он постепенно начал понимать, что далеко не вся радость жизни заключена в Зинаиде и Эльвире Станиславовне. В тайне Петрушка начал мечтать о разводе.

Но время шло, и ничего не менялось. Та же работа, те же командировки, те же жена и тёща. И никаких надежд на перемены в будущем. Для того, чтобы разорвать этот круг, должно было случиться чудо — такое, например, как встреча с волшебником или гуманоидом.

Зинаида нервно курила на заднем сидении такси.

Мужа она заставила сесть рядом с водителем, чтобы всё время был на виду. Левое ухо Петрушки просвечивало красным, а на одном из стёкол очков появилась трещина. Петрушка сидел молча и смиренно.

Первые удары Зинаида нанесла за самовольную отлучку, пьянку и котовское враньё по телефону. Это было не больно, не обидно и даже принесло какое-то специальное удовлетворение.

Но вот Зинаида увидела на щеке мужа следы губной помады (Вера чмокнула на прощание), и замерла в оцепенении. Это было что-то новое. Придя в себя, она, со зловещим шёпотом «ах ты сволочь...», стала избивать Петрушку как попало и чем попало.

Несчастный вырвался в коридор и, под выразительным взглядом соседки, позорно закрылся в туалете.

Некоторое время Зинаида колотила в дверь и кричала, потом заплакала и ушла в комнату. Потом из коридора стал доноситься её разговор по телефону с Эльвирой Станиславовной — со всхлипываниями и внезапными переходами на повышенные тона.

Некоторое время она курила в комнате, затем подошла к туалету и твёрдым голосом сказала:

— Едем к маме, она ждёт.

Дальше всё происходило молча.

Машина свернула на Садовую. Летний сад, Кировский мост... Осталось немного, по прямой. На перекрёстке у метро «Горьковская» такси остановилось у светофора. В это мгновение Сева уже что-то решил про себя. Загорелся жёлтый и, перед тем как машина тронулась, Петрушка внезапно открыл дверцу, выскочил, захлопнул и перебежал через дорогу.

В это время поток транспорта двинулся и с той и с другой стороны. Зинаида, выйдя из машины, что-то кричала и потрясала кулаками. Водитель такси что-то кричал ей самой. Машины сзади сигналили.

У входа в метро Сева перешёл на шаг, дрожащей рукой потыкался пятаком в щель, просунул и спокойно поехал вниз по эскалатору.

Когда я добрался до дома, часы показывали два часа дня. Было третье сентября 1988 года, и сегодня в полночь мне предстояло перенестись на шесть лет назад, в прошлое. Реальность происходящего не вызвала у меня сомнений с момента появления Иванова, и я был уверен, что до наступления полуночи он ещё даст о себе знать.

Даже не сняв ботинок, я повалился на кровать и уставился в полоску серого неба между оконной рамой и крышей противоположного дома. Пейзаж невесёлый, и на душе муторно. Я никак не мог понять, что следует делать в сложившейся ситуации. А что понимать, если с похмелья я не мог даже пошевелиться. В голове, которую уже затуманивал сон, шевелились кое-какие мысли. Где гарантия, что я не сошёл с ума? Где гарантия, что таблетка не содержит яд? Что останется от меня здесь, если я перенесусь в прошлое? Можно ли вернуться назад? Разве возможно всунуться в прошлое, если последующее уже существует?..

Вопросы нагромождались в моей и без того тяжёлой голове не очень долго — не прошло и минуты, как я заснул. Последнее, что я подумал отчётливо и что, по правде говоря, вообще не выходило у меня из головы ни на мгновение, были слова Веры Дансейвой: «Если это произойдёт, я выйду за тебя замуж».

В седьмом классе нас начинали принимать в комсомол, и после уроков проходили обсуждения первых кандидатов — отличников учёбы и общественников. После выдвижения очередной ябеды, классная прицепилась к Вере, почему та не голосует. Сам я читал под партой книгу и послушно поднимал руку вместе со всеми. Фамилия Дансейвой заставила меня поднять голову. Она была умна и красива. Наверное, я уже тогда был в неё влюблён.

Вера, которую из-за собрания не отпустили на тренировку, ответила, что она как раз за. Потому что всем аллочкам-стучалочкам место именно в комсомоле.

Буквально все перетрусили, в классе сделалось тихо.

«Повтори, что ты сказала»... — чуть не сорвалось у классной, но она вовремя сообразила, что Вера повторит и ещё что-нибудь прибавит.

— Выйди вон из класса.

Вера молча встала и вышла.

— Кто ещё хочет отправиться за ней следом? — сказала классная всё тем же страшным голосом, рассчитывая закрепить свою власть над учениками.

И тогда, повинувшись внезапному порыву, я сунул книгу в портфель, поднялся и шагнул к выходу. Одновременно из разных концов класса к дверям направились ещё два мальчика. Это были Котов и Петрушка, тогда мне ещё почти совершенно не знакомые.

Догонять Веру в коридоре при них я постеснялся. А она сама обернулась и приветливо нам помахала.

Из нескольких реплик, которыми мы обменялись, выяснилось, что поступки моих «соперников» никак не были связаны с амурными делами. В частности, Петрушка готовился к математической олимпиаде, а Котову просто надоело, и он воспользовался случаем.

В гардеробе мы всё-таки столкнулись с Верой, пошутили и на улице разошлись в разные стороны.

Вскоре у неё был день рождения — 14 лет, и мать велела ей пригласить нескольких хороших девочек из класса. Вера пригласила, и, к маминому ужасу, явились три мальчика.

Так, благодаря одной из многочисленных возможностей выбора, которые предоставляются человеку на каждом шагу и позволяют нащупывать свой неповторимый путь в лабиринте жизни, каждый из нас обрёл друзей. И пусть Котов был почти начисто лишён положительных качеств, а Петрушка, круглый отличник, как казалось, не мог иметь с нами ничего общего, пусть Вера была красавицей, а я страдал от комплекса неполноценности, все мы отлично ладили друг с другом, искали встреч и находили их.

Появление гуманоида

Я открыл глаза и увидел Иванова. Он сидел за столом и жадно ел. Было уже темно, в окнах напротив горел свет, на часах половина двенадцатого. Включённый телевизор тревожно шипел на пустом канале.

— Извини, я тут похозяйничал. Моё хобби отнимает так много энергии...

Иванов был одет в потёртую форму железнодорожника, в ухе у него болталась массивная серьга с то и дело внезапно вспыхивающим камешком. Поймав мой взгляд, он быстро снял серьгу и спрятал в карман. Мне показалось, что на лбу у него размазанное и высохшее пятно крови.

— Черти полосатые... Махнул к тебе прямо со шхуны «Белый орёл», от флибустьеров. Такую заваруху замутили с купчишкой, что едва не забыл про ваши таблетки... Готов к труду и обороне?

Я сел на кровати и протёр глаза. Проспав более восьми часов, я совершенно очухался. Ужасно хотелось пить. Если бы гуманоид не сидел сейчас за моим столом, всё случившееся накануне я расценил бы не иначе как сон. Но меня радовало, что это был не сон.

— Не желаешь подкрепиться? — предложил гуманоид, громя для себя пятиэтажный бутерброд из булки, масла, сыра, кильки и хлеба.

Я взял со стола холодный чайник, напился прямо через носик. машинально сунул в рот корочку чёрного хлеба и стал жевать, бессмысленно глядя на Иванова.

— Слушай внимательно,— заговорил он, просунув в пасть значительную часть своего сооружения.— Ровно в полночь, с боем часов, ты проглотишь таблетку. В это мгновение начнёт своё существование другой, параллельный мир, который ответвится от этого, основного ствола. До сих пор понятно?

— Приблизительно,— пробормотал я.

— В этой боковой ветке, ну, то есть, в параллельной вселенной, вы и окажетесь. Там всё от вас зависит, потому что знаете наперёд... о-о...

Опустившись на четвереньки, гуманоид полез в холодильник.

Время близилось к полуночи, и я поспешил с вопросами.

— Мы имеем право вмешиваться в ход истории?

— Разумеется, зачем мне это кино по второму разу? Надеюсь, что вы как можно быстрее наделаете глупостей. Каждый ваш шаг, каждый вдох и выдох с геометрической прогрессией изменит последующий ход событий в мировом... нет, во вселенском масштабе! Ведь это потрясающе интересно!

Я подумал, не много ли берёт на себя этот тип...

— Думай как хочешь, но для каждого из вас это хороший шанс. Я ведь и сам для кого-то всего лишь пешка в игре. Не говоря уже о маленьком бонусе — второй, бесплатной, дополнительной жизни.

— Простите?..

— Ну... вы ведь умрёте там когда-нибудь, так или иначе?

— И что?

— В момент своей физической смерти каждый из вас вернётся к исходному положению — ночь с третьего на четвёртое сентября 1988 года. Нет, не так... Надо выручать девушку. Вы вернётесь второго числа днём, пока не успели наделать глупостей. Дарю вам эти дополнительные сутки и память о них.

— В любой момент можно умереть и вернуться?

— Да, можете пустить себе пулю в лоб, отравиться или удавиться — это на ваш вкус.

— А как же...

— Бог? Его там нет. Это же что-то вроде компьютерной игры. Каждый из вас сам себе бог. Я — разработчик программы. Большая игра. И она называется... «Моя судьба». Или «Мой рок». Вот, это лучше, круто получилось. «Мой рок». Рок!..

Я посмотрел на гуманоида внимательно. Он выпивал одно за другим сырые яйца; кажется, это последнее, что было в холодильнике. Пора выставить его за дверь и снова лечь спать. Кого только не притащишь к себе в дом по пьянке. Но я почему-то этого не сделал и вместо этого продолжал задавать идиотские вопросы.

— Что же останется здесь, вместо меня, если я проглочу вашу таблетку?

— Глупейший вопрос.

— Мёртвое тело?

— Зачем так мрачно! Без вас тут не пройдёт одной секунды, без вас, что называется, не начнут. Даже наоборот: я ведь обещал вернуть вас во вчерашний день. Вы забыли? Это мой маленький бонус.

— Скажите... вот это всё... что вы говорите — это известно моим товарищам?

— Они слышат всё, о чём мы говорим.

— И они это сделают?

— Не знаю.

Стрелки часов приближались к двенадцати, нужно было решаться. Я опять верил всему, что говорит Иванов.

— В таблетке яд?

— Нет.

— Что нас ожидает?

— Не знаю, честное слово.

— Почему таблетка?

— Таблетка ни при чём.

Высосав последнее яйцо, Иванов уполз в холодильник, сунул в рот закатившуюся в угол сморщенную сливу, убедился, что больше ничего нет, поднялся, отряхнул форму железнодорожника и сказал:

— Ну, мне пора.

Я запаниковал: в эти секунды решалось слишком многое.

— Погодите, но как вы это сделаете?!

— Объяснять не имеет смысла. Считай, что всё происходит на уровне ощущений.

— Но тогда так же...

Иванов сделал ободряющий жест и шагнул в запертую дверь. Часы показывали без двух минут полночь.

Таблетка лежала на столе, отдельно от скорлупы, очистков и огрызков, оставленных гуманоидом. Похоже, что на записку не остаётся времени. Почему-то я схватил тряпку и смахнул мусор со стола в кусок газеты. Свернул, скомкал, направился к двери, развернулся, шагнул к окну, бросил в форточку. Опомился, включил радио.

«...сокращения поставок зерновых в СССР и Китай. В Порту-

галии продолжают переговоры...»

Оставалось меньше минуты. Я налил в чашку воды и взял со стола таблетку. Она была большая и тяжёлая. Как же её проглотить? С боем часов нужно успеть разгрызть и запить.

«И о погоде. В центрально-чернозёмных областях...»

Я приготовился. Интересно, какого она вкуса?

«...С началом шестого сигнала...»

С первым сигналом я сунул таблетку в рот и сделал резкое движение челюстями. Таблетка послушно рассыпалась и сразу растаяла во рту, оставив лёгкий кисловатый привкус. С шестым сигналом я выпил из чашки воду. Мне стало легко и приятно. Я полетел в ту самую пресловутую трубу, в конце которой умирающие будто бы видят яркий свет. Но полёт затормозился, и я, словно на тонкой резинке, полетел обратно. Мною овладело разочарование, даже испуг, но сразу захотелось спать, сознание затуманилось, глаза закрылись.

Вера

Наплакавшись вволю, Вера подумала, что надо всё хорошенько подготовить, а потом, пожалуй, принять ванну. Её беспокоило даже то, как будет выглядеть покойница.

Она вынула из сумки пакет и разложила на столе всё необходимое. Сначала обычные пять кубиков внутривенно, немного погодя — ещё двадцать, выпаренных до десяти,— внутримышечно. Когда все двадцать пять попадут в кровь, она умрёт. Сначала она отключится, поэтому всё будет легко и не больно.

Надо оставить записку, хотя бы бабушке. На родителей наплевать — так же как им на неё.

Вера села за стол и набросала несколько строк.

«Бабуля, прости меня. Умираю здесь, потому что другого дома у меня нет. Не переживай, это легче, чем ты думаешь. Это лучшее, что можно теперь сделать, Бог простит. До встречи, твоя Вера.»

Достав из шкафа чистый халат и чистое полотенце, она отправилась в ванную. Потом легла на кровать и стала смотреть на часы.

В кулаке она сжимала таблетку — как утопающий соломинку...

Внезапно загорелся экран телевизора. Чёрно-белый «Рекорд» засветился отчётливыми красками, и Вера увидела гуманоида, жующего гигантский бутерброд и одновременно говорившего.

Так же внезапно её окатила радость: она не умрёт. Она вернётся в прошлое и начнёт жизнь сначала. Как глупо! Вера поднесла таблетку к губам и поцеловала.

«...Слушай внимательно,— в телевизоре появился звук.— Ровно в полночь, с боем часов...»

Вера жадно внимала происходящему, её сердце радостно билось в груди. Иванов на экране постоянно что-то жрал, а у Карлова был такой глупый вид, что Вера радостно расхохоталась. Потом она с неприязнью оглядела разложенные на столе предметы и подумала, что будет лучше, если наркотиков здесь после неё не останется. Она положила шприц в аптечку рядом с пипетками и прочим барахлом, а раствор упаковала в бумагу, перетянула резинкой и сунула в самую глубину коробки. Если таблетка не сработает, она сделает то, что собиралась.

Решая эти маленькие проблемы, Вера внимательно слушала телевизор, поглядывая на экран.

«...вернуть во вчерашний день. Вы забыли? Это мой маленький бонус.»

Порадовал, нечего сказать. Вера затушила сигарету, села на кровать и приготовила таблетку.

Действие близилось к концу. Иванов вышел через дверь Карлов приготовил воду и застыл, слушая радио.

Вера тоже налила себе воды, поднесла таблетку ко рту и положила на язык.

Котов

...Дима отключил телефон и снова повалился на кровать. Его мутило, глаза слипались. Обдумывание возможностей, которые сулило возвращение в прошлое, укрепило его в решении проглотить

таблетку.

Котов завёл будильник на без четверти двенадцать, разделся и лёг спать. Ему начал сниться сон.

...Бьют часы, и он принимает таблетку. В ту же минуту у его окна зависает переливающаяся разноцветными огнями летающая тарелка. Вернее, огромная летающая таблетка.

Но та таблетка, которую он проглотил, оказалась снотворным, и Котов, которому интересно, борясь со сном, щурит глаза, подглядывает.

Под руководством Иванова, одетого в космический серебристый комбинезон и круглый прозрачный шлем, маленькие зелёные инопланетяне с вытянутыми мордочками и антеннами вместо ушей, берут за четыре угла простыню, на которой лежит Котов, и выносят его через окно по трапу в распахнутую светящуюся пасть таблетки.

Внутри светло, как в операционной. По периметру мигает и пульсирует один сплошной пульт с бесчисленным множеством кнопок, рычажков и индикаторов. Перед пультом стоят кресла, похожие на зубоврачебные. В креслах сидят несколько зелёных инопланетян. Обернувшись, они равнодушно смотрят на Котова.

В центре стоят четыре стеклянных саркофага, соединённые толстым гофрированным шлангом для прокачки воздуха. В трёх уже спят его товарищи, их лица выражают блаженный покой. Иванов нажимает кнопку, и крышка четвёртого саркофага бесшумно поднимается. Котова кладут на удобное пластиковое ложе, пристёгивают ремнями и закрывают.

Внутри тепло, уютно, хочется спать, но подглядывать через прикрытые ресницы ещё интересней, со сном можно повременить.

Зелёные гуманоиды рассаживаются в кресла по периметру, свободных мест больше нет. Иванов отдаёт команды, в которых Котов слышит абракадабру из терминов знакомой ему научной фантастики: «антигравитация, квазар, парсеки, фотонный излучатель...» Тарелка вздрагивает и устремляется в небо, Котова приплющивает к эластичной лежанке.

Постепенно становится легче, они отрываются от Земли, попадая в зону невесомости. В иллюминаторах появляются звёзды, которые словно огни фейерверка, сыплются настремленную из чёрного

космоса. Это красиво и бесподобно, но Котов не может больше бороться со сном и отключается. Наступает покой. Ему снятся бескрайние просторы Вселенной, удивительные планеты и неведомые цивилизации.

Но вот, так не вовремя, его начинают беспокоить выпитые утром пять стаканов воды. Первое время хочется надеяться, что это пройдёт как-нибудь само. Как бы не так. Котов просыпается окончательно, он не на шутку встревожен.

И тут вдруг космический корабль взрывается тревожной сиреной. Иванов выхватывает мегафон и кричит: «Атас! Тревога! Метеоритный поток, всем кранты-ы!!!»

Все вскакивают и начинают бегать в панике. Через иллюминаторы видны летящие навстречу кораблю каменные глыбы. Удар, ещё удар! Всё рассыпается, но сирена продолжает оглушительно звенеть в чёрной безжизненной бездне космоса...

Сидя на полу, Котов трясёт головой. Хлопает рукой по кнопке будильника, но звон не прекращается. Это звонит телефон.

Дима лёг на кровать и снял трубку.

— Привет, Дима! Ты, главное, не волнуйся, это Иванов. Пора уже. Но ты не беспокойся, можешь не вставать даже. Просто послушай, о чём мы тут беседуем, ладно?

Послышался протяжный гудок, затем громкий короткий писк, в самое ухо. Котов резко отвлёл трубку и сердито на неё посмотрел. Из трубки громко и отчётливо, в полном диапазоне частот, полился диалог Карлова и гуманоида. При этом один голос раздавался из динамика, а другой — из микрофона. Посуда на столе звякала где-то посередине — полный стереоэффект!

Пока Дима слушал, ему в голову пришла дельная мысль. Он открыл замок входной двери и поставил его на защёлку. Теперь, по крайней мере, в квартиру можно будет зайти в его отсутствие. Голова была тяжёлая, из объяснений Иванова он мало чего понимал. Когда начали пикать часы, он сунул таблетку как можно дальше в рот и тренированным движением отправил её целиком в пищевод. С последним, протяжным сигналом сделал глоток воды из дежурной бутылки и полетел в чёрный коридор...

Петрушка

До самого вечера Сева бессмысленно бродил по городу, сидел на скамейках в Михайловском саду, смотрел в «Колизее» какое-то кино, тщетно пытаясь прийти к однозначному решению. Он уже не раз внимательно разглядывал таблетку, нюхал и даже трогал языком, но это ничего ему не прибавляло. Являясь человеком науки, Петрушка старался чётко проанализировать свои возможности, каковых было, по его разумению, четыре.

Если допустить необъяснимое, то первый вариант предусматривал возврат в прошлое. Он оказывался в 1982 году, на третьем курсе университета, уже состоя в связи с Зинаидой, но ещё не скованный с ней узами брака.

«Это, пожалуй, плюс,— думал он, бродя по улицам и глядя себе под ноги.— Я смогу порвать с ней, не доводя дело до брака. Но был ли смысл в таком разрыве? Зинка, хотя и стерва, но всегда рядом. Дача в полчаса езды, все удовольствия...»

Потом Сева вспомнил, сколько сил он вложил в учёбу на последних курсах. Сессии, зачёты, экзамены, бессонные ночи, курсовые, рефераты... Ленинградское распределение благодаря связям Эльвиры Станиславовны...

Тогда, на третьем курсе, получение диплома и гражданские свободы нормального, трудящегося человека казалось чем-то далёким, светлым и несбыточным. Нет, снова попасть на третий курс, да ещё в самом начале учебного года, с трудовой повинностью на мокрых полях совхоза — это, конечно, минус и очень длинный.

Второй вариант предусматривал возможность того, что, проглотив таблетку, он просто умрёт. Конца этому минусу не было видно, и второй вариант Петрушка отметал как абсолютно несостоятельный.

В третьем варианте Сева допускал с большой натяжкой временное отклонение от нормы в собственной психике. Как следствие злоупотреблением накануне алкоголем. Сумасшедший или бродяга мог превратиться в его воспалённом мозгу в инопланетянина.

гуманоида, а весь эпизод в целом обрости фантастическими подробностями. В этом случае ему просто следовало хорошенько выспаться и отдохнуть.

Четвёртый, самый мрачный, но и наиболее реалистический из перечисленных вариант предполагал явку с повинной. К жене и теще на Петроградскую.

Размышляя на эту тему, Сева стоял, облокотившись о перила, на самой середине Кировского моста и глядел в чёрную, пахнущую сыростью, колышущуюся темноту под мостом.

Уже стемнело, горящие фонари и фары проезжавших автомобилей оставляли на воде серебристые отблески. Из-под моста тянуло сырой прохладой, желудок давно скулил от голода. Севе мучительно захотелось домашнего тепла и уюта. Вариант явки с повинной казался ему теперь самым желанным и близким. Смирным раскаянием и добрым словом он легко вернул бы себе расположение Эльвиры Станиславовны и Зинаиды...

Мимо Петрушки уже несколько раз профланировал милиционер, с подозрением поглядывавший на давно стоящую посередине моста одинокую фигуру. Вдруг он жестом остановил проезжавший мимо жёлто-синий козелок ПМГ и что-то сказал сидевшему в кабине офицеру. Водитель открыл заднюю дверцу, из кузова выпрыгнули два милиционера, взяли Севу под руки и, не успев он ахнуть, затолкали внутрь. Дверца захлопнулась, машину тряхнуло, и они помчались в неизвестном направлении.

— В чём дело?! — воскликнул Петрушка, обретая дар речи.

— Тихо сиди,— гавкнул на него сержант.

В отделении задержанного обыскали и нашли в кармане таблетку.

— Наркоман что ли? — сказал дежурный.— Так мы тебя лечим. Будешь срать где попало.

Часы на стене показывали без одной минуты двенадцать. Петрушка решался. От волнения его начала бить дрожь.

— Ручонки-то чего дрожат? Ломка началась? Ты погоди, скоро мы тебе сделаем этот... курс лечения.

Милиционеры заржали.

Стрелки часов показывали полночь, откуда-то начали доно-

ситься сигналы точного времени. Теперь или никогда. С последним сигналом, пронзившим его словно удар тока, Петрушка бросился вперёд, схватил таблетку и сунул в рот.

В следующее мгновение его тряхнуло, и он в беспамятстве повалился грудью на стол дежурного.

ГЛАВА ВТОРАЯ

3 сентября 1982 года

Солнечный луч отражался в мокром после ночного дождя окне напротив, и беспокойный зайчик прыгал по моему лицу. Щурить глаза надоело, и я, осторожно приподнимая ресницы, отодвинулся от назойливого луча, вытянулся в струнку и протяжно зевнул.

Воздух за окном был чист и прозрачен, я сам чувствовал во всём теле лёгкость, хотя голова слегка трещала после какого-то путанного сна. Нет, наверное, сон ни при чём: хотелось пить, вдыхании ощущался запах перегара. Но разве я вчера пил? Обрывки бессвязных мыслей закувыркались в ещё окончательно не пробудившемся сознании, но вот они выстроились в нужном порядке, обрели смысл и реальность...

Я вздрогнул и подскочил на кровати. Широко раскрытыми глазами обвёл комнату. Сердце в груди бешено заколотилось: не было никакого путанного сна,— это моя комната шестилетней давности с уже не существующими вещами и предметами мебели.

Шагнув к зеркалу, я стал себя оглядывать.

Повертевшись так и сяк минуты три, я сделал выводы:

— совершенно определённо, я стал стройнее;

— бороды нет, но имеется трёхдневная щетина;

— волосы на голове ещё не достаточно отросли после армии.

Ощупав языком, я оскалил зубы и убедился, что во рту у меня

полный порядок, чего нельзя было образце 1988 года. Общее самочувствие утвердило меня в подозрениии, что я попал в тело, отягощённое похмельем.

Итак. Мне двадцать один год. Три месяца назад я вернулся из армии, я сирота, так как за время прохождения службы умерла бабушка, а родители много лет назад погибли в авиакатастрофе. Три месяца я живу один в этой комнате и ни черта не делаю, продавая время от времени антикварные безделушки, доставшиеся по наследству (надо пресечь эту порочную практику).

Я ещё раз осмотрелся. От вида старых, уже забытых предметов и мелочей вроде лежавших на своём обычном месте бабушкиных очков защемило сердце. Надо убрать всё это подальше, а ещё лучше выбросить и заняться ремонтом.

На стене висел старенький репродуктор. Я крутанул ручку и прислушался.

«Трудящиеся Советского Союза, развернув социалистическое соревнование по претворению в жизнь решений Двадцать шестого съезда КПСС, обеспечили дальнейший рост общественного производства и его эффективности. Последовательно реализуется программа повышения народного благосостояния. Национальный доход, используемый на потребление и накопление, вырос на три целых и две десятых процента, производительность труда в промышленности возросла на две целых и семь десятых процента, за счёт этого получено более четырёх пятых прироста производства...»

Я надрывно зевнул и выключил звук. Влез в фанерные штанины совершенно новых джинсов, цена которых равнялась месячной зарплате инженера, надел футболку с самопальным трафаретом «John Lennon forever» и вышел в коридор.

Интересно, есть кто-нибудь в квартире? Встреча с живыми призраками моего прошлого волновала воображение.

Так и есть. Навстречу по коридору быстрыми шажками цокает тётя Тина, переехавшая года через два в новый район. Она несёт из комнаты на кухню стопку тарелок.

— Здрасьте...

— А, здравствуй, Боренька, ты дома, оказывается. Будь так добр, ребёнок, захвати моё ведёрчко... — протараторила она, не посмотрев в мою сторону, сосредоточившись только на своих

тарелках. Буква «р» звучала у неё по-французски.

Ведро с мусором, догадался я. Захватить её ведро, когда буду выносить своё. Отношения между соседями были тогда ещё почти семейные. С новыми жильцами всё стало по другому. Где же я напился вчера? Ах, да, мы ведь каждый год первого сентября у Котова... Тогда выходит, и позавчера тоже...

В прихожей, заставленной по всему периметру сундуками, я снял тяжёлую эбонитовую трубку настенного телефона и набрал номер Котова.

Занято.

Вера...

Тоже занято.

Петрушка... Ура!

— Севу будьте любезны.

— Ну что же вы за бездельники-то! Учится Сева, учится. В университете. И тебе, Борис, пора за ум браться.

— Извините.

Как же это он в университете?.. Но похоже, что я звонил не первый, это обнадеживало... И тут телефон сам зазвенел.

— Алло?

— Привет.

Вера. Услышав её голос, я сразу почувствовал себя счастливым.

— Вера!.. Ты... ты здесь?..

— Правда не верится?

— Фантастика,— тупо проговорил я, не находя других слов.

— Котов тоже здесь, он дома. Похоже, мы все звонили другу другу одновременно. Поехали к нему? Он уже ждёт.

— Да. Выходи, я буду ловить машину.

Вера переходила улицу, а я смотрел на неё, и сердце в груди замирало от радостного восторга.

— Смешно выгляжу? Дома не нашлось ничего другого...

О чём она говорит? Я машинально оглядел, во что она одета и вообще, как выглядит. Простая чёрная юбка ниже колен и джинсовая куртка поверх жёлтой футболки. Причёска всё та же, ещё со школы.

Черты лица более мягкие, без обозначившейся позднее резкой худобы. Глаза немного грустные, как всегда, но сегодня с огоньком.

— ... Не брейся, тебе хорошо.

— Не буду.

Я остановил частника, и мы поехали по солнечному городу — по всему Невскому, через Дворцовый мост, по Университетской набережной и, наконец, по Большому проспекту Васильевского острова.

Всю дорогу мы молчали и улыбались, разглядывая город и прохожих. Повсюду — на фасадах зданий, на крышах, на стендах и на растяжках через улицу — бросались в глаза огромные кумачовые лозунги. Неужели их было так много?..

СЛАВА КПСС!

ПЛАНЫ ПАРТИИ — ПЛАНЫ НАРОДА!

ВНУТРЕНнюю И ВНЕШнюю ПОЛИТИКУ ПАРТИИ — ОДОБ-
РЯЕМ И ПОДДЕРЖИВАЕМ!

НАША ЦЕЛЬ — КОММУНИЗМ!

НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ

ПАРТИЯ — НАШ РУЛЕВОЙ

ПАРТИЯ — УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ НАШЕЙ ЭПОХИ

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОНОМНОЙ...

Свежий, приятный и симпатичный Котов встретил нас объ-
ятиями и полез целоваться. От него уже заметно потягивало.

— Успел? — сказал я укоризненно.

— Так, ерунда, двадцать капель. Со вчера осталось.

Выяснилось, что шесть лет назад у нас со вчера осталось:

— две «Алазанской долины»;

— сабонис «Столичной»;

— бутылка армянского коньяка, которую Котов уже начал.

Общими усилиями мы вспомнили, что изобилие объясняется щедростью Веры Дансевой, которая вчера, шесть лет назад, полу-
чила хорошие деньги в «Интуристе». Больше я не буду употреблять фразу «шесть лет назад», потому что это неправильно.

Дима бегал и суетился.

— А где же Сева? Надо было за ним заехать, вы мимо про-
езжали. Помните где его искать в Университете?

— Не надо его искать,— возразила Вера.— Пока не надо.

— Почему?..— удивился Котов.

Ответа не последовало.

Мы расселись — я на кровать, Вера на единственное в комнате кресло. Никаких излишеств вроде видео, стерео и новой мебели здесь ещё не было.

— Проснулся — чувствую, башка трещит. Но, как-то не так, по особенному,— рассказывал Котов о своих новых ощущениях.— Пока не открыл глаза, думаю: всё, думаю, кранты, новая стадия...

Под гул котовской болтовни мы с Верой, потягивая слабенькое розовое вино, смотрели друг на друга. Я — с надеждой, она — с улыбкой. Я вопросительно поднял брови, она (!!!) медленно кивнула ресницами.

Я залпом выпил стакан и прервал Котова:

— Дима, сейчас, когда ты молодой и здоровый, каждый глоток водки это шаг в могилу. Короче, не теряй голову.

— У тебя есть шанс притормозить вовремя,— поддержала Вера.

— На себя бы посмотрели,— ответил Котов.

Я посмотрел на Веру, и в мою голову закралось одно смутное подозрение. И это подозрение медленно пронзило меня ужасом.

Нежданно-негаданно позвонил Петрушка. Пожаловался на головную боль и на то, что забыл здесь вчера свои очки. Ему придётся задвинуть лекцию и приехать.

После этого даже Котову стало окончательно ясно, что Петрушка остался.

— Может, у него всё переменялось в лучшую сторону? — сказал я.

— Струсил,— приговорил Котов.

— А вдруг ему что-то помешало? — сказала Вера.

Петрушка вошёл в комнату и, шаря близорукими глазами в поиске своих очков, хмуро поинтересовался:

— Почему вы трезвые?

Котов, открывавший ему дверь, зашёл следом и на повышен-

ном тоне произнёс:

— Сева, это ты?..

— Нет, это не я.

Если бы он знал цену этой своей реплики!

Петрушка нашёл очки, ему нужно было ехать обратно, и он в нерешительности остановился. Его мутило после вчерашнего, но развернуться и уйти было бы невежливо.

— Слушай, Дансева, тебе сегодня надо было на какую-то важную встречу, по работе. Проспала что ли?

Вера забавно поморщилась.

— Ладно, пойду, пока. Странные вы какие-то сегодня.

И Петрушка ушёл. А мы остались. Этот день закончился для нас ничем. Нам было нечего сказать друг другу, никто из нас не имел плана на будущее. Ещё вчера казалось, что стоит вернуться назад и начать сначала, как сразу откроется тысяча счастливых возможностей, а каждый поступок будет эффективен и точен. Мы думали, что будущее надёжно в наших руках.

На деле мы позорно растерялись. Котов лепетал что-то невразумительное по поводу предстоящего подорожания золота и спиртных напитков, что на этом деле можно будет хорошо нагреть руки. По молодости лет, или от пережитого потрясения, он начал быстро косеть. Я сказал, что всем нам нужно какое-то время, чтобы адаптироваться и хорошенько всё обдумать.

А потом мы с Верой ушли.

Я, кажется, сказал, что этот день окончился для нас ничем? Глупости. Мы с Верой пошли ко мне домой. Мы пили чай и смотрели телевизор, передачу «Сельский час». Я слегка дрожал и много курил, до тошноты. А потом, когда все передачи кончились, Вера легла в мою постель, и мы оплели друг друга руками и ногами. То, что произошло дальше, естественно и прекрасно, потрясло меня до глубины души: третьего сентября 1982 года Вера была девственницей.

Утром мы сходили на Пушкинскую и перенесли ко мне оттуда кое-какие, необходимые моей будущей жене, вещи. Её бабулю мы уболтали, поклявшись, что всё будет по закону, как полагается.

Эта замечательная бабуля знала меня ещё со школы и, как мне показалась, была довольна, что всё так складывается. Отца у Веры никогда не было, а мать три года назад удачно вышла замуж и исчезла из поля зрения.

Вернувшись домой, мы начали по-новому обустраивать нашу комнату. Наверное, в этот день я был счастлив как больше никогда в жизни.

Из записок Веры Дансевой

В этот день я искренне хотела стать хорошей женой, хозяйкой и даже, может быть, матерью. Карлов много курил, суетился, строил планы на будущее, вроде приобретения отдельной квартиры, где будет рай.

Я включилась в эту игру, хотя уже с первых минут пробуждения в своей рискованной молодости почувствовала главное...

Вечером мы снова легли вместе, и я снова была ласковой и любящей женой.

На следующий день утром я пошла в вонючий «Интурист» и уволилась. Сказала, что выхожу замуж за финна и уезжаю. Они там все от страха чуть не обделались.

Карлов ждал меня на лавочке в сквере. Когда я вышла из «Астории», он поднялся и пошёл навстречу. Второй день он дурел от счастья. А я любила его как брата.

Моё материальное положение оказалось очень даже недурным: более тысячи рублей и двести долларов. Интересно, существуют ли у меня какие-нибудь долги или обязательства? Надо спросить у Петрушки, о чём трепалась у Котова.

Моего мужа не покидало ощущение праздника, и я предложила пойти в ресторан. Можно было расположиться прямо здесь, даже в валютнике, но мне хотелось уйти отсюда поскорее. Один штрих всё же успел испортить настроение: в стороне, неподалёку от входа в «Асторию», я разглядела Банана. Он стоял в компании фарцовщиков и часто, по-деловому, сплёвывал под ноги. Я схватила

Карлова и потащила дальше от этого места.

Нашу помолвку мы отметили в «Метрополе». Нажрались икры и надулись шампанским словно разбогатевшая вдруг деревенщина. Выходили танцевать танго, фокстрот и ламбаду, хотя танго и фокстрот никто из нас до этого ни разу в жизни не танцевал, а ламбады человечество ещё не знало. Страшно вспомнить. Потом ночью в обнимку и с хохотом тащились домой по безлюдному Невскому. Ввалившись в квартиру, мы устроили посреди комнаты такую бесстыдную любовную корриду, что посуда в серванте тряслась и звенела, кажется, на весь дом.

Как Дима неожиданно удивил самого себя, а ещё больше своего друга В. Степанова

Свою новую жизнь Котов начал с того, что забрал документы с рабфака института рыбного хозяйства, который, оказывается, начал посещать. Родители уже убыли в Монголию и давления, понятное дело, не оказывали. Он был свободен, по его собственному выражению, «как сопля в полёте».

Но, помимо свободы, Котов не ощущал никаких решительных преимуществ своего нового положения. Это он понял уже на третий день, достав из своего почтового ящика повестку в военкомат.

«...надлежит прибыть 08.09.82 г. В 15.30. Иметь при себе точный адрес и справку с места работы. В случае неявки будете отвечать по закону...». Лёжа на кровати, Котов неприязненно перечитывал повестку. Им нужна справка с места работы, чтобы отправить его на сборы — десятидневные, месячные, а то и трёхмесячные.

В 88-м он послал бы этот военкомат подальше, но теперь... всё по другому. Для начала не даст жизни участковый, а потом могут быть неприятности и похуже. Есть даже уголовная статья, по которой сажают в тюрьму за то, что какое-то время нигде не работаешь.

Можно было снова устроиться паробходчиком, сутки через трое, но при мысли о душевной бойлерной и оскорбительной зарплате ему становилось тошно.

Зазвонил стоящий на полу телефон. Дима опустил руку и поднёс к уху трубку

- Здорово,— услышал он хмурый голос Степанова.
- Валя? Привет... — Котов слегка растерялся и сел на кровати.
- Сегодня как договорились?
- А что, напомни.
- Ты чо там дуркуешь? «Комарово» выучил?
- Выучил,— сказал Дима после паузы.
- Тогда всё, в шесть часов жди.

Всё ясно. Именно тогда, в сентябре 1982-го, они со Степановым начали готовить первую программу свадебного репертуара. Позднее к ним присоединились Осипов и Лисовский — барабанщик и клавишник, студенты музыкального училища.

Однако... не начинать же всё с начала, ступив на заведомо порочный путь ресторанного лабуха. Теперь, зная всё наперёд и имея столько возможностей...

И Дима решил при встрече отговорить Степанова от своей же затеи.

Откинувшись головой на подушку, Котов задумался. Действительно, какие возможности открылись перед ним теперь, когда он знает наперёд всё, что произойдёт со страной и миром в ближайшие шесть лет. Перестройка, кооперативы, свобода слова...

Болван. Как он провёл последний день в 88-м? Спал! Проспал весь день вместо того, чтобы сидеть в публичке и лихорадочно переписывать из старых газет выигранные номера лотерейных билетов, даты и события...

Но ведь остальные тоже спали. Скорее всего, что гуманоид всех уложил спать. Наверное, как раз этого он и не хотел — чтобы кто-нибудь успел подготовиться.

Вечером явился Степанов с зачехлённой гитарой в руках. Он прошёл в большую комнату, достал инструмент, начал мять и растирать пальцы рук.

— Что смотришь? — подал он голос.— Бери контрабас, подстроимся.

Дима взял бас-гитару и они подстроились.

— Нормально. Повторим старое: «Летящей походкой» — и-и...

Друзья слаженно заиграли уже подзабытую, но до оскомины знакомую Котову мелодию.

Потом повторили ещё несколько вещей из старого, самого первого свадебного репертуара. Скупой на похвалы Степанов был доволен.

— «Комарово» выучил?

— Давай,— лениво согласился Котов.

Вышло без сучка, без задоринки, хотя Дима играл рассеянно и чисто механически.

Потом Степанов сказал, что слышал ещё несколько подходящих песен, но запомнил не все слова и подобрал не все аккорды.

— Начинай, подскажу,— вяло предложил Котов.

И дело пошло. За пару часов они разучили надоевшие «Вологду», «Барабан», «Малиновку», «Земля в иллюминаторе» и «Толстый Карлсон».

— Когда ты так надрочиться успел? — недоумевал Степанов.— Если у нас так дело пойдёт...

— Нет, не пойдёт,— решился наконец Котов, выключил и отставил гитару.— Валя, я не буду играть на свадьбах, это точно. Поговори с Шурой, я продам ему гитару по дешёвке. Ты извини, у меня планы изменились.

Степанов смотрел на него, ничего не понимая. Потом он начал соображать, что если бы Котов всё обдумал заранее и твёрдо решил отказаться, он вообще не стал бы сегодня репетировать. А если так, причина пустяковая и надо просто нажать хорошенько. Так он и сделал.

Безвольный Котов слабо отпирался, ссылаясь на унижительное положение свадебных артистов и мизерные ставки:

— На эти двадцать пять рублей через три года бутылку водки без талона не купишь.

— Откуда ты-то знаешь, что там будет? — гнул свою линию Степанов.— Может, через три года мы уже не на свадьбах будем выступать, а в больших концертных залах. На своих машинах будем ездить. Радио, телевидение...

Всё это, было Котову знакомо. За исключением машины, которую он купить не успел.

По телевизору начали показывать «Песня-82» с участием

Пугачёвой, Леонтьева, Антонова и других звёзд. Это было скучно, и Дима, взяв гитару, начал наигрывать и насвистывать уже второй день вертевшуюся у него в голове мелодию.

Степанов какое-то время прислушивался, убавив звук телевизора, потом спросил, что за песня. Котов досвистел куплет до конца и, ещё не успев хорошенько ухватить ослепительно мелькнувшую в голове догадку, ответил:

— Да так... Это я сам.

— Слова есть?

— И слова есть,— кивнул Котов, ещё не понимая, шутка это или надувательство. Он уселся поудобнее и вполголоса, но довольно отчётливо, затянул:

Ален Делон

Ален Делон

Не пьёт одеколон...

Это был хит, впервые исполненный «Наутилусом» в 1985 году. В последние месяцы своего существования ансамбль «Невский факел» пополнил свадебный репертуар становившимся тогда популярным в массах русскоязычным роком.

Степанову сделалось не по себе. Начиная с 86-го, «Наутилус Помпилиус» был его любимым рок-ансамблем, и сейчас, услышав его впервые, пусть даже в исполнении Котова, он печёнкой ощутил силу и перспективность этих песен.

— Ещё что-нибудь можешь? — сказал он, стараясь не выдавать своего волнения.

Подумав немного, Котов ударил по струнам:

Гудбай, Америка, о-о...

Из записок Веры Дансевой

Уже конец ноября. Мы расписались, и вторую неделю я живу здесь на правах законной супруги. Но от этого ничего не переменилось, разве что соседи перестали смотреть на меня как на стерву.

Не чувствую никакого пресловутого ощущения домашнего очага.

Я не люблю детей, у меня их никогда не будет. Я оборванная травинка, сохнущая с каждым часом.

Карлов устроился на работу. Сутки через трое сидит в кочегарке где-то на Выборгской стороне. Я бы тоже устроилась на работу, но он против; хочет, чтобы мы больше времени проводили вместе. В конце концов, это его право: он вернулся в 82-й только ради этого. Очень боюсь, что он тоже скоро начнёт догадываться...

Две недели назад была наша свадьба. Я уговаривала его только расписаться, если это необходимо, но Карлов непременно хотел праздника. Он продал что-то из своего «фамильного» и заказал безумно дорогой стол в ресторане.

О том, как мы вчетвером пили и жрали, рассказывать особенно нечего, а заканчивали мы, разумеется, у Котова — где же ещё? «Заканчивали» — это надо понимать как сутки, до следующего вечера.

Котов из ресторана притащил к себе какую-то девицу, несостоявшуюся абитуриентку. Она сидела и хлопала глазами. Наверное, это был её последний вечер перед отъездом в родную провинцию. Котов сделал ей предложение, а она вспотела и лепетала что-то невнятное.

Потом Котов подсел к Петрушке и, как на духу, рассказал ему всю нашу историю. Петрушка охотно слушал, кивал и закусывал.

— Ты ч-чего, не веришь?! — вскричал Котов с гордым негодованием.

— Верю! — говорил Петрушка.— Только почему же ты в двадцать шесть лет дураком остался?..

Несколько раз Котов брался за гитару, пытаясь исполнить для девушки песню с душераздирающим припевом «Я хочу быть с тобой!..», только пальцы не попадали по струнам. Он опять что-то мудрит с организацией ансамбля — говорит, что скоро все ахнут.

Вот такие дела. Карлов старается занимать меня, чтобы я не скучала — ходим в кино, в театры, даже в музеи. Долго ли я смогу обманывать его и себя?

Вскоре после того, как Вера переехала жить ко мне, я вплотную занялся своим трудоустройством. Выбор между профессией сторожа и профессией кочегара был сделан в пользу большего заработка. Всё-таки теперь я был в ответе не только за себя. Если она согласится иметь ребёнка, буду работать на трёх работах, как проклятый. Но это было бы слишком хорошо, так не бывает...

Однако, я отвлекаюсь. Работа в котельной давала в те времена замечательные преимущества перед любой другой:

- график сутки через трое (бывает и через семь);
- отсутствие надзора со стороны начальства (если точнее — отсутствие начальства непосредственно в котельной);
- хорошая зарплата (рублей двести, если повезёт).

Почти идеальные условия для отдыха, работы и творческой деятельности предоставляла газовая (в отличие от угольной) котельная. Всё что требовалось от кочегара — поглядывать на приборы и подкручивать краны по мере необходимости.

Но для работы в газовой котельной требовалась корочка: свидетельство об окончании кочегарских курсов. А попасть на такие курсы можно было только по направлению с производства. Например, с завода, на территории которого находится котельная. Разумеется, что пройти такой путь мог не каждый.

На этот случай имелся ещё один вариант: покупка свидетельства у знающих что к чему людей. Этой возможностью я и воспользовался, заплатив за корочку 250 рублей, 150 из которых ушли на комиссионные посреднику.

Во всём этом угарном деле мне помог Юра Попов, мой армейский приятель, о котором стоит сказать пару слов.

В 70-х Юрик закончил «Муху» и устроился работать в реставрационные мастерские Эрмитажа. У него был весёлый нрав и длинный язык, слишком длинный для того, чтобы долго оставаться безнаказанным. Несмотря на грамотный и своевременный «откос» его забрали в армию — всего за несколько месяцев до истечения призывного возраста.

Уже на первом году службы он узнал, что его трёхлетний сын

называет папой совершенно другого человека. Он впал в депрессию, и его, двадцатисемилетнего первогодка, жестоко избили «старики».

Вот тогда в нём произошёл удивительной силы перелом. Сведя все внешние контакты до необходимого минимума, он посвятил весь второй год службы моральному и физическому совершенству.

По воле судеб и штатного расписания, я дежурил с Поповым на одной точке связи и мог наблюдать происходившие с ним мета-морфозы.

Благодаря бесконечным подтягиваниям на специально закреплённой трубе, приседаниям и отжиманиям от пола, бегу, растяжкам и медитациям — он, изначально высокий ростом и крупный, но довольно дряблый, за год превратился в сильного и выносливого атлета.

Одновременно он штудировал книги по истории, философии и мировой культуре. На моих глазах он становился сверхчеловеком.

Вернувшись на свободу и получив доступ к самиздату, Попов определил два основных направления своего дальнейшего развития. Первый путь обозначился как боевые искусства, второй — как оккультные науки. Посещая подпольную секцию боевых искусств, он стал непобедимым в драке. Эксперименты с чёрной и белой магиями во время ночных дежурств в котельной сделали его опасным и загадочным.

Я столкнулся с ним на улице совершенно случайно. Слово за слово, и он сам предложил мне работать с ним в одной смене. Купив свидетельство, я оформился и заступил.

Дни и ночи, проведённые вместе на боевом дежурстве, научили нас понимать и, что самое главное, не мешать друг другу.

Убранство котельной в полной мере несло на себе отпечаток пребывания там моего замечательного товарища. Кольца, перекладины, деревянные, мешки с песком — всё это держалось на верёвках и легко пряталось с глаз долой. Пол и стены были испещрены магическими формулами.

Для занятий каратэ (я так образно называю этот ужас) Попову требовался напарник, что-то вроде куклы, и я тоже начал получать, вместе с синяками, кое-какие навыки в этом деле. (Скажу сразу, впоследствии я так и не смог ни разу применить их в деле.)

В общем, время в кочегарке не проходило зря. Иногда, если

Попов выходил или спал, удавалось даже просто полежать и почитать книгу. Последние, ночные, восемь часов дежурства мы делили пополам, а утром приходили ещё двое чудаков и нас меняли.

Решив проблему заработка, я начал обустривать нашу с Верой личную жизнь. Регистрацию в районном загсе нам назначили на конец октября. Второпях я продал свою последнюю «семейную реликвию» — серебряный браслет с гиацинтами, получив по глупости не более половины настоящей стоимости. Сделал кое-какие основательные покупки, вроде стиральной машины, и отложил две тысячи на мероприятие.

Я заказал стол на шесть персон в памятном нашей помолвкой «Метрополе» — приблизительно на тысячу рублей. Сюда мы поехали прямо из загса, после регистрации. Слова «объявляю вас мужем и женой» звенели в моей голове райской музыкой и кружили голову.

— Вид у тебя идиотский,— сказал Петрушка, обернувшись.— Закурил бы, что ли...

Наш второй свидетель, Дима Котов, всю дорогу выпрашивал, какую я заказал выпивку и какие закуски, а я путался в ответах и отмахивался.

Тысячи рублей это стоило. У нас глаза повылезали на лоб при виде всей этой роскоши. Чёрт знает, как они умудряются вырезать такие цветы из обыкновенных овощей и зелени.

Я сунул стоящему возле стола метрдотелю двести рублей, и он лично руководил обслуживающими нас официантами. Ввиду того, что Попов от участия в мероприятии подло уклонился, а шестое место было зарезервировано для ровного счёта, наши четыре персоны расположились за этим столом очень даже вольготно. На наших раскрасневшихся рожках цвели пьяные улыбки от уха до уха. Если мы не ржали и не перекрикивали друг друга, значит закусывали; если не закусывали, говорили путаные тосты, кричали «горько» и подолгу, взасос, целовались, шаря руками под одеждой. Под завязку пытались даже танцевать, но ни у кого не получилось. Был ещё какой-то десерт, но воспроизвести полную картину никому из нас впоследствии так и не удалось. Вера вспоминала, что было мороженое в красивом не то хрустальном, не то серебряном сооружении из вазочек, и она его ела, разгорячившись, и потом болела ангиной.

Петрушка, якобы, пробовал торт, похожий на римский Колизей. Котов запомнил ананасы в шампанском. Но, скорее всего, всё это возникло уже потом, в их воображении. Лично я ничего такого не видел, возможно потому, что во время десерта находился в служебном помещении, где нагружал большую сумку, ещё рублей на пятьсот.

Мы ехали к Котову в пустом рейсовом автобусе, так как в такси пятерых человек на Невском сажать отказывались. Нас было пятеро потому, что Дима снял на автопилоте девчонку лет семнадцати, которая хлопала глазами и верила каждому его слову.

Всё дальнейшее слилось в моей памяти в сверкающую огнями карусель из улыбок, рюмок, бутылок и поцелуев...

Кончина генсека и странное поведение моего приятеля

Однажды, в первых числах ноября, бодрствуя свою половину ночи, я потягивал чаёк и прикидывал планы на будущее. В карманном календарике я обвёл кружками рабочие дни второго и шестого, вообразив, как утром седьмого ноября буду пробираться домой сквозь толпу демонстрантов, а затем кончик моей ручки застыл над цифрой «10». Десятого ноября 1982 года скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума... ну, и так далее. Короче, десятого числа умрёт Брежнев, это точно. Три дня в стране будут транслировать классическую музыку и показывать дежурный траурный фильм «Мы из Кронштадта». А потом на два года, до следующего траура, к власти придёт шеф КГБ Андропов с его кампанией борьбы за «трудовую дисциплину», выразившуюся в отлавливании на улице, в банях и кинотеатрах гуляющих в рабочее время. (Надо взять справку с указанием графика работы.)

Во время следующего дежурства, в канун праздника 65-й годовщины ВОСР, мы беседовали о политике и культуре. О Польше и Афганистане, Шаламове и Солженицыне, о бегстве на запад Годунова и Барышникова, о достоинствах выдающейся поэмы Венечки Ерофеева «Москва — Петушки».

Заговорившись, я посетовал на Чернобыль, которого ещё не было и на разрушение берлинской стены, которая ещё стояла.

И оба раза Попов посмотрел на меня внимательно.

Десятого ноября, после праздника, я с самого утра ходил по котельной, прислушиваясь к каждой затянувшейся паузе в звучащем из репродуктора голосе диктора. Попивавший чаёк Попов смотрел на меня выжидательно и с интересом.

Потом мне пришлось заняться прямыми обязанностями, потом мы играли в шахматы (если мои ходы можно было назвать игрой), потом поупражнялись с ненастоящими нунчаками, и вот уже на улице стало темнеть. Не зная что и думать, я чувствовал себя опустошённым и обманутым.

И тогда Попов произнёс то, что заставило меня дёрнуться всем телом:

— Не переживай, завтра объявят.

— Что... что объявят?!

— То. Самое. Ты, наверное, просто забыл: объявили на следующий день.

— А ты... откуда знаешь?

— Звёзды так встали, и ещё много чего сошлось.

— Ты и про меня знаешь?

— Про тебя не знаю. Но кое о чём догадываюсь.

Попов меня вычислил.

Супергруппа

Девушка, с которой Котов познакомился в ресторане, при ближайшем, а главное трезвом рассмотрении оказалась пугливой, не очень умной и не очень красивой. Всего этого было достаточно, чтобы он в очередной раз почувствовал себя разочарованным в жизни. Дима лежал на своём диване и думал о Марине. Ощущение того, что она сейчас где-то рядом, невинная и свободная, готовая полюбить его раз и навсегда, приятно щекотало воображение и волновало.

Однако сейчас не было времени для сентиментов и других слабостей, особенно злоупотреблений. Он уже всё решил: впереди был успех и настоящая, наполненная жизнь большого артиста. Не марусинская коммерческая халтура для толпы юных недоумков и великовозрастных дур, а настоящий, творческий успех у интеллигентной публики, любовь и почитание...

Авантюрная, конечно, но поразительная по силе идея супер группы, использующей в своём творчестве материалы ещё не написанных песен Цоя и Гребенщикова, Майка и Давыдова, Кинчева и Бутусова и выдаваемых за его, Котова сочинения, захватила его целиком. Это было смело и прогрессивно, это обещало совершенно новую и интересную жизнь. Разве не за этим он вернулся сюда, в этот дебильный 1982-й?

Обдумав на досуге этический аспект предприятия, Дима рассудил, что на долю настоящих авторов хватит популярности и в той, настоящей жизни. В этой можно кое-чем и поделиться.

Состав группы не вызывал сомнений. Это, конечно, был старый, испытанный в боях «Невский факел» с солистом Валентином Степановым, клавишником Вадимом Лисовским и барабанщиком Андреем Осиповым.

Поскольку осенью 1982 года ансамбль в репетиционном периоде уже существовал, не было необходимости кого-то искать и уговаривать. Оставалось только поразить всех внезапно открывшимся авторским дарованием и объявить себя руководителем группы. И уже не просто хозяйственно-финансовым администратором, а безусловным творческим лидером во всех отношениях, непререкаемым авторитетом, даже большим, чем в «Форте» был Марусин.

Степанов, невольно спровоцировавший эту мистификацию, сам же стал её первой жертвой. Не являясь человеком утончённым и пронизательным, он довольно легко принял на веру внезапное творческое и духовное просветление Димы Котова и, признав, как бы там ни было, его гениальность, безропотно подчинился.

Сложнее обстояло с Лисовским. Являясь талантливым музыкантом и хорошо зная котовские данные, он не мог поверить в то, что происходит. Но факт, что называется, был налицо: Дима брал гитару и, бегом сверяясь с бумажкой, исполнял хит.

Лисовский требовал разоблачения плагиата от своего друга Осипова, мимо которого вряд ли могла проскочить какая-либо рок-рольная новинка, но тот в растерянности разводил руками: такого ещё не было.

И хотя на репетициях Вадик временами вскакивал, ходил взад-вперёд и ошалело тёр лоб ладонью, группа ускоренными темпами разучивала новую, авторскую программу Дмитрия Котова.

Первая обойма состояла из вещей «Наутилуса». Во-первых потому, что эти песни были хорошо обкатаны в последний период существования «Невского факела» и не вызывали у автора ни малейших затруднений. Во-вторых, Степанов исполнял их хорошо и с удовольствием. А в-третьих... исполнение других песен было пока ещё весьма проблематичным.

С первого момента внезапного творческого озарения Котов стал думать о названии группы. Однако ничего нового, а тем более путного на ум не приходило. Предложенная «Алиса» не вызвала у коллектива ничего, кроме недоумения и насмешек. Обозвав своих недальновидных товарищей козлами и тупицами, Котов предложил «ДДТ». Но Осипов заметил, что где-то в Уфе уже есть группа с таким названием. Кстати он вспомнил, что в рок-клубе появились молодые и очень перспективные команды с названиями «Кино», «Зоопарк» и «Странные игры». Бросив на него неприязненный взгляд, Котов для шутки предложил «Ласковый май», и Лисовский немедленно проголодовал «за». Осипов активно запротестовал и предложил «Собачье сердце», переименовав, скорее всего, назаретовский «Hair Of The Dog». Даже скучный Степанов, не принимавший участия в обсуждении, прогундосил свой вариант — «Форум», но его никто толком не расслышал. За «Группу под управлением Дмитрия Котова» автор едва не поплатился, а вот мрачный «Обводный канал» Лисовского все четверо одобрили. В этом чисто питерском названии было что-то тёмное, мутное и зловещее, предполагающее некий скрытый, аллегорический смысл.

Временные материальные трудности

Помимо репетиций программы «Обводного канала», ансамбль был вынужден заняться унижительной теперь для Котова свадебной коммерцией — этап, казавшийся ему давно забытым позорным прошлым. Но Осипов и Лисовский, учившиеся на дневном отделении музыкального училища, изначально пересеклись с Котовым ради заработка. И внезапно открывшиеся возможности исполнения авторской русскоязычной рок-программы не отменяли необходимость зарабатывать себе на хлеб.

Даже Степанов, получавший на заводе очень приличные деньги, не отказался бы и от дополнительного заработка: дома сидела жена и росли двое детей.

Делать нечего. Котов навёл старые связи с точками общепита, зная наверняка, где его ждут, а куда идти не надо, и заказы на «музыкальное оформление праздничных мероприятий» посыпались как в старое время.

По совету друзей и благодаря посредничеству Петрушки, Дима купил за двадцать пять рублей справку, подтверждающую, что он является студентом дневного отделения Университета. После этого в военкомате про него забыли, а вредный участковый просто перестал его замечать.

На свадьбах играли один-два раза в неделю, имея всё, что положено, включая отдельный столик и доступных подвыпивших женщин. На жизнь хватало; жратва стоила копейки, а одежду родители присылали из Монголии — очень приличные вещи, из натуральной кожи. За вырученные деньги от одного проданного через комиссионку кожаного пальто можно было забить весь шкаф дешёвыми тряпками.

Однажды Котов неумело, но достаточно эффективно «сварил» свои джинсы, после чего прослыл экстравагантным чудачком и стал надевать их только перед выходом на сцену. Это было время, когда носили совершенно новые джинсы: хипповые вышли из моды, а «варёнку» ещё никто не видел.

Надо отметить, что Котов стал меньше, точнее, реже пить — не более одного-двух раз в неделю. Он становился звездой, и это яркое ощущение восполняло самоограничение в потреблении алкоголя.

Ленинградский рок-клуб

К середине зимы «Обводный канал» почувствовал уверенность в своих силах, он уже был готов к публичным выступлениям. Для осуществления широкой концертной деятельности у Димы мелькнула идея сострять фонограмму. Но абсурдность такой мысли вызвала у него лишь грустную улыбку. Тогда ещё никто не выступал под фонограмму — или совесть не позволяла, или техническое несовершенство аппаратуры. Оставалось завоёвывать публику в честном бою.

Спрос на русскоязычный рок-н-ролл был достаточно велик. Небольшие, но атомные по отдаче концерты устраивали втайне от властей, используя не самые пригодные для этих целей помещения — от закрытого на ремонт пригородного клуба до комнаты в коммунальной квартире.

«Обводный канал» заявил о себе в февральском концерте недавно образованного рок-клуба. Звук был отвратительный, народ в зале пьяный. Группа играла слишком рафинированно и публике не понравилась.

Однако те немногие из числа трезвых, кто всегда с настойчивой серьёзностью вслушивается в тексты, были весьма довольны тем, что услышали. Слишком тяжёлый и громкий рок «Россиян» вызывал у них тревогу. Словесная абракадабра БГ — чувство собственной неполноценности. В новой группе «Обводный канал» всё было прекрасно: и слова, и музыка, и внешность участников. Удовлетворённая часть публики поторопилась сообщить об этом знакомым.

В числе таких зрителей находился заведующий отделом культуры горкома ВЛКСМ Сергей Потехин. Он был здесь не для развлечения, наоборот, по долгу службы. Он наблюдал, запоминал и делал выводы.

Поговаривали, что сам рок-клуб был образован не без участия КГБ и специально для того, чтобы поставить на учёт всех, распро-

дившихся словно кролики, сочинителей и музыкантов. Ребята сами заполняли на себя анкеты и сдавали напечатанные на машинке тексты песен. Членство в рок-клубе было престижно и просто необходимо для самоутверждения.

Сергею Потехину, который даже у себя дома прослушивал исключительно пластинки фирмы «Мелодия», новая группа понравилась. Этим же вечером, бормоча под нос запомнившиеся слова, он позвонил домой кураторше рок-клуба и запросил данные на всех четверых участников.

Аромат андеграунда

Своим выступлением в рок-клубе группа осталась довольна. Авторитетный Осипов подтвердил, что новичков здесь не жалуют, и реакция зрителей, учитывая их «разогревающий» первый номер, была вполне утешительной и даже ободряющей. Могло быть и хуже. На первой же беспомощной и бесперспективной песне зал пустел, потому что большая часть нетрезвой, но безошибочно угадывающей фальшь публики перебиралась в буфет.

Растопить лёд пресыщенной ленинградской публики было непросто; наклюнувшуюся трещинку успеха надо было долбить с удвоенной энергией. Заодно, по возможности, зарабатывая какие-то деньги на жизнь. Подпольные концерты, благодаря своей запретности, давали особенно сладкие плоды признания и популярности. Сказанное в микрофон непечатное слово, курение и распитие спиртного прямо в зале — эти и другие маленькие флажки на трёхчасовом островке свободы дарили зрителям незабываемые впечатления.

Иногда приезжала милиция, и всех брали. Но такое происходило не часто.

В середине марта Дима решил устроить подобное мероприятие для «Обводного канала». За две бутылки водки (первую авансом) он договорился с дежурным сантехником об аренде на

ближайшее воскресенье крошечного актового зала собственной жилконторы, запустил по телефону рекламу и начал распространять билеты. Билетами служили нарезанные бумажки с начерканными от руки датой и временем, украшенные найденной когда-то загадочной печатью «ВСЕГЕИ». Адрес жилконторы в целях конспирации передавался из уст в уста.

Полторы сотни двухрублёвых билетов разошлись менее чем за неделю, и однажды вечером группа дала свой первый настоящий подпольный концерт.

По сравнению с рок-клубом, успех этого концерта был феноменальный. Это объяснялось во-первых тем, что в рок-клуб набивались сами же музыканты, любившие в основном своё собственное творчество. Во-вторых, в подполье действовала завораживающая сама по себе атмосфера разрушения запретов.

На сцене и в зале курили, музыканты не отказывались от поднесённой без стеснения выпивки. Дима отпускал в микрофон слышанные им в годы перестройки шуточки, от которых Степанов начинал думать о своей семье. Зал был покорён.

Дежурный сантехник, которого все уже знали и называли «батей», поначалу обалдел от количества «нескольких друзей порепетировать», но вскоре так нахватался разноцветных и разноградусных подачек, что начал сам рваться к микрофону — исполнить свою любимую душевную песню про товарища Сталина, а потом заснул под трибуной, завернувшись в переходящее знамя участка и заботливо прижимая к груди честно заработанную непечатую поллитровку. Не осталась в накладе и уборщица, сдавшая на другое утро две сотни пустых бутылок.

За это выступление «Обводный канал» имел пятьдесят рублей на брата (против свадебных двадцати пяти). Дима, за вычетом накладных расходов, имел сто. Все в группе догадывались, но никто не поставил этого ему в упрёк. Мог ли ещё вчера кто-нибудь из них мечтать о таком внезапном и сногшибательном успехе?

Затруднения на творческой кухне

Часть репертуара «Наутилуса», прочно зафиксированная в ковтовой памяти, увы, начинала иссыхать. К осени 1988-го на слуху было огромное количество русскоязычного рока, но весь этот багаж находился в обрывочном и бессвязном состоянии.

Тем временем популярность «Обводного канала» росла, записи концертов начали гулять по магнитофонам, публика ждала новых песен.

Исчерпав запас «Наутилуса», Дима начал воровать тексты и музыку у других авторов, перемешивая сохранившиеся в памяти обрывки. Заведя специальную тетрадочку, он записывал каждый аккорд, каждое пришедшее на ум слово или словосочетание. Иногда у него получалась чудовищная разноголосица из Цоя, Майка и Гребенщикова с припевом из Кинчева и музыкой «ДДТ».

И это съели. Вероятней всего, благодаря Лисовскому, который на репетициях расставлял всё более или менее по местам, освобождаясь от нелепостей и безвкусицы. Публика просила ещё.

Что произошло с Петрушкой (запоздалые объяснения)

...Резким движением схватил со стола таблетку и сунул в рот. Его вдруг потрянуло, перед глазами всё поплыло, и он в беспомощности повалился грудью на стол дежурного. Очки поехали дальше, а таблетка выпала из полураскрытого рта и покатилась.

Дежурный, милицейский капитан, ловко прихлопнул её ладонью. Стоявший за спиной Петрушки сержант пристегнул к поясу резиновую дубинку.

— Молодец, Остапенко,— похвалил его капитан.— Тебе бы надо этих, в деревне, бычков забивать...

Тут произошло непонятное: таблетка на ладони вдруг сама по себе развалилась на части, осела, превратилась в щепотку белой пыли и пропала, оставив на коже тёплое и влажное пятно.

Остапенко и его напарник переглянулись. Капитан зажму-

рился и снова открыл глаза.

— Во что делают... — выдохнул он после паузы.— Теперь ведь и не подкопаешься.

Не зная, что делать с вытянутой ладонью, он облизал губы. Опомнившись, встряхнул руку и поработал кистью.

— Остапенко, тащи его в аквариум. Будем сопротивление властям оформлять.

Сержант взял Севу одной рукой, как котёнка, за шиворот, другой — за штаны и повёл в обнесённую толстым оргстеклом камеру. Ноги Петрушки, едва касаясь пола, шевелились в воздухе.

Камеру закрыли, дежурный капитан достал форменный бланк и начал составлять протокол задержания.

В тот момент, когда он, на мгновение задумавшись, занёс ручку над бумагой, зазвенел телефон. А сняв трубку, милиционер совершенно переменялся.

— Здравствуй, здравствуй солнышко,— замурлыкал он тихо и вкрадчиво.— Конечно, как договорились. Правда?.. Пельменьчики царские. И сама ты, это, как пельменьчик. Да, правда. Очень аппетитная, со всех сторон... Нет, мымра не умеет. Разведусь. Обещаю. Пожалуйста: слово коммуниста. Да. Я тоже рад. Чего? Водочки или красненького? Понял. Понял. И тебя туда же. И ещё в ушко. Ну, всё. Ну, пока...

Капитан прикурил папиросу и мечтательно затянулся. Потом взгляд его упал на бланк протокола, и уголки рта приняли обычное выражение. Докурив, он вмял окурочек в пепельницу и, мгновение поколебавшись, скомкал бумагу и выбросил её в корзину. Поднялся, приблизился к рассверленному дырочками стеклу «аквариума» и спросил:

— А ты, случаем, не больной?

Близоруко щурясь без очков, Петрушка жадно ухватился за протянутую ему соломинку:

— Товарищ дежурный, четвёртый год страдаю аденомиозом вальвы головного мозга. Живу на дорогостоящих импортных таблетках, принимаю по часам. Мне уже давно надо. Отпустите меня, товарищ дежурный!

Поскрипывая сапогами, капитан прошёлся по отделению, по-

стучал ручкой по стеклянной поверхности стола, не поднимая глаз, спросил:

— Родные есть?

— Жена, мать престарелая,— быстро ответил Сева.

— Телефон какой.

Сева назвал номер Зинаиды, капитан набрал.

— Петрова здесь проживает? Петров Всеволод Борисович ваш супруг?

Со страхом и надеждой Петрушка прислушивался к разговору.

— Из двадцать седьмого отделения милиции беспокоят.

Можете за ним приехать? Переулок Крылова три. Ничего страшного. Нарушал порядок. Штраф заплатит. Десять рублей. Можете сейчас.

Петрушка выдохнул с облегчением.

— Петров, сейчас за вами супруга приедет,— обратился к нему капитан, внезапно перейдя на «вы».— Заплатите штраф десять рублей за нарушение общественного порядка и можете ехать домой лечиться. Всё понятно?

— Так точно! — подтвердил Петрушка, глядя на милицейского капитана почти с нежностью.

Не прошло и часа, как Зинаида опять, второй раз за эти сутки, сажала в такси неугомонного супруга.

Женщина в гневе

Первые месяцы нашего пребывания в новом качестве Петрушка не переставал удивляться происходившим с нами переменам.

Сначала моё внезапное сближение с Верой Дансевой. Ещё со школы Сева знал нас обоих как облупленных и не допускал мысли, что Вера вообще когда-нибудь выйдет замуж. И уж тем более за давно и безнадежно влюблённого меня.

Второе коленце выкинул Дима Котов, ставший в одночасье звездой ленинградского андеграунда. Что из себя представляет Дима Котов, нам всем было приблизительно понятно. Из него мог

получиться хорошей администратор, но никак не поэт и не музыкант.

Однажды в мае мы четвером собрались выпить у Котова, и у меня с Верой зашёл спор. Я настаивал, что состоявшуюся ближайшим летом связь Петрушки и Зинаиды необходимо расстроить. Вера утверждала, что мы не можем вмешиваться в чужие судьбы. (Если бы я знал, насколько она права...)

Подвыпивший Котов привязался к нам со своим ансамблем. Он держал в руках блокнот и карандаш.

— «Группа крови на рукаве... не остаться в этой траве?..» Чего-то я... из головы вылетело.

Этого делать не стоило. Вера любила песни Цоя и тогда, в восемьдесят восьмом, находилась под впечатлением от его последнего альбома. Пока Котов использовал материал безразличного ей «Наутилуса», она забавлялась. Но когда в ход пошли изуродованные до неузнаваемости, исполняемые идиотом Степановым, её любимые песни, терпение лопнуло.

— Что? Группа крови? Сейчас узнаешь.

Котов внезапно получил звонкую затрещину и выронил блокнот.

— Будет тебе и группа крови... и инвалидность...

Я схватил свою жену за руки и силой вывел из комнаты.

— Скотина, я ему давно хотела морду набить,— кипятилась

Вера.

Я затащил её в ванную, нагнул голову под кран и пустил холодную воду.

Вообще-то Вера девушка физически сильная. В школьные годы она занималась спортивной гимнастикой, могла бы стать чемпионкой, но, понятное дело, не прижилась в коллективе. А в последние месяцы я, на свою голову, занимался с ней так называемым каратэ. В кочегарке меня натаскивал Попов, а дома мы с женой устраивали лихие побоища, орудуя подушками и чем попало. Заметив, что достать меня становится всё труднее, Вера потребовала объяснений. После этого мне пришлось с ней заниматься. Теперь меня били и на работе, и дома. А для Котова всё могло закончиться ещё хуже.

Однако, пора уже рассказать главное.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бесцеремонное вторжение на территорию, строго охраняемую государством

В одном ещё убережённом от прогресса цивилизации уголке природы Подмосковья, на огромном участке восхитительного соснового бора располагалась одна из самых лучших и желанных правительственных дач. Не самая богатая, но достаточная для того, чтобы товарищи по партии, обделённые таким счастьем, о ней ничего не знали. И хотя участок находился недалеко от города, приблизиться к нему человеку непосвящённому было непросто. Уже на повороте шоссе, ведущего в сторону заповедного местечка, на специальном посту ГАИ, отсекали всех лишних. Ещё дальше находился блокпост с охраняемым военными шлагбаумом.

Дорога с нездешним идеальным покрытием вела к железным краснозвёздным воротам, которые по сигналу с поста распахивались настезь, и машина хозяина, не сбавляя скорости, влетала на заповедную территорию.

По обе стороны от ворот, уходя далеко в лес, тянулась бетонная стена с колючей проволокой. Выстроившийся наряд караула отдавал честь проезжавшим, и ворота снова закрывались.

За стеной продолжался тот же лес, но ещё более густой и ароматный, как будто заботливо ухоженный и политый, с зарослями цветов на полянах, с весёлым щебетанием сытых птиц.

Вот слева от дороги показался добротный двухэтажный дом с островерхой черепичной крышей. Он похож на картинку из книги сказок. Но машина, не сбавляя скорости, катит дальше: это пока только дом для обслуживающего персонала. Вот небольшое кирпичное здание котельной с высокой железной трубой, растянутой с четырёх сторон тросами. Здесь, так же как и в карауле, несут службу солдаты спецвзвода под командой офицера КГБ и армейского прапорщика. В свободное от нарядов время они поступают в распоря-

жение персонала — стояра, садовника, кухарки, полётёра — или прочёсывают территорию, собирая лишние сухие листья, шишки и ветки; иного мусора здесь быть не может.

Вот дорога идёт под уклон, машина скатывается в болотистую низинку, комариное царство, но метров через сто снова взлетает вверх, ещё выше, чем раньше, и тут у случайного гостя может перехватить дыхание: с пригорка открывается вид на сверкающее лесное озеро, обрамлённое вековыми соснами и поросшими мхом каменными валунами.

Чуть в стороне от песчаного пляжа, опираясь портиком о белоснежные колонны, стоит бывший графский особняк с серпом и молотом на месте родового герба.

Проходит час, другой, в имении наступает вечер.

В озере, всплёскивая то там, то здесь тихую, будто нарисованную, гладь, резвится в нагретой воде рыба. Заходящее солнце рассветило малиновым цветом листву одичавшего яблоневого сада.

В доме с колоннами зажигаются окна. Сначала кухня, потом гостиная и столовая. Потом, после ужина,— кабинет на втором этаже; ещё позднее — супружеская опочивальня.

Ещё более бесцеремонное вторжение, не сравнимое с предыдущим

— Может быть, ты помоешься перед сном? — проговорила Людмила Каримовна, обращаясь к мужу.

Она сидела на краю кровати и не спеша растирала руки кремом. На ней была надета розовая ночная рубашка из тонкой полупрозрачной ткани; на голове, поверх бигуди, сидел такого же цвета чепец.

Павел Андреевич, уже в трусах и в майке, с задумчивым видом остановился возле постели, послушно повернулся и направился в ванную комнату.

— Дружок, ты чем-то озабочен сегодня? — повысила голос Людмила в сторону приоткрытой двери.— Нельзя так много думать,

необходимо обязательно давать голове отдых. Занялся бы каким-нибудь спортом... Борис хотя и закладывает лишнего, но играет в теннис — и посмотри, какой у него здоровый вид.

Людмила продолжала о чём-то размеренно болтать, а из ванной доносилось журчание воды и шорканье зубной щётки. Поплескавшись, Павел Андреевич закончил свой вечерний туалет, обтёрся пушистым полотенцем и снова направился к кровати.

— Там, на полке... захвати мне «Сокровища Лувра»,— попросила Людмила, уже утопавшая в пуховой перине под одеялом.

Однако Павел Андреевич проигнорировал её просьбу, решительно направился к своему месту, сбросил тапочки и залез под своё одеяло. Супруга посмотрела на него строго и вопросительно.

— Мне нужно с тобой серьёзно поговорить,— произнёс муж, озабоченно глядя в потолок.

Людмила Каримовна ещё за ужином заметила, что супруг немного не в себе. На все вопросы он отвечал невпопад, намазал блин горчицей вместо мёда, с задумчивым видом его съел. После чая долго сидел запершись у себя в кабинете.

— О чём же? — большим пальцем Людмила подтянула кверху мужнин кончик носа, сделав из него пятачок.

Павел Андреевич мягко, но решительно отвёл руку и повернулся к жене, провалившись локтём в перину.

— Людмила, сегодня я получил странное письмо. Написано вскоре после похорон Лёни, и ещё две страницы вложены совсем недавно.

Протянув ладонь, Людмила молча потребовала письмо.

— Погоди, это очень серьёзно. Разумеется, поначалу я решил, что это мистификация, но чем больше я думаю...

Раздражённая неповиновением, Людмила Каримовна холодно произнесла:

— Дай сюда письмо.

Павел Андреевич расстегнул кожаную папку для бумаг и протянул жене шесть машинописных листов бумаги.

— Конверт.

Получив конверт, Людмила Каримовна внимательно его рассмотрела. Затем стала читать письмо. Её лицо приняло сначала на-

смешливое, затем сосредоточенное, а затем, под конец, растерянное выражение. Супруг искоса следил за её реакцией.

Закончив, Людмила ещё раз бегло просмотрела листки и, повернувшись к мужу, сказала:

— Этого не может быть. Они не могут этого знать.

Павел Андреевич налил себе молока из стоящего на ночном столике кувшина. Медленно выпил, утёр губы расшитой салфеткой.

— Пуся, они знают. Они знают всё, что здесь написано, и ещё много.

— Ты должен их найти.

— Должен найти... Пуся, я уже никому не могу доверять. Юра уже генеральный; я не могу к нему обратиться; из Комитета вообще ни к кому нельзя...

— Но... что ты собираешься делать?

— Утро вечера мудренее. Давай спать.

Ещё одно вторжение, степень бесцеремонности которого ставит автора на грань жизни и смерти

«Давай спать»,— прозвучало в динамике, Владилен Казимирович щёлкнул тумблером и размял в пальцах новую папиросу.

В огромном богатом кабинете за своим рабочим столом сидел председатель Комитета государственной безопасности СССР генерал-полковник Змий. По правую руку от него, за длинным совещательным столом,— референт Феликс Петрович Коршунов. Перед ними на ковре, вытянувшись по стойке «смирно»,— очень немолодой подполковник по фамилии Хромов. Змий разговаривал со своим референтом.

— Кто ещё в курсе этого дела?

— Капитан Рахметов. Был на дежурстве в аппаратной во время записи.

— Он слышал?

— Слышал и немедленно доложил подполковнику Хромову, своему непосредственному начальнику.

— Где он сейчас?

— Продолжает нести службу.

— Это правильно. Хорошо.

Змий пристально и тяжело посмотрел на вытянувшегося по струнке Хромова.

— Всё понимаете?

Хромова от напряжения передёрнуло, он не смог произнести ни звука.

— Ничего, я вижу, вы понимаете. Утечка информации повлечёт за собой тяжкие последствия. Вплоть до моего приказа вы будете один, бессменно вести запись. По телефону вы сообщите семье о длительной командировке. Впрочем, нет: слово «длительной» употреблять не следует. Я запрещаю вам любые контакты помимо контактов со мной и моим помощником Коршуновым.

Хромов перевёл взгляд на Коршунова и задрожал головой, пытаясь кивнуть.

— Сейчас: примите душ. Здесь, в соседней комнате. Затем смените капитана Рахметова и пришлите его ко мне. Не одного, под конвоем.

Хромов не сдвинулся с места, потому что слова «можете идти» ещё не прозвучали.

— Должен вас предупредить... — негромко заговорил генерал, глядя подполковнику в глаза.— Я знаю, у вас хорошая и дружная семья. Поздний ребёнок. Нужно уметь ценить своё счастье. Ваша жена, ваш ребёнок. Девочка... она такой пупсик. Надо об этом помнить. Всегда.

Хромов побледнел, взмок и покрылся пятнами.

— Никто... Ничего... Не узнает.

— Можете идти.

Развернувшись, Хромов не твёрдым, но строевым шагом, более похожим на шаг разжиревшей цапли, удалился.

— Что скажете? — обратился генерал к референту.

— Этот будет молчать.

— Тот, второй?

— С капитаном Рахметовым несколько сложнее. Парень из детдома, живёт в нашем общежитии. Помещение оборудовано под спортивный зал. Не имеет ни гомо— ни гетеросексуальных связей, по всей видимости импотент. Малообщителен, товарищи по курсу отзываются о нём сдержанно. Похоже, что они его боятся. Художественной литературы не читает; выписывает журналы «Вооружение» и «Философия атеизма», а также газету «Советский спорт». Отлично мимикрирует в любой среде: будучи подсадным, не вызвал ни тени подозрения у сокамерников. Почти всё свободное время уделяет занятиям рукопашным боем. Год назад подавал рапорт с просьбой о переводе в следственную часть; очевидно, имеет садистские наклонности.

— Любопытный субъект... Надо на него посмотреть.

— Когда прикажете? После обеда?

— Да...

— Хорошо, Владилен Казимирович.

Рахметов

— Капитан Рахметов по вашему приказанию прибыл.

Генерал с минуту разглядывал хорошо сложенного молодого человека с выдающимися скулами, слегка раскосыми глазами и отчего-то светлыми, почти совсем белыми волосами, бровями и ресницами. Ещё с минуту он полистал страницы личного дела Рахметова и, наконец, заговорил:

— Где ваши родители?

— Вероятно, они умерли.

— Почему вы не женаты?

— Меня не интересуют женщины.

— Что вас интересует? Алкоголь? Наркотики? Сладкое? Подглядывание? Переодевания? Голые дети?

— Нет.

— У вас есть цель в жизни?

— Да. Моя цель — беспорочная служба и уничтожение врагов существующего порядка.

— Имея такую цель, вы когда-нибудь займёте моё место

— Возможно.

«Случай, несомненно, клинический. Но он мог бы далеко пойти,— рассудил генерал.— Его опустят свои же товарищи.»

— Вы далеко пойдёте. Знаете почему я вас вызвал?

— Это письмо... Тот, кто написал его, слишком много знает. Знает то, чего ещё не произошло.

— Подписано: «Ваши единомышленники». Сколько же их всего, на ваш взгляд?

— Двое.

— Почему вы так полагаете?

— Третий донёс бы нам.

— Неплохо. Эти двое могут быть полезны?

— Всё, что нам необходимо, мы уже знаем. Мы можем предотвратить катастрофу, которую они называют перестройкой. Но эти двое могут помешать, они опасны.

С самого начала генерал колебался между двумя решениями: наблюдением и убийством. Теперь он принял соломоново решение: непродолжительное наблюдение с последующим убийством.

— Правильно, сынок. Надо их убить. Но сначала найди их и наблюдай. Попробуй войти в доверие. Если не получится, то убей сразу. Но как же ты их найдёшь?

— Во втором, ночном разговоре упоминались следы угольной пыли на бумаге. Объект получил письмо через своего астролога. Написано ровно, как в книжках. Надо искать мистика и грамотея, работающих в одной котельной.

— Молодчина. Возьми что тебе надо и поезжай. Какое оружие больше всего любишь?

— Нож.

— Правильно, это самое лучшее. А то у нас тут есть ковбои... шуму много, а толку мало. Пистолетик тоже возьми на всякий случай. Хороший, с глушителем. С титан-серебряными пулями. Дело серьёзное.

— Слушаюсь.

— Ну, иди, капитан. Скоро будем тебе папаху шить.

Рахметов повернулся, прищёлкнув каблуками, и лёгкой, пружинящей походкой спортсмена вышел из кабинета.

Крепкая рука на смену демократии

Настенное зеркало растворилось, и в кабинет вошёл референт.

— Что скажешь? — обратился к нему генерал.

— Я бы не хотел, чтобы такой вцепился мне в горло. Сделайте ему на всякий случай прививку от бешенства.

— Не бойся, он тебя не знает. Слушай, помощник, подменяй этого... Хромова — хотя бы раз в сутки. Часа на два, на четыре, чтобы мог работать. Пускай таблетки жрёт, колетса, но месяца два должен продержаться, этого нам хватит. Обещай чины, дворцы — что хочешь, лишь бы не спал.

— Потом... вы его оставите?

Генерал не ответил. Чтобы замаять неловкость, референт перевёл тему на более приятную.

— Как вы собираетесь распределить роли в новом государстве, Владилен Казимирович?

Змий снял со стены хлыст и с видимым удовольствием оглушительно хлопнул им в воздухе.

— Для начала создадим новую, великую национальную идею. Таковую, чтобы весь народ спятил...

Змий оседлал своего любимого конька. Его глаза загорелись дьявольскими огнями.

— Закодировать теле-радио сигналы! Переписать прошлое!

Хлопок хлыста.

— Всё подстроено Гитлером и американскими сионистами!

Хлопок.

— Реорганизация!

Хлопок.

— Вместо КГБ — НКВД; вместо погон — петлицы!

Хлопок.

— Берия — с нами!

Хлопок.

— Троцкий — с нами!

Хлопок.

— Иконы!

Хлопок.

— Непонятые, поруганные и оболганные!

Хлопок.

— В Мавзолее!

Хлопок.

— Ленин...

Хлопок.

— ...Немецкий шпион и предатель...

Хлопок.

— На помойку!

Хлопок.

— Железная дисциплина!

Хлопок.

— Еврейский анекдот — десятка. (Хлопок.)

— Агитация — двадцать пять. (Хлопок.)

— Антисемитизм — к стенке!..

Обессиленный, генерал отбросил хлыст, упал в кресло и продолжал, тяжело дыша:

— Всё народонаселение разбито на тройки. Первый следит за третьим, третий за вторым, второй за первым. Мы заставим их работать. Всех умников — в лагеря. Вдоль границы — сплошная бетонная стена с пулемётными вышками — ни одна собака родину не покинет...

Отдышавшись, он заговорил как обычно.

— Нужно всё обдумать. Соберём армейских, прошуруем их настроения. Иди, мне нужно поработать.

Стараясь тихо ступать, Коршунов удалился.

Армейские

Спустя неделю Змий встретился с представителями военного

командования на специально оборудованной загородной даче. В стены, полы и потолки были вмонтированы шумовые вибраторы, исключающие прослушивание с расстояния. Когда шесть чёрных бронированных «Волг» выстроились у крыльца, из крытого брезентом грузовика запрыгали автоматчики. В несколько секунд они замкнули кольцо вокруг дома.

Собравшиеся не были самыми высшими военными чинами в государстве, не было среди них маршалов и даже генералов армии, но именно эти люди сосредоточили в своих руках реальную власть.

Их было шестеро.

Председатель КГБ СССР Владилен Каземирович Змий.

Его референт Феликс Петрович Коршунов.

Заместитель министра обороны по кадрам Семён Степанович Архаров — человек гордый.

Начальник Верховного Генштаба Фёдор Иванович Коренной — был похож на борова.

Заместитель министра обороны по строевой службе Павел Александрович Лампасов — холёный и голубоглазый.

Представитель военно-промышленного комплекса Бруно Вольфович Карклин — щуплый, неприветливый субъект в штатском с лысым черепом и лёгким прибалтийским акцентом.

Утомлённые поездкой, генералы прохаживались по гостиной, разминая конечности и беспредметно переговариваясь.

— Проходите, товарищи,— пригласил всех Коршунов в кабинет.

Расселись по кругу в привычном порядке: Змий, Карклин, Лампасов, Архаров, Коренной, Коршунов. Выслушали зачитанный Коршуновым секретный доклад «Об экономическом и социальном положении в стране» на начало 1983 года.

Наступила неприязненная тишина.

Всё сказанное было давно и всем очевидно. Для этого не надо было устраивать внеочередного собрания.

— Будущее не сулит земных радостей,— заговорил Змий.— На распродаже природных ресурсов и переработке отходов мы продержались бы ещё лет десять. Однако, по некоторым признакам,

нам могут дать пинка под зад уже завтра.

— Что такое? — с оскорблённым видом встрепенулся Архаров. Змий обвёл тяжёлым взглядом присутствующих.

— Сейчас узнаете. Коршунов, приступайте, пожалуйста.

Последующие полтора часа взмокшие генералы слушали записи разговоров, аналитические выкладки и акты экспертизы. Слово «перестройка» накрыла стол тяжёлой грозовой тучей. Как луч солнца замаячил план военного переворота.

В основных положениях значилось:

- злодейское убийство заговорщиками, врагами советской власти, Генерального Секретаря ЦК КПСС тов. Андропова Ю. В.;
- массовые ночные аресты согласно приложенному списку;
- одновременный захват средств массовой информации;
- введение военного положения и учреждение должности Президента с расширенными полномочиями;
- назначение преданных людей на местах (секретарей Райкомов, поселковых старост), и так далее.

Первым сделал для себя выбор и подал голос Бруно Вольфович Карклин:

— Неплохо задумано.

— Да, у меня тоже что-то такое в голове крутилось... — поспешил поддержать Архаров.

Раскрасневшийся от противоречивых чувств Лампасов отрывисто проговорил:

— Что ж, я тоже не прочь.

Все посмотрели на потного Коренного, и он часто закивал головой.

— Вот и хорошо, я так и думал,— ласково проговорил Змий.— А теперь давайте выберем Президента. Просто поднимем руки и выберем одного из нас на эту хлопотную и обременительную должность.

Армейские переглянулись, и Змий понял, что они могут проголосовать как угодно.

— Ладно,— сказал он и поднялся с места.— Сейчас я вам кое-что объясню. Каждому.

Змий неторопливо шагнул в сторону и оказался позади Карклина. Его руки мягко легли на спинку стула. Карклин нервно помор-

щился и заёрзал.

— Скажите нам, Бруно Вольфович, стало ли лучше вашей дочери. Состояние здоровья вашей очаровательной дочурки нас крайне беспокоит, мы её все так любим... нашего пупсика. Ей ведь недавно исполнилось тридцать четыре годика?.. Уже совсем взрослая девочка. Скоро детки, а там, глядишь, и внучата! Счастливая вас ожидает старость, можно позавидовать.

— Не лезьте не в своё дело,— огрызнулся Карклин, не поворачиваясь.

— Ах, да, совсем забыл! Дочка-то выросла непутёвая. Наркоманка, психическая. Какие уж тут внучата... Сидит в смирительной рубашке, не может наложить на себя руку. Какие жестокие родители — совсем не занимались воспитанием! Мать — хроническая алкоголичка, а папочку дочка видела так редко, что ещё ни разу не говорила ему «ты»! Несчастливая брошенная девочка — сначала тайком пробовала из маминых бутылочек, потом попала в дурную компанию, и — бац на иглу! Бедный, несчастный ребёнок...

— Это не имеет отношения к делу,— чуть громче обычного проговорил Карклин.— Это всё, что у вас есть?

— Нет,— вкрадчиво прошептал Змий, наклонившись к большому уху Карклина.— Я даже ещё не начал...

И, распрямившись, он продолжил:

— Я знаю одного человека, который здорово смыслит в денежных операциях. По долгу службы, а он курирует военно-промышленный комплекс, через его бухгалтерию проходят сотни миллионов в валюте, а то, что в рублях, вообще не поддаётся счёту. Куры,— пошутил Змий,— не клюют! Главное, что проверить его никто не может: ком-пе-тент-нос-ти не хватит. А он — знай себе переводит на чёрный день то миллиончик, то другой, а то и десяток миллиончиков. У нас и номерок одного из счетов имеется.

Повернув головы, все стали смотреть на Карклина.

— Так вот, дело в том, что когда мы все начнём рвать когти, спасая шкуры, господин Карклин вдохнёт полной грудью на каком-нибудь из островков Полинезии. Преданные чернокожие слуги, надёжные охранники. И он сам — во всём белом... Любуется закатом с террасы своего белокаменного дома. Это он ещё сегодня утром

так думал. А теперь он по-другому думает — ведь я всё знаю, оказывается... И теперь он будет меня слушаться. Будете меня слушаться, сэ-эр?

Карклин судорожно достал таблетки, рассыпая, закинул в рот и запил водой.

Тем временем Змий уже занял место за спиной Лампасова.

— А вы, Лампасов? Зачем вам липовая жена, если живёте с собственным адъютантом?

Вскинувшийся, было, как петух, Лампасов осел и начал покрываться густой краской.

— Но если ты, всё-таки, метишь в президенты и, следовательно, в главнокомандующие, нам придётся переодеть всю армию в юбки — на манер шотландской гвардии.

— Владилен, оставь его, куда он не метит,— не поднимая глаз, отважно сказал Архаров, и Змий моментально оказался у него за спиной.

— Играете в благородство, генерал? А, между прочим, по поводу благородства, офицерской чести и тому подобных замечательных слов. Вы случайно не знали одного молоденького лейтенанта, который ещё в день выпуска из училища замечательным образом проявил своё благородство? В этот вечер он с сокурсниками вышел из ресторана, и друзья оставили его на улице. Потому что в ресторане он напился, всех достал, и в такси не хватило для него места. А он обиделся и в ближайшем дворике забил насмерть какого-то престарелого бродяжку. Что он тебе сделал, Василий? Наверное, ты зашёл во двор пописать, а он, на свою беду, подвернулся. Сам виноват. Полиция не любит связываться с бродягами, тем более дохлыми... А вот мы кое-кого допросили, провели кое-какую экспертизу. Вообще-то, на гордого офицера у нас накопилось четыре тома. Такая уж тяжёлая работа у кадровика: без взяток — ну никак не обойтись. А ведь нам пишут, сигнализируют...

Змий шагнул к Коренному, но, ничего не сказав, рассеянно похлопал его по плечу и вернулся на своё место, сделав таким образом полный круг.

— Давайте проголосуем, товарищи,— предложил Коршунов.— Я выдвигаю кандидатуру Владилена Каземировича на должность Президента Союза Советских социалистических республик. Кто за?

Первым поднял руку сам Коршунов, за ним остальные. Последним отнял руку от лица Лампасов.

— Пожалуй, на этом закончим,— сказал Змий.— В сентябре я представлю вам подробный план наведения порядка в нашем Отечестве.

В напряжённой тишине, торопливо, генералы покидали зал заседаний. Не глядя друг на друга, скорбно склонив головы, они выходили из дома и садились в свои машины. Их появление было неожиданным (предполагался банкет), и задремавшие водители, ударяясь головами, едва успевали выскочить и растворить задние дворцы. Один за другим тяжёлые автомобили выехали на дорогу, где к ним присоединилось сопровождение.

Змий проводил глазами отъезжавших, удовлетворённо потянулся, достав кончиками пальцев узорную перекладину крыльца и не спеша расстегнул ширинку.

Окружавшие дом автоматчики скромно отвернулись в сторону.

Коршунов победно щёлкнул замками своего дипломата и тоже вышел на свежий воздух.

В дверях показалось растерянное лицо интенданта:

— А как ужин, товарищ генерал?..

— Ужин?..— Владилен Каземирович почесал затылок и посмотрел на референта.— А что, Коршунов, ужин мы с тобой сегодня заслужили?

— Сегодня заслужили... товарищ Президент СССР.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

К концу лета «Обводный канал» был уже, что называется, на слуху. Благодаря тиражированию магнитофонных записей, круги популярности побежали от Питера к периферии. На этой волне Котов организовал две гастрольные поездки — в Киев и в Казань.

Пригласившая группу киевская сторона оплатила дорогу туда и обратно, артистов удобно разместили на зажиточной квартире, хозяева которой (родители) находились в отъезде, и за два отработанных в тёплой и непринуждённой обстановке концерта заплатили пятьсот рублей — по сто двадцать пять на брата. Уезжали сытые, пьяные и обласканные.

В Казани имели место некоторые шероховатости.

Согласно договорённости, ребят встретили на вокзале и поселили в гостинице. Обустроившись в номере, Котов, Осипов и Лисовский в хорошем расположении духа отправились погулять и посмотреть город. Степанов, сославшись на нездоровье, остался в номере.

Друзья прикупили местного винца, выпили на скамейке в сквере и, не спеша, продолжали прогулку, весело галдя и задирая встречных девушек.

У Котова за последние девять месяцев успел отрасти хайер, и он, время от времени, театральным жестом отбрасывал назад «надоевшие» волосы. Лисовскому закрывали половину лица стильные тёмные очки, а концертная футболка Осипова, имевшая расцветку американского флага, бросалась в глаза с другого конца города. Первым облачком, вызвавшим в умах лёгкое замешательство, послужил следующий эпизод.

Двое стриженных, невысоких, но мускулистых парней обогнали их и прошли мимо. У одного был переломан нос, у другого на затылке белел уродливый шрам.

— У нас такие не выживают,— обранили они как бы между прочим.

Вскоре ребята снова выпили, забыли этот эпизод и снова развеселились. Но где-то в глубине сохранился неприятный осадок, неосознанная тревога, и это заставило их повернуть в сторону гостиницы.

С этого момента в окружающей обстановке начали сгущаться тучи. Впереди откуда-то взялась компания молчаливых молодых людей, очень похожих на тех, которые недавно отпустили по адресу гостей столь странное замечание. Соблюдая дистанцию, они двигались вперёд, а из примыкавших улочек и переулков к ним молча присоединялись или шли сами по себе группы очень неприятной на вид спортивной молодёжи.

Аборигенов становилось всё больше, они почти совсем загрохотали улицу. Они шли сзади, спереди и по сторонам, уже рядом. Ситуация становилась зловещей.

Друзья резко свернули в переулок и ускорили шаг.

Местные тоже свернули и ускорили шаг.

Теперь всё встало на свои места. Пронизанные ужасом с головы до пяток, ребята побежали, рванули не оглядываясь, не чувствуя ног.

Позади слышался гулкий топот, дыхание и позвякивание какого-то железа.

Путая следы, ребята свернули ещё и ещё, перемахнули через забор, через помойку и, наконец, влетели в глухой, лишённый окон двор с кирпичной стеной и заброшенной баскетбольной площадкой.

Это был конец.

Словно зловещие мертвецы, преследователи медленно заполнили двор.

Дрожа и тяжело дыша, Осипов схватил половинку кирпича и истерическим фальцетом пригрозил, что убьёт... Лисовский попытался вступить в переговоры, но ему велели «заткнуть ебало».

«Неужели вот так вот всё, по-скотски закончится? — подумал Котов.— И стоило из-за этого...»

И вдруг в чёрных тучах образовался просвет. В него ворвался весёлый солнечный зайчик и звучная милицейская сирена — музыка, прекрасней которой друзья ещё не слышали. Во двор въехала сияющая и искрящаяся замечательная сине-жёлтая машина ПМГ.

Зловещие мертвецы расступились, но не обратились в бегство.

— Что стоите, прыгайте в кузов! — поторопил высунувшийся из кабины лейтенант.

Ещё не веря своему счастью, друзья забились в тесную кабину кузова и захлопнули изнутри дверцу. Машина рванула с места и, набирая скорость, поехала прочь. Послышались запоздалые крики, угрозы, в дверцу ударились камни и железки...

Как выяснилось уже в гостинице, Степанов что-то такое знал. Кого-то из его знакомых здесь уже не то убили, не то покалечили. Но он не стал никого отговаривать, а просто сам подло остался в номере. До самого Ленинграда в коллективе ему был объявлен жестокий бойкот.

Местный устроитель, которому было заявлено об отказе и немедленном отъезде, уговорил группу остаться. Нужно было отыграть единственный концерт, билеты на который уже распроданы. Он поклялся, что случилось недоразумение, и что на рок собирается совершенно другая публика, которая сама боится хулиганов.

Он оказался прав. «Обводный канал» приняли «на ура», как и везде, хотя первые песни ребята играли без обычного энтузиазма.

Впоследствии Котов составил чёрный список регионов, опасных для жизни и здоровья длинноволосого человека. Список получился длинный и сплошь состоял из депрессивных регионов «красного пояса».

И наоборот: Украина и Прибалтика, например, весьма радушно принимали самых экзотических представителей рок-н-рольного цеха.

Предварительная беседа

В конце августа произошло событие, которое предварил телефонный звонок.

— Это Дмитрий? Здравствуйте. Сергей Потехин беспокоит, из горькома комсомола.

— Здравствуйте...

— Давай будем на «ты», по-комсомольски,— с ходу предложил

Потехин.

— Хорошо.

Ты только не подумай, что у нас к тебе какие-то претензии; мы ведь тоже люди — и повеселиться, и потанцевать...

— Понятно.

— Ты не мог бы завтра зайти? Просто поговорить, поближе познакомиться...

Власть комсомола была в те времена сильна и могущественна. Она пронизывала все сферы человеческой деятельности и была второй по значимости идеологической структурой после КПСС. Отказаться от приглашения было невозможно.

— Молодец, что пришёл! Проходи, садись...

Дима осмотрелся. Ковровая дорожка на лакированном паркете, большой письменный стол, за ним — два окна и портрет Ильича в пролёте. Стулья по периметру. На одном из стульев ещё один молодой человек — в сером пиджаке, с не запоминающимся лицом. В отличие от Потехина, без комсомольского значка на лацкане.

— Это Владимир, познакомьтесь.

Безликий поднялся и тоже с улыбкой пожал Котову руку.

— Садись, садись, закуривай,— Потехин протянул сигареты.

Несколько секунд молча курили.

— Не смущайся. Расскажи, как живёшь, чем ещё интересуешься, кроме музыки,— предложил Потехин.

Вот уже год Котов ощущал своё могучее превосходство над окружающими. Его манеры стали надменны или, в лучшем случае, снисходительны. Это особенно подчёркивалось его недавним приобретением: звёздной болезнью.

— Ни чем,— сказал Котов, глядя в окно на Смольный собор.

— Один живёшь?

— Да.

— Родители?

— В командировке.

— Далеко? Надолго?

— В Монголии. Пока согласно контракту, на три года.

— Наверное, продлят. Там хорошо, можно себя на всю жизнь

обеспечить. Один мой знакомый, Вася Коробейников...

И Потехин рассказал, как его знакомый невероятно обогатился, отработав пять лет в дружественном Ираке.

— Сам-то, хочешь за границу?..

Не желая отвечать на провокационный вопрос, Котов пожал плечами.

— А друзья бывали в загранке?

— Слушай, мне пора уже.

— Ладно, погоди, ты не торопись. Закончим быстро, по-военному. Ты, кстати, где-то в засекреченной части служил? Нулевой допуск?

«Всё знает»,— подумал Котов.

— Допуска нет, но подписку давал о неразглашении. Я больше в оркестре.

— А это даже лучше, что без допуска... Это даже облегчает... — Потехин переглянулся с Владимиром, который что-то всё время помечал в своём блокноте.— Из вашей части в Афган отправляли?

— Из нашей никуда не отпускали, даже в увольнение.

— Попал, что называется. А как ты думаешь, надо было нам туда?

Не смотря на свой задушевный тон, Потехин вёл себя безобразно. Но Котов твёрдо решил вести себя сдержанно и дипломатично.

— Время покажет.

— А вот слушай, у тебя такая песня есть: «Не стреляй» — это про Афган?

— Это про Америку, то есть, как они во Вьетнаме...

— А я, знаешь, так и подумал. Только объясняй это на концертах, ладно? Там ещё «Шар цвета хаки» — тоже про Вьетнам?

— Разумеется.

На протяжении последующего часа Потехин подвергал кропотливому анализу песни Шевчука, Кинчева, Бутусова, БГ, Цоя, Науменко и так называемые гибриды.

Котов и сам плохо понимал многие из этих текстов, а теперь ему приходилось объяснять их с позиций марксистско-ленинской философии. Результатом разбора стал перечень песен «Обводного

канала», «не рекомендованных к исполнению», на который Котовчихать хотел.

— И последнее,— сказал Потехин.— У нас, в смысле, у комсомола, через месяц будет общегородское мероприятие. Рапорты, отчёты... это тебе не надо. А по окончании — сборный концерт. Сделаете несколько номеров?

— Для этого вызывали?

— Нет, это так, постскриптум. Что мы, звери, что ли... Даже не отвечать можешь.

— Аппарат будет стоять?

— Всё будет. И аппарат, и банкет, и деньги. Хочешь — грамоту нарисуем.

— Ладно, сделаем.

Дима поднялся с места. Потехин и Владимир тоже поднялись, заулыбались и протянули руки.

Абсолютная память

Мы с Поповым продолжали трудиться в котельной. Этот мир мог бы прозябать ещё вечность, если бы нам не пришло в голову поторопить события. Чёрт их там знает, как они это делают, но очень многое Попов знал наперёд не хуже меня. Нам пришлось объясниться начистоту.

До утра я рассказывал о том, что ожидает страну и мир в ближайшие пять или шесть лет. А потом, на рассвете, мы додумались до простого и гениального по своему идиотизму решения: написать письмо Гималайскому.

Вечером следующего дня я приехал домой к Попову.

Мой таинственный друг жил в крошечной отдельной квартирке на Садовой. Там всё было приготовлено для предстоящего сеанса. Попов усадил меня на стул перед зеркалом и зажёл с двух сторон

свечи. Он заставил меня повторить заклинание, положил передо мной письменные принадлежности и несколькими пассажами ввёл меня в гипнотическое состояние. Я должен был вспомнить события предстоящего года, которые, следуя своей чередой и в точности исполняясь, доказали бы истинность моего феномена. Ну а какой политик откажется выслушать рекомендации человека из будущего?

Находясь в сомнамбулическом состоянии, я испещрил десятка три страниц обрывками сведений, выуженных из самых дальних и пыльных уголков моей памяти.

Это были фрагменты шрифта, случайно снятые моим взглядом с использованного в туалете клочка газеты, услышанные по радио или ТВ отрывки дикторского текста, бессознательно уловленные ухом разговоры в транспорте...

Мы тщательно систематизировали эти сведения и отпечатали на поповском «Ундервуде» письмо Гималайскому. Это были наши точные предсказания на будущее. Последние две страницы занимали наши рекомендации и предостережения, которых он, как показало время, не послушался.

Из записок Веры Дансевой

В нашей комнате, прямо посередине, висит тяжёлая боксёрская груша. Она висит на крюке, предназначенном для люстры, но люстры у нас нет. Люстра была, конечно, но её разбили по случайности.

Мой так называемый муж купил эту грушу по моей просьбе. В школьные годы я занималась спортивной гимнастикой, и теперь мои мышцы снова приобретают прежнюю упругость. Только в эту грушу я могу вложить всю силу моего удара.

Так вот, всё это ерунда. Просто иногда мне необходимо снять напряжение, а если ещё точнее — синдром. И тогда я начинаю избивать грушу — руками, ногами и локтями, головой и в прыжке, с разворота и лёжа — до полного изнеможения.

На какое-то время это отвлекает, но иногда всё же приходится

выкурить косячок-другой, чтобы себя обмануть...

Да, так оно и есть. Я надеялась, что вернув себе ещё не отравленное наркотиками тело образца 1982 года, смогу с этим покончить. Вернее, не начинать. Я думала, что эта зараза кроется в моём теле — в каждой клеточке мозга, в каждой молекуле моей крови...

Всё оказалось сложнее. ЭТО находится в моём сознании, к которому я глупейшим образом пристегнула новенькое тело. Я была и осталась законченной наркоманкой, ничего тут не поделаешь.

Можно лупить до полного изнеможения боксёрскую грушу, можно обманывать себя забитой папироской, но рано или поздно ЭТО наступит. Я опять начну убивать своё новенькое тело, а потом и душу, потому что нельзя служить двум господам одновременно.

Последнее время у меня плохое предчувствие по поводу всех нас. Это плохо кончится.

Шурик

Дождливым августовским вечером, когда на улице, скорее всего, начинало темнеть (в нашей кочегарке не было ни одного окна), а дождь так барабанил по жестяному навесу, что было слышно изнутри, мы с моим удивительным другом несли очередную вахту.

Летом делать нечего: работает один котёл, да и тот только днём. Я что-то пописывал, а Попов слонялся и маялся от безделья. Неожиданно в дверь раздался звонок. Попов пошёл открывать, а я с досадой подумал, что если это мастер участка, то для нас найдется какая-нибудь грязная работа.

Наверное потому, что это оказался не мастер, наше первое движение в сторону гостя было доброжелательным.

— Здорово, мужики! Пустите обсохнуть?

Широко улыбаясь, на пороге стоял белобрысый молодой человек с монголоидным типом лица.

Попов проводил его к горящему котлу, я приветливо кивнул и, убрав свои записки, закурил.

Незнакомец бросил на топчан спортивную сумку, снял лёгкий,

мешковатый по моде плащ песочного цвета, повесил его на горячую трубу и, оставшись в белой футболке, джинсах и новеньких резиновых кедах, сделал несколько бодрых взмахов руками. Его худощавое тело, при росте чуть ниже среднего, выглядело тренированным и мускулистым.

— Попал, это называется! До нитки! — весело болтал незнакомец.— В прошлом году в лодке волной накрыло, это у нас там, на Онежском озере, у самого берега уже, а ветер, собака,— ураган!.. Проканителил два месяца с воспалением лёгких. Мужики говорили, что если бы сразу двести грамм принял на грудь...

От потока болтовни мы с Поповым слегка опешили и переглянулись. Белобрысый истолковал наши взгляды по-своему и поторопился нас заверить:

— Только вы, мужики, не думайте, я на стакан не напрашиваюсь. Если на то пошло, то я и сам угостить могу.

Он шагнул к своей сумке, открыл молнию и достал две бутылки дешёвого коньяка по восемь рублей.

— Хотел в номере с соседом раздавить...

Через час мы, покрасневшиеся и весёлые, допивали вторую бутылку и подумывали о третьей. В сумке Саши Рахметова (он просил называть себя Шуриком), курсанта петрозаводской школы милиции, нашлась и закуска: колбаса, хлеб, рыбные консервы и даже апельсины. Наш хлебосольный гость набивал щёки и простодушно болтал о своих служебных делах.

— Слушайте, мужики, я здесь в командировке. Дали неделю, а делов — на пару дней. Скоро форму нового образца введут — видели? Смешная такая — шапочка, ботинки шнурованные до колена... Зайцев придумал. Но это, конечно, сначала Москва, Ленинград... Мы свою будем донашивать, это факт. Но мы им со своей стороны тоже кое-какую помощь обещаем — то, сё, стройматериалы... взаимобразно. Вза-и-мо-о-бра-зно,— он с удовольствием повторил понравившееся слово.

Допили вторую бутылку, и Шурик вызвался сбегать. Мы не возражали; объяснили, куда бежать, и начали собирать деньги. Но денег он не взял и вернулся быстро, минут через десять, с тремя поллит-

ровками «Столичной».

— Теперь я спокоен за будущее моих детей,— прослезился Попов, имея ввиду, что такая хорошая милиция непременно наведёт порядок в стране.

Мы начали понемногу напиваться.

В одиннадцать котёл погасили до утра и расслабились окончательно.

Не зная в точности, о чём принято разговаривать за бутылкой с работником милиции, говорили в основном о девках и о пьянстве. Мне показалось, что Шурик в этом деле абсолютно некомпетентен. Он не имел понятия ни о ценах, ни о способах, ни о последствиях.

Попов спросил его, чему учат в школе милиции, и тут Шурика понесло. Он раскрыл нам массу хитростей и подвохов научил как выкрутиться из того или иного щекотливого положения, объяснил, где можно качать права, а где помалкивать. И всё такое прочее. Помнится, я даже подумал с тревогой, не пожалеет ли Шурик обо всём сказанном, когда очухается, и деликатно перевёл тему на анекдоты.

Начали с «муж в командировке», потом про Чапаева, про Штирлица, потом, как-то незаметно, про Брежнева, Андропова, Черненко...

— Диктор на телевидении: «Товарищи, вы не поверите, но этот тоже умер».

— А кто такой Черненко? — удивился Шурик.

Попов под столом стукнул меня по ноге так, что остался синяк. Я попытался тему замять, но Шурик уже и сам забыл про Черненко и сам стал откалывать такие вещи, что мы с Поповым не столько смеялись, сколько изумлённо переглядывались.

— Вот уж никак не думал,— сказал я,— что в наших органах процветает свободомыслие.

— Мы же не КГБ, не политуправление какое-нибудь,— заверил Шурик.— Работа как работа: ловить всякую сволочь. Есть, конечно, особенности. Типа стрельнуть или применить самбо при задержании.

Этим Шурик окончательно завоевал наши симпатии. Попов даже предложил ему разыграть, как бандит нападает на работника милиции. И они начали валять дурака.

С выражением тупой злобы на лице Попов медленно заносил над Шуриком бандитский нож (свёрнутую трубочкой газету), а Шурик неловко, с трудом удерживая равновесие, применял приём. С рёвом затравленного зверя Попов неуклюже валился на каменный пол.

Потом мы пили за непобедимую мощь советской армии, а когда начали пятую, в общем счёте, бутылку, наш гость окончательно размлел. Слегка заплетаясь языком, он разоткровенничался.

— Мужики, хорошо тут с вами, не то что в общаге, в школе милиции. Вот так вот, нормально, поговорить — не с кем!.. Я вот вам сказал, что у нас политики нет; но голова-то есть на плечах! Думаете, я не понимаю, почему председатель КГБ — Генеральным Секретарём? Думаете, я не боюсь, что опять тридцать седьмой год начнётся?.. Всё понимаю, а поговорить не с кем. Кто о водке, кто о бабах; кто о водке, кто о бабах. А знать бы только, что нас ждёт — через год, через два...

Шурик уронил голову на руки, а мы с Поповым налили по последней.

— Спи, ментяра,— добродушно сказал Попов.— Помрёт зимой твой Генеральный Секретарь из КГБ. И тридцать седьмого больше не будет. Не ссы. Перестройка будет, однако. Будешь жить в своём доме, а не в общаге. Ездить будешь на большой, красивой ментовской машине. Дай только время...

Мы выпили и повалились на топчан.

Рано утром, ещё не протрезвевшие, мы подскочили растапывать котёл. Гостя уже не было, хотя дверь котельной была заперта изнутри. Очевидно, кто-то из нас закрыл её на автопилоте.

На столе лежала записка: «Спасибо за компанию. Зайду ещё раз перед отъездом. Шурик.»

Вернувшись в свой гостиничный номер, Рахметов прошёл в туалет и, склонившись над унитазом, выблевал всё выпитое одним мощным потоком. Специальная маслянистая смесь, обволакивавшая желудок, позволяла ему оставаться трезвым и накапливать спиртное.

Сняв телефонную трубку, он набрал тринадцатизначный номер и оставил на личном автоответчике Змия следующую запись:

«Это терминатор. Сейчас тридцать первое августа, четыре часа утра. Я их нашёл. Четвёртого сентября, в их следующую рабочую смену, предполагаю завершить операцию. Конец связи.»

Рахметов выпил воды, разделся и лёг спать. «Помрёт зимой твой Генеральный Секретарь, помрёт зимой твой Генеральный секретарь... — ритмично застучало у него в голове.— Перестройка будет, перестройка...» Напоследок он представил, как будет убивать этих двоих, ему стало хорошо и он заснул.

Традиционный сбор

На следующий день, первого сентября 1983 года, ближе к вечеру, я и моя жена отправились к Котову. Мы прогулялись пешком до «Площади Восстания» и повернули на Невский. Двое суток почти беспрерывно шёл дождь, а теперь из-за Адмиралтейства светило тяжёлое городское солнце. Асфальт, крыши и листья на деревьях ещё не обсохли, в воздухе ощущалась приятная прохлада.

— Хочешь, дойдём пешком до Дворцовой? — предложил я.

Вера отрицательно покачала головой.

Последние месяцы она мне очень не нравилась. Я заметил, что она балуется травкой, но не подал виду. Я ещё надеялся, что её депрессия связана с психологической адаптацией в новых старых условиях, но уже понемногу начинал догадываться, в чём истинная причина, хотя и гнал от себя эти мысли...

Две остановки на метро, ещё три на трамвае — и мы у Котова, на двадцать третьей линии Васильевского острова.

Дима встречает с приветливым выражением лица. Снимаем обувь, проходим в его комнату. Он по привычке живёт в своей, маленькой, хотя и другая тоже в его распоряжении. На столе, в салатницах и глубоких тарелках, расставлена закуска: салат «Оливье», винегрет, жареная рыба, холодный плов, холодная варёная курица. Бутылка водки и бутылка сухого вина. Рюмки и фужеры из родитель-

ского серванта.

— Вот, картошечка поспела,— Котов несёт из кухни дымящуюся кастрюлю. Вера помогает ему переложить грубо изрезанный при чистке картофель на тарелку. Я выставляю две водки и четыре сухого.

Понятно, что все яства, за исключением картофеля, приобретены Котовым в «Домовой кухне». Зато стол выглядит внушительно, по праздничному.

Явился Петрушка — «наш младшенький», как ласково мы его называли, чувствуя своё превосходство в возрасте и жизненном опыте. Он выглядел слегка возбуждённым и взъерошенным.

— Вырвался? — сказали мы сочувственно.

— На следующей неделе Эльвира Станиславовна поведёт нас писать заявление,— заговорил он напряжённо.— Предполагается, что после свадьбы я буду жить у них, вместе с Зинаидой и Эльвирой Станиславовной. Боюсь, что я к этому совершенно не готов. Пока ещё не готов.

— А что изменится потом? — спросила Вера.

— Я надеюсь, что потом мы сможем снимать комнату или квартиру... какую-нибудь жилплощадь.

Мы все посмотрели на него с большим сомнением: Зинаида была противопоказана Петрушке на любой площади.

— Мы не позволим тебе жениться на Зинаиде,— заговорил я начистоту.— Знаешь, что они с тобой сделают через год? Они вместе с её матушкой превратят тебя в домашнего кота. Они тебя кастрируют.

— Сева!..— в отчаянии вскрикнул Котов и схватился за сердце.

— Хочешь, я поговорю с Зинаидой? — предложила Вера.

Петрушка с тревогой переводил взгляд с одного на другого.

— Нет, ничего не надо, вы только испортите.

Вера безнадёжно махнула рукой.

Котов уже разлил и в нетерпении ходил вокруг стола. Мы расселись и выпили по первой за встречу. Через полчаса мы возбуждённо галдели, а ещё через час наступила первая волна пресыщения. Чтобы преодолеть это состояние, нужно было выпить ещё. А потом ещё и ещё. Мы никуда не торопились.

Откинувшись в кресле и прикрыв глаза, Петрушка блаженно

улыбался. Вера лениво наезжала на Котова по поводу репертуара его нового ансамбля, тот лениво, но настороженно оправдывался. Недавно он запустил в работу материалы «Агаты Кристи», и Вера похвалила его за свежую волну в творчестве, пообещав побывать как-нибудь на концерте и громче всех свистнуть. Я ностальгически расчувствовался, слушая котовские магнитофонные записи — «Бони-М», «Смоки», «Чингисхан»...

В дверь раздался звонок.

— Не открывай, никого нет,— моментально отреагировал Петрушка, а я приглушил магнитофон.

— Оттуда слышно,— пробормотал Котов и пошёл открывать.

В прихожей послышался голос Зинаиды: «А я говорю, что он здесь!..» Я посмотрел на Петрушку — он сидел неестественно прямо, широко раскрыв глаза.

В следующую минуту Зинаида ворвалась в комнату и выросла над нами как джинн, выпущенный из бутылки. Казалось, она была удовлетворена увиденным.

— Вот так,— сказала она, поджав губы.— Я знала, что ты пьёшь и догадывалась, что ты путаешься со шлюхами. Мама была права: я увидела это собственными глазами.

Вера, до этого момента равнодушная к происходящему, посмотрела на неё с интересом. Петрушка со смирением ученика, готового к очередной порке, снял очки. Зинаида подошла к нему вплотную и закатила ему оплеуху.

Но удара не получилось. Вера быстрым движением руки подставила блок.

— Что?! — глаза у Зинаиды сделались круглыми.— Твои бляди будут меня за руки хватать?..

И она, изловчившись, вцепилась в волосы соперницы.

Приподнявшись, Вера сделала головой резкое вращательное движение и отскочила в сторону. От боли у неё на глазах выступили слёзы. Затем она треснула Зинаиду кулаком по челюсти. А когда та припечаталась к стенке, крутанулась и нанесла ей сокрушительный удар ногой по корпусу.

Зинаида медленно стекла на пол и, не в силах закричать, слабо заскулила.

Над ней склонился перепуганный Петрушка.

— Зачем ты так...

Побеждённый противник вызывает жалость, и мы все, включая Веру, стали ухаживать за Зинаидой. Усадили в кресло, похлопали по щекам, заставили выпить рюмку водки. Вскоре она очухалась и слабо произнесла:

— Мне пора домой, пустите.

Мы проводили её на улицу и остановили такси. Петрушка усадил её на заднее сидение и сел рядом. Машина тронулась с места, и, пока не скрылась из виду, Зинаида, обернувшись, смотрела на нас удивлёнными глазами.

— Извините... если что не так,— сказала Вера.

Битва титанов

В пятницу третьего сентября 1983 года я заступил на свою очередную трудовую вахту. Попов отпустил старую смену и теперь разминался, отжимая на руках метровое звено чугунной батареи отопления. Я поздоровался. Мой могучий приятель прокряхтел что-то в ответ и бросил батарею на каменный пол, который при этом ощутимо содрогнулся.

— В прошлую смену перебрали,— пожаловался он.

— Да... — кивнул я рассеянно,— в прошлый раз... Может сходить за пивом?

— Возьми себе, если хочешь. Не хочу расслабляться.

Через пятнадцать минут я сидел перед трёхлитровой банкой водянистого пива. Потягивая стакан за стаканом и дымя папиросой, я смотрел, как Попов проделывает теперь упражнение на скорость ударов. Он поднимал на вытянутой руке тетрадный листок бумаги, отпускал, и пулемётной очередью ударов разносил его в клочья.

— Этот Шурик обещал снова прийти, попрощаться перед отъездом,— сказал я.— Наверняка принесёт бутылку.

— Не нравится мне этот Шурик,— поморщился Попов.— В нём

есть что-то ненормальное.

От пива меня развезло и потянуло в сон. Я прилѣг на топчан и проспал до вечера.

Проснулся от звонка в дверь. На пороге стоял Шурик.

Он был в том же застѣгнутом на все пуговицы мешковатом плаще, хотя погода была сухая. Ещё я сразу заметил отсутствие спортивной сумки у него в руках — наверное потому, что рассчитывал на опохмелку. Как бы не так.

Шурик коротко и натянуто улыбнулся и, засунув руки в карманы плаща, прошѣлся взад-вперѣд по котельной. Я прикинул, нет ли у него бутылки во внутреннем кармане. Правда, очень хотелось выпить: во рту стоял сушняк, голова гудела. В одно мгновение мне показалось, что под плащом действительно что-то слегка оттопыривается.

— Я тебя разбудил, Борис? — внезапно повернулся ко мне Шурик.

— Нет, ничего, нормально, пора уже...

— Начальство бывает?

— Редко... Сегодня уже точно не будет.

— Это хорошо...

— Раздевайся, садись,— предложил Попов, поглядывая на нашего знакомого, сегодня столь непохожего на болтливого и разбитного курсанта школы милиции.

— Я только на минуту,— ответил Шурик.— Попрощаться...

Это уже был не Шурик; это был капитан Рахметов.

Он всё же сел и, глядя на проблески пламени в рабочей топке, медленно расстегнул верхние пуговицы плаща.

— Когда вас меняют?

— В восемь утра.

Попов присел напротив Рахметова и, пристально глядя ему в глаза, заговорил:

— Как вам понравился наш город? Улицы... дома... проспекты... набережные... мосты... переулки... сфинксы...

С каждым новым словом речь Попова замедлялась и вскоре

я с удивлением заметил, что глаза Рахметова затуманились, закрылись, и голова его упала на грудь.

Попов пошарил по его одежде сначала снаружи, потом залез к нему за пазуху и вытянул оттуда длинный чёрный пистолет с навёрнутым на дуло глушителем. Вынул из рукоятки обойму, патрон из затвора и просунул пистолет на место; вероятно, под плащом была кобура.

— Теперь понимаешь?

Я не успел ответить, потому что в этот момент Рахметов слегка пошевелился и поднял голову.

— ... Второй вообще быть не могло! — горячо убеждал меня Попов.— Они и первую шайбу забили из-за ошибки вратаря! Шурик, ну ты-то хоть подтверди!..

Шурик зажмурился, нервно и сосредоточенно потёр рукой лоб, вскользь провёл рукой по левому боку.

— Что-то... голова...

— Чайку поставить? — предложил я.

— Да... чаю... покрепче...

Я вскипятил воду в литровой банке и щедро сыпанул туда «Грузинский экстра».

Рахметов молча выпил два стакана заварки, в его глазах снова появились признаки владения ситуацией.

— Скажите, Шурик,— обратился к гостю Попов, осторожно отхлёбывая из своей кружки,— вы верите в Бога?

— В бога? В какого бога?

— В Господа нашего, Отца, Сына и Святого Духа.

— Христианство?.. Дают по правой — подставляй левую?

Теперь, снова обретя уверенность в себе, Рахметов не удержался от того, чтобы напоследок порисоваться.

— К чёрту такого бога. Ислам — это ещё туда-сюда — «насаждай огнём и мечом», но, по большому счёту, тоже слюнтяйство. Человек должен верить в реальную силу. Подчиняться этой силе или победить и встать на её место. Каждый должен знать своё место. Порядок, дисциплина, субординация. Это главное.

Рахметов больше не пытался разыгрывать из себя рубаху-парня: дело, как видно, шло к концу.

— Сила неразделима с красотой, точно так же — как умничанья интеллигентов с уродством. Вы были когда-нибудь на стадионе или в спортивном зале? Вы видели эти загорелые торсы и жизнерадостные лица? В них вся наша надежда, в них генетический код нации! Но кто же сидит в филармониях и читальных залах? Недоразвитые уродцы, очкарики с гипертрофированными мозговыми полушариями, которые они не могут удержать на своих тоненьких ножках... Удобрения на наших полях — вот то единственное и самое лучшее, на что они могут сгодиться впоследствии.

— А мы,— спросил Попов,— на которых больше похожи?

— Теперь это не имеет никакого значения. На кой чёрт вы полезли не в своё дело? Не знаю, как там у вас получают эти фокусы, но вы совершили роковую ошибку. Нам не нужны предсказатели, потому что мы сами делаем историю. И тем более, нам не нужны свидетели...

Я подумал, что теперь самое подходящее время, чтобы нас убить, и посмотрел на Попова. Но тот невозмутимо водил ложечкой в своём чае. В литровой банке кипела вода для новой порции заварки. Мы оба, опустив головы, молчали.

— Вы понимаете?.. Вы слышите, что я вам говорю? Сейчас вам придётся умереть!!

Мы подняли на него глаза.

Рахметов выхватил пистолет и несколько раз щёлкнул курком.

Мы оба бровью не повели.

Рахметов опустил глаза, передёрнул затвор...

Я вынул из банки кипяtilьник и выплеснул воду ему в лицо.

Рахметов заревел и отшвырнул разделявший нас стол. Ногой он заехал мне в солнечное сплетение, одновременно выбросив ладонь в сторону горла моего приятеля. Такой удар обычно ломает шейные позвонки. Но ещё быстрее Попов отклонился и нанёс противнику прямой удар в физиономию. Тот отлетел на десять шагов, но тут же вскочил на ноги. Вытер рукавом покрасневшее, начавшее покрываться белыми пузырями лицо и с криком бросился в атаку.

Эта потрясающая схватка продолжалась ещё несколько минут, пока я задыхался, скорчившись на полу. Они совершали какие-то невероятные прыжки и бегали по стенам. Они дрались обрезками

труб и душили друг друга, схватившись мёртвой хваткой.

Когда я почувствовал, что могу вздохнуть и пошевелиться, они стояли в противоположных углах и смотрели друг на друга. Не спуская глаз с Попова, Рахметов наклонился и вынул из-под штанины нож. Зажав лезвие в ладони, он двинулся вперёд. Я понял, что сейчас он метнёт в Попова этот нож.

Когда он поравнялся со мной, я, оттолкнувшись изо всех сил, прыгнул и вцепился зубами в его руку.

И в ту же секунду Попов нанёс ему в прыжке удар в голову столь сокрушительной силы, что мы с «Шуриком» в одной связке отлетели и влипли в стену.

На этом, собственно, драка закончилась. Попов попросил меня срезать верёвку, и мы его связали.

На его обваренную кипятком рожу было страшно смотреть, и я трусливо отводил глаза.

— Что же теперь с ним делать?..

Почёсывая бороду, Попов о чём-то сосредоточенно думал.

— Сейчас погасим котёл, и я с ним поработаю.

— А потом?

— А потом мы его отпустим.

— Отпустим?..

— Он вернётся туда, откуда пришёл, и убьёт того, кто его послал.

Я в восхищении посмотрел на моего феноменального приятеля. А он поднял с пола пистолет, достал из своего кармана обойму и загнал её в рукоятку.

— Теперь бери его и тащи в душевую. Я так и знал, что вытяжка из рыбы фугу когда-нибудь пригодится.

— Мне кажется, он не дышит.

— Значит, он поедет туда мёртвый.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Солнечный луч наконец выглянул из-за длинного затяжного облака и осветил просторный, красного дерева с позолотой, письменный стол. Массивная бронзовая чернильница, пресс-папье, подставка для перьев, нож из слоновой кости... Юрий Владимирович увидел на чернильнице муху. Переливаясь цветами, она грелась на солнце и озабоченно шевелила лапками. «Что же это они...» — рука потянулась к кнопке звонка. Но нет, он уже передумал — в нём проснулся инстинкт охотника. Не сводя с мухи глаз, он свернул трубку из попавшихся под руку документов и, тщательно рассчитав удар, резким махом припечатал насекомое к чернильнице. Удар был внезапный и точный, свойственный только опытным кабинетным работникам. Склонившись, Юрий Владимирович внимательно рассмотрел прилипшие к металлу останки и брезгливо смахнул их на ковёр. На заголовке «Всемерное ускорение и интенсификация на основе научно-технического прогресса» красовалось теперь мокрое пятно с налипшими на бумагу мушиными внутренностями. Минутное чувство удовлетворения вновь уступило место гнетущему пессимизму — состоянию, не оставлявшему его вот уже более полугода.

Наследство, доставшееся Юрию Антропову от КПСС на 65-м году советской власти, находилось в упадке. Страна была разграблена, хозяйство убыточно, народ ни во что не верил. Это был даже не тупик, это была пропасть, и земля уже сыпалась под ногами.

Ещё на своей прежней работе в КГБ, в кругу близких друзей, Антропов допускал крамольную мысль о возможности разумного отступления от некоторых марксистско-ленинских принципов. Но разговор сразу уходил в сторону, и Юрий Владимирович понимал, что идея эта ещё не вызрела. Теперь же, ознакомившись с секретным докладом о положении дел на конец 1982 года, Антропов понял, что только разумный компромисс замедлит, а может быть и предотвратит гибель системы.

В этом не было, в сущности, ничего нового. Точно такой же опыт Ленин проделал в 1924 году и назвал это Новой Экономической Политикой. Потом НЭПманов расстреляли. Необходимо

назвать это дело как-нибудь по другому...

Например — «Перестройка».

Вполне благозвучно и, что самое главное, ничего конкретного.

Антропов взял ручку и набросал на чистом листе бумаги: «Перестройка. Обновление социализма на основе ленинских коммунистических идеалов».

После этого он даже щёлкнул пальцами от удовольствия.

Однако новая идея требовала в ЦК новых людей. И Антропов набросал список своей будущей «перестроечной» команды: Лигачёв, Гималайский, Рыжков, Ельцин — всего около двадцати фамилий. А от всех этих полусумасшедших гришиных и романовых необходимо будет избавиться...

К горлу подкатила отрыжка, и Юрий Владимирович раскатиasto рыгнул. В селекторе послышался голос секретаря:

— Да, Юрий Владимирович?..

— Ко мне сегодня есть кто-нибудь?

— Генерал-лейтенант Лампасов второй час сидит в приёмной.

— Ах, да. Пусть заходит.

Проклиная изжогу от съеденной за завтраком икры, Антропов выпил порошок и снова налил в стакан минеральной. В дверях появился Лампасов. Он был одет в парадный мундир с орденами и медалями. «Зачем так вырядился? — подумал Антропов.— А ведь он ещё лейтенант... Наверное, пришёл полковника просить.»

— Садитесь, Павел Александрович. Чайку распорядиться?..

— Благодарю, Юрий Владимирович, ничего не надо. Я займу не много времени.

Теперь Антропов разглядел его как следует. Лампасов был бледен, выглядел нездоровым — как после запоя или нескольких бессонных ночей. И говорил он как-то странно — слабо и монотонно. Нет, не за чинами он пришёл...

— Так что же, Павел Александрович, что не ладится?

— Товарищ Генеральный Секретарь, я буду краток.— Лампасов попытался перейти на официальный тон, однако голос плохо его слушался.— Дело, о котором я хочу доложить, может иметь... в том числе для вас лично, товарищ Генеральный Секретарь... Извините, язык не повинуется мне... Вот рапорт. Примите меры, какие сочтёте не-

обходимыми, вплоть до... Теперь позвольте мне уйти, я очень плохо себя чувствую.

Лампасов часто дышал, его бледное лицо покрылось каплями пота.

— Да. Хорошо. Идите.

Лампасов встал, развернулся и, пошатнувшись, вышел.

Но в ту же минуту в Генеральном Секретаре проснулись старые замашки гэбиста, и он поспешно добавил в дверь, ещё не успевшую захлопнуться:

— Павел Александрович! Не уходите из приёмной... до моего распоряжения.

Послышался не то вздох, не то рыдание, и дверь затворилась.

Антропов снял трубку и приказал:

— Лампасова не выпускать из Кремля до моего распоряжения.

Рапорт занимал восемь машинописных страниц, пестревших опечатками. Как видно, генерал не доверил работу машинистке и, возможно, всю ночь сам просидел над клавиатурой.

Юрий Владимирович принялся читать, и брови его постепенно поползли вверх.

Текст представлял из себя сбивчивое повествование о каком-то чудовищном заговоре, о пришельцах из будущего и на треть состоял из истерических раскаяний самого Лампасова. Он заканчивался нешуточным заявлением:

«Когда вы будете читать это (слово забито буквой «х») рапорт, меня уже не будет в живых. Честь офицера диктует мне это (забито) выбор. Прошу считать меня до последней минуты коммунистом и похоронить с партбилетом в кармане.»

Число, подпись.

Всё это было похоже на бред опасного сумасшедшего, но никак не на рапорт военного человека. Антропов потянулся к кнопке вызова секретаря... Но в тот момент, когда его палец уже коснулся кнопки, по всему зданию прокатились гулкие раскаты выстрела.

Юрий Владимирович застыл на мгновение, затем отдёргнул руку и замер. Ему очень захотелось залезть под стол и подождать,

пока всё разьяяснится.

Но вот в коридорах послышалась беготня, и в кабинет без стука проскользнул перепуганный секретарь. Он прикрыл за собой дверь и доложил:

— Минуту назад застрелился генерал-лейтенант Лампасов.

— Как?!

— В туалете, из табельного оружия.

Некоторое время Антропов молча смотрел на секретаря. Первым чувством, которое он испытал, было облегчение: это не заговор и не покушение. Затем взгляд его упал на испещрённый поправками нелепый текст рапорта. Несомненно, Лампасов был сумасшедшим. При нём было оружие, и он, пойми в разговоре что-нибудь не так, вполне мог...

— Почему у него не отняли оружие при входе в Кремль?

— Я сейчас же, немедленно это выясню, товарищ Генеральный Секретарь.

— Идите.

Сумасшедший он или нет, с этим рапортом следовало что-то делать. В нём указывались конкретные фамилии, и среди них фамилия Председателя КГБ СССР, бывшего его заместителя, генерал-полковника Змия.

Несмотря на свою собственную прежнюю устрашающую должность, Юрий Владимирович не владел искусством дворцовой интриги. Он попросту решил вызвать Змия к себе и потребовать от него решительных объяснений.

— Вызовите ко мне Змия,— приказал он секретарю.— Пусть захватит планы работы на четвёртый квартал.

— Слушаюсь, Юрий Владимирович.

В отличие от «зелёного» генерала Лампасова, Змию не пришлось ждать в приёмной. О его прибытии доложили сразу, и он, не чувствуя ни малейшего стеснения, прошёл в кабинет генсека.

— Рад вас видеть в здравии, Юрий Владимирович.

— Садись... Какое тут здравие, весь день на корвалоле.

— Да, это он что-то неожиданное выкинул. Прямо-таки ума не приложу... Ничего особенного за ним не было...

— Ты вот что... Я с тобой этого, вола не буду. На вот, держи и читай. Потом поговорим.

Антропов отдал рапорт, отошёл к окну и закурил. Змий склонился над бумагами и в считанные секунды проглотил весь текст.

Надо сказать, что он был готов к этой встрече. О самоубийстве Лампасова Змий узнал одновременно с генсеком, то есть, через минуту после выстрела. Он быстро просчитал возможные сценарии до выстрела и после — и в общих чертах всё понял. Перелистывая страницы только для виду, он напряжённо продумывал свою дальнейшую линию поведения.

Докурив, Антропов затушил сигарету в стоящей на подоконнике пепельнице, повернулся к Змию и с удивлением увидел, что тот беззвучно смеётся. Глядя на шефа, Змий, будучи не в силах произнести ни слова, молча потыкал в листки лампасовского рапорта и хрипло расхохотался во весь голос.

Пример его был столь заразителен, что губы Юрия Владимировича несколько раз невольно подёрнулись в улыбке, а в следующую минуту он, не удержавшись, тоже зашёлся смехом.

Когда оба немного успокоились, Змий сказал:

— Я уже давно начал замечать, что он немного того, спятил. Я даже велел за ним понаблюдать. А вот и не доглядел...

Погрустнев на мгновение, Змий опустил глаза.

— Но ты послушай, что он здесь пишет!..

И он начал зачитывать вслух наиболее виртуозные пассажи из сумбурного лампасовского текста.

Вернувшись к себе, Змий крикнул Коршунова.

— Слушай внимательно. Рапорт отправили на психологическую экспертизу. Надо будет сделать так, чтобы документ был случайно уничтожен. Залит кислотой, реактивом... По вине лаборанта. Иди, займись этим немедленно.

— Слушаюсь, Владилен Казимирович.

Как подполковник Хромов увидел

**во время дежурства сон, непредусмотренный Уставом
и даже неприличный, а Людмила Каримовна
увидела сон ещё более невероятный и странный**

Было четвёртое сентября. Лето закончилось, и вечерняя прохлада уже предвещала промозглую осень. В Ленинграде шёл дождь, а в пахнущем лесом и созревшими в садах яблоками Подмосковьё закатывалось за горизонт яркое малиновое солнце. В бывшем графском особняке укладывались спать. Над широкой атласной кроватью зажглись два перламутровых светильника.

— Поздно приехал и ничего не рассказываешь. Тебя кто-нибудь обидел? — потребовала мужа к ответу Людмила Каримовна.

— Лампасов застрелился. Прямо в Кремле, на приёме у Генерального.

— Да что ты говоришь!..— Людмила перестала растирать крем на руках.— Это тот самый красивый блондин в приталенном кителе? В пятницу он был на обеде... о господи!

— Да.

— Как же так?!

— Говорят, что сошёл с ума.

Людмила охнула и оба некоторое время лежали молча.

— Скоро у нас будут большие перемены. Юра что-то затевает. На прошлой неделе я имел с ним разговор с глазу на глаз. Он набирает себе команду в ЦК, будет крутой поворот влево.

— Почему влево? Может быть, не надо так круто?

— Надо, надо. Иначе — полный обвал.

— Уже?.. Что же теперь будет? Когда?

— На весеннем Пленуме.

— Все согласны?

— Нет, не все. Многие хотят дожить спокойно.

— А я тоже хочу спокойно. Ещё неизвестно, как это у вас всё получится. Скажи ему что-нибудь, отговори...

Но Павел Андреевич безнадёжно махнул рукой и, пожелав супруге спокойной ночи, погасил светильник. Людмила тоже немного погодя погасила свой, но ещё продолжала лежать на спине с открытыми глазами.

— А что ты решил с этими вымогателями — ну, ясновидящими?

А вдруг это они Лампасова? А потом и тебя...

— Не знаю, ещё не решил.

— А я думаю, что они сумели расшифровать Нострадамуса. Его ведь до сих пор ещё никто не смог правильно прочитать, а эти, стало быть, прочитали. Теперь живём как подопытные: они всё наперёд знают. Сходи к Змию, поговори с ним, пусть разберётся.

— Людмила,— в голосе Павла Андреевича появилось страдание,— не говори мне про Змия, это страшный, страшный человек! Он и хитёр как дьявол. Артист, комедиант из преисподней. Для него жизнь — игра, люди — пешки. Сатана, воистину Сатана!..

Павел Андреевич так разволновался, что когда пил своё вечернее молоко, поперхнулся и долго кашлял.

«Сатана, воистину Сатана!..»

В тесном отсеке сверхсекретного отдела с бронированной звуконепроницаемой дверью работала хорошая вентиляция, иначе бессменный дежурный подполковник Хромов давно бы лишился чувств от переутомления и усталости. Впрочем, вентиляция работала здесь не для повышенного комфорта дежурных. Она была необходима для бесперебойной работы звукозаписывающей аппаратуры.

Когда в наушниках послышалось похрапывание Гималайского, а затем и посапывание его супруги, Хромов устало потянулся и переключил магнитофон с гигантскими бобинами плёнки на самую медленную скорость. С некоторых пор он научился применять эту маленькую хитрость, позволявшую ему не менять бобину до самого утра. А потом, за десять минут до звонка будильника в спальне высокопоставленных супругов, его самого разбудит выскокивший из ручных часов хитроумный штырёк. Он кольнёт в запястье и не уберётся до тех пор, пока не измучает и не заставит проснуться окончательно. Потом Хромов встанет с кресла, поменяет бобину и установит обычную скорость записи. Полчаса спустя он переключится на микрофоны, вмонтированные в потолке столовой, а ещё через час — на микрофон в спинке сидения автомобиля. Но это будет завтра. А сейчас...

Хромов с удовольствием стацил с себя сапоги, повесил на холодную батарею сырые портянки, сполз в полулежачее положение, раскинул по полу босые ноги, поправил на голове наушники, почмокал губами — и в ту же секунду захрапел, присоединившись своим третьим голосом к звучащему в наушниках дуэту.

В эту ночь ему снились супруги Гималайские, ставшие почти родными. Ведь он был незримым свидетелем абсолютно всех их деловых и личных разговоров, а иногда, по некоторым звукам и междоуметиям, мог догадываться даже о самых интимнейших сценах на супружеском ложе...

Сначала Хромову приснилась одна Людмила Каримовна. Она лежала, бесстыдно раскинувшись на шёлковом покрывале огромной кровати и, мечтательно вздыхая, гладила ладошками свою большую упругую грудь и широкие бёдра. Поскольку Хромов ни разу в жизни не видел Людмилу, она представлялась ему пышной голубоглазой блондинкой.

Открылась боковая дверь, из ванной вышел Павел Андреевич. Он подошёл к жене, присел на край кровати и стал гладить её по разным частям тела поверх и даже под покровом полупрозрачной сорочки. Людмила заёрзала, задышала... И тут с обеих сторон начались такие бесстыдные действия, подобные которым он не позволял себе никогда даже со своей женой.

...Несмотря на паскудство происходящего, Хромову приятно. Он елозит по полу босыми ногами, хмыкает и высовывает язык.

Но вот причудливые сексуальные игры, по существу ещё только прелюдия полового акта, нарушены появлением в спальне третьего лица.

Это страшное, отвратительное существо с козлиными ногами, копытами, свиным рылом, гибким туловищем, покрытым шерстью, и длинным, поднятым к затылку, хвостом. Хромов понимает, что это существо — генерал-полковник Змий, и он же — Сатана...

Павел Андреевич тревожно принюхивается, оборачивается и видит Сатану. Лицо его искажается ужасом, он раскрывает рот, но не может произнести ни звука. Чудовище плюёт ему в лицо, и с не-

счастливого начинает сползать, стекать кожа и плоть, обнажаются и падают на пол кости, рассыпаются порошком и исчезают.

С хохотом чудовище вскидывает гигантский, покрытый шерстью половой орган...

И тут Людмила Каримовна начинает душераздирающе кричать. Хромов тоже кричит, срывает с головы наушники, швыряет их на пол и, продолжая кричать, топчет их босыми ногами. Внезапно опомнившись, замирает.

Людмила Каримовна тоже увидела сон страшный и удивительный. ...Вот полная луна выплывает из-за чёрных туч и освещает спальню, в которой на кровати, поверх покрывала, лежит она сама и её муж Павел Андреевич. Оба одеты как для торжественного приёма или визита. Она — в строгом вечернем платье; он — в костюме и лаковых полуботинках. Оба лежат на спине, руки по швам. Спят.

Но вот старинные часы во всём доме громкой разноголосицей начинают бить полночь, за оконным стеклом пронзительно кричит в полёте ночная птица — и супруги одновременно открывают глаза.

— Пора... — на одной мёртвой ноте произносит Гималайский. Они легко, не шевельнувшись, принимают вертикальное положение. Стоящая у тлеющего камина кочерга летит в руки Павла Андреевича; Людмила оказывается сидящей верхом на длинной метле. Окно распахивается, и супруги-призраки один за другим вылетают в сумрак ночи.

Набрав высоту, они видят позади яркие огни Москвы с кремлёвской звездой посередине, а внизу под собой — тёмный лес. Поднявшись ещё выше, устремляются на север.

Теперь под ними темнота с редкими, поблёскивающими кое-где огоньками. Скорость полёта уже такая, что от встречного ветра глаза слезятся, а волосы, будто сделанные из проволоки, топорщатся назад.

Вот они уже миновали Ленинград, раскинувшийся пёстрым

светящимся ковром, и начали понемногу снижаться.

Посреди дремучего леса, залитого молочным туманом, горят костры, выложенные пентаграммой, вокруг которых собираются члены Политбюро. На деревьях кумачовые транспаранты:

Привет участникам 666-го Слёта
ВКП (б) — КПСС — ВКП (б)!

Защитим социалистические завоевания
от происков агентов империализма,
и их внутренних пособников!

Подлетающие со всех сторон на боровах, козлах, в ступах и даже на драконах участники Слёта, приземлившись, раздеваются в сторонке догола, натираются снадобьями и чинно, словно индейские вожди, рассаживаются вокруг костра. Но круг этот умышленно не замкнут: свободное пространство усыпано подушками и цветами. Это место для Председателя.

Гималайский тоже быстро сбрасывает одежду и натирается мазью, похожей на сперму. Людмиле стыдно раздеваться, но муж торопит, и она подчиняется. Она натирается мазью и сразу перестаёт смущаться, наоборот, ей становится легко и приятно.

Но вот, теперь, когда все на местах, из темноты появляется величественная фигура Председателя. Это Змий в образе Сатаны. Над его головой, между длинными рогами, играет пламя. Его руки, сложенные на груди, покрыты шерстью и заканчиваются копытами. Через плечо — орденовая лента с золотом и драгоценными камнями. Он выше всех по меньшей мере на голову.

Улыбаясь торжествующе и зловеще, Председатель становится на подушки и поднимает хвост. Все опускаются на четвереньки и в порядке очереди целуют ему анус. Совершив ритуальный круг, снова садятся на свои места. На лицах угодливые улыбки. Людмила, единственная здесь женщина, незаметно сплёвывает и утирает губы.

Председатель поворачивается и торжественно произносит:
— Товарищи коммунисты! Шестьсот шестьдесят шестой Слёт

Всесоюзной Коммунистической партии большевиков объявляю открытым!

Все дружно встают и устраивают овацию. Выждав с минуту, Председатель делает жест копытом, все смолкают и садятся. К маленькой фанерной трибуне выходит Антропов и читает доклад о возрастающей роли Партии. Изредка его прерывают бурными и продолжительными аплодисментами.

Доклад длинный, непонятный и скучный; Людмила Каримовна начинает клевать носом. Незаметным тычком в бок Гималайский будит жену.

Но вот все доклады закончены, Слёт приступает к самой главной части программы. Над костром подвешивается огромный котёл, и Председатель начинает бросать в кипящую воду подаваемых ему младенцев — будущих врагов советской власти.

Все начинают хлопать, пританцовывать и грубо, неслаженно скандировать:

— Ленин! Партия! Ком-со-мол!..

Они бледные и жирные, с огромными свисающими складками, которые в танце трясутся и колышутся из стороны в сторону.

— А теперь выберем царицу Слёта! — выкрикивает кто-то из актива.

— Царицу! Хотим царицу! — с готовностью подхватывают остальные и начинают скандировать: — Ца-ри-цу! Ца-ри-цу!..

Теперь всё внимание обращено к Людмиле Каримовне; она смущена, ей приятно. Её подводят к Председателю и кладут на жертвенный стол. Почувствовав недоброе, Людмила пытается вывернуться, но её руки и ноги уже крепко привязаны.

— Жертву Председателю! Царицу в жертву Председателю!.. — даёт затравочку подхалим из актива, и все дружно подхватывают.

Некоторое время Сатана, чуть заметно улыбаясь, водит копытом по груди и животу своей соблазнительной жертвы. И вдруг над её чревом несколько раз вздымается и опускается длинный окровавленный нож...

Срывая голос, Людмила Каримовна пронзительно закричала. Её муж спросонок тоже невнятно проголосил и принялся звонить и

звать на помощь. Сбежалась охрана и прислуга, кто-то протянул Людмиле под нос нашатырный спирт. Она вдохнула, широко раскрыла глаза и огляделась. Люди, окружившие кровать, попятились. Павел Андреевич дрожащей рукой тыкал ей в губы чашку с молоком.

Хромов подобрал с пола расколотые наушники, с перепугу оделся и застегнулся на все пуговицы. Поменял бобину и переключил магнитофон на положенную скорость. Наспех перетянул наушники липкой лентой, нахлобучил на голову. В мембранах слышна возня и приглушённые голоса людей. Да сон ли это был?..

Бумеранг

— От него ничего нет,— озабоченно доложил Коршунов, прикрыв за собой дверь кабинета.

Зажмурившись, Владилен Казимирович нервно потёр ладонями лицо. В последние дни его особенно мучили головные боли и хроническая бессонница.

— Я же просил, просил вас никогда не надевать этот галстук...

Не сводя глаз с командира, Коршунов развязал узел, стянул галстук с шеи, запихал его в карман и поправил воротник рубашки.

— Если это необходимо, я готов сам выехать в Ленинград.

— Не надо одолжений. Поехал бы, хочешь или нет... Сейчас важнее другое. Медлить больше нельзя. Завтра донос напишет кто-нибудь ещё, и спасти положение будет труднее. Время «Икс» — седьмое ноября. Концентрацию техники и войск в городах отнесут к подготовке военного парада. Что?..

Коршунов, не издавший до этого ни звука, уверенно подтвердил:

— Очень правильное решение, Владилен Казимирович.

— Да, да... В оставшиеся два месяца придётся много поработать.

Искоса бросая на командира настороженные взгляды, Коршунов занял своё обычное место за пустым совещательным столом и начал неторопливо раскладывать перед собой бумаги.

— Вы нашли кандидатуру для...

— Да, я вас понял, Владилен Казимирович, такой человек есть, с ним уже работают.

— Кто же это?

— Танкист, гвардейский лейтенант, свежий выпускник военного училища.— Понизив голос, Коршунов с расстановкой добавил:

— Сын Павла Александровича Лампасова.

— Не слишком ли это... прямолинейно?

— Наш народ падок на мелодрамы. Интрига хороша. Генсек подлостью и обманом довёл славного генерала Лампасова до самоубийства... Сын мстит за отца. Он убивает тирана и стреляется, смыв своей кровью позор семьи.

— Хм...

— Военным, на которых мы намерены опираться в ближайшие месяцы, это понравится.

Змий подумал, что его референт гораздо хитрее и опаснее, чем он мог предполагать. И он остановил на Коршунове свой долгий и пристальный взгляд.

В селекторе послышался голос дежурного офицера:

— Товарищ генерал-полковник, в здание вошёл капитан Рахметов. Он...

Генерал и его референт живо переглянулись.

— Что-нибудь не так? Ну, говорите!

— У него что-то с лицом...

— Что! Что именно?..

Но в коридоре уже слышались уверенные шаги.

В одну секунду прокрутив возможные объяснения такого поведения Рахметова, его невыход на связь и, в особенности, странное замечание дежурного по поводу его лица, Коршунов сделал молниеносный и единственно правильный в сложившейся ситуации вывод — это не Рахметов... И он украдкой нащупал под пиджаком оружие.

От Змия не ускользнул этот жест, но он сам в эти мгновения понял другое. Референт, в заговоре с Рахметовым, намерены его ликвидировать, чтобы сделаться хозяевами положения... Пристально глядя в растерянные глаза Коршунова, он выдвинул верхний ящик стола, нащупал пистолет и снял курок с предохранителя.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял человек в грязном плаще, с обожжённым лицом и немигающим взглядом. Не произнеся ни слова, он осмотрел кабинет и, найдя глазами генерала, двинулся к нему, одновременно просовывая правую руку за пазуху плаща. Боковым зрением Змий увидел, что референт плавно соскальзывает под совещательный стол.

— Именем Перестройки,— сказал Рахметов, и в тот момент, когда в его руке блеснула рукоятка пистолета, Змий выстрелил ему в голову.

Рахметов отшатнулся, сделал шаг назад, но устоял на ногах. В середине лба у него появилась тёмно-красная дырочка, в глазах — растерянность.

Змий вышел из-за стола и в упор выпустил ему в лицо ещё две пули.

Раскидывая руки и роняя пистолет, Рахметов повалился на спину. Склонившись над ним и остервенело тыкая дулом в грудь, Змий всадил в мертвеца всё, что оставалось в обойме.

Щёлкнув несколько раз пустым затвором, он медленно распрямился. Его лицо было багровым, он хрипло и тяжело дышал, мокрые волосы спутались на лбу.

На шум сбежалась охрана. Материализовавшись в самой гуще событий, Коршунов хлопотал больше всех и даже помог вынести тело из кабинета. Потом он ходил по кабинету, бессмысленно двигал мебель и что-то взволнованно бормотал.

— Почему вы не стреляли? — холодно произнёс, не глядя на него, Змий, и Коршунов осёкся на полуслове.

На несколько мгновений сделалось очень тихо.

— Сердце... прихватило. Товарищ г...генерал.

— Значит, вы больны?

— Да... то есть, нет... мне уже лучше, товарищ г...генерал.

— Чем же вы лечитесь?

Коршунов беззвучно подёрнул дрожащими губами.

— Почему вы молчите? — Змий поднялся из-за стола.

Коршунов отступил.

— Стоять!!! — заорал Змий так, что задребезжали стёкла, и снял

со стелы тяжёлый кожаный хлыст с золочёной рукояткой, подарок Министра сельского хозяйства.

Не подчинившись, референт быстро обошёл стол и направился к выходу. Увидев такой манёвр, Змий в два прыжка отрезал ему путь, и в следующую секунду тишину кабинета прорезал неожиданный звук, более уместный на скотном дворе.

Удар был настолько силен, что Коршунов повалился грудью на стол. Пиджак на спине разошёлся, наружу проступила набивка и легкомысленная подкладочная ткань.

Следующий полоснул его по ногам и, захлестнув тоненьким хвостом, рассёк кожу на внутренней стороне ляжки. Крича и умоляя, референт принялся бегать по кабинету. Но тщетно: рассекавший воздух со страшным свистом, бич настигал его повсюду.

Шоссе в никуда

Прошёл месяц. Дождливый октябрьским утром с территории «графской» дачи выехала чёрная «Волга». Солдаты охраны отдали проезжающим честь, стальные ворота медленно затворились.

— Паша,— проговорила Людмила Каримовна,— мне опять снилась какая-то гадость. У меня плохое предчувствие.

— Ну что опять, дорогая...

— Брось всё и поедем во Францию; в посольстве снова открылась вакансия.

— Антропов не отпустит, я тебе уже говорил. Силы в Политбюро фифти-фифти, сейчас многое решается кто есть ху...

— Отпустит. Если доктор Травмберг скажет, то отпустит. У тебя будто бы нервное истощение и всё такое. Если хочешь, я сама займусь.

— погоди, Люда, сейчас не время. Я должен поддержать Антропова на Пленуме. Ты знаешь... даже не знаю, стоит ли говорить... Ну хорошо. В последнее время,— Павел Андреевич понизил голос,— он даёт мне понять, кто именно будет его преемником.

С минуту Людмила молча смотрела на стремительно скользящее за лобовым стеклом залитое туманной моросью асфальтовое

Шоссе.

— Ты мне раньше этого не говорил.

— Это важно?

— Да... Франция подождёт. Но мне теперь особенно необходимо побеседовать с доктором Травмбергом. С глазу на глаз.

— Не надо, я уже побеседовал. Юра протянет не больше года. Надувая щёки и вскинув брови, Людмила шумно выдохнула.

— Черненко?..

— Если на Пленуме всё получится, о нём можно будет не вспоминать.

— Паша, а вы что, хотите капитализм делать?

Гималайского от этих слов передёрнуло:

— Люда, ну что ты говоришь! Какой капитализм? Ты смотри, где-нибудь не ляпни... Разве так можно?

— Что же вы делать будете?

— Ну ничего, ничего такого экстраординарного. Так, критика сталинизма, кооперативы, дадим людям немного заработать...

— А дальше?

— Реабилитируем Сахарова, Солженицина... Больше гласности.

— А ещё дальше?

— Будет видно. Но ты не думай, главное в нашем деле — ни на шаг от ленинских принципов. Будем укреплять партийную организацию.

— Ничего вы больше не укрепите, никаких принципов. Неужели это не понятно? Как только разрешите частную собственность, всему конец.

— Ну что ты говоришь, Люда, почему конец?

— А кому вы будете нужны? Сумасшедшим старухам и лентяям, разучившимся работать?

— Ну уж ты так не перегибай. Дай бог, всё будет правильно.

— Дай-то бог.

Машина стремительно мчалась по мокрому шоссе, а супруги в задумчивости смотрели вперёд, в скрытую за пеленой дождя туманную перспективу...

Неожиданно с ними поравнялся мотоциклист в глухом шлеме с чёрным блестящим на дожде стеклом. Он заглянул внутрь салона

и с пчелиным гудением умчался вперёд, быстро скрывшись из виду.

Павел Андреевич заёрзал, ощутив, как у него почему-то похолодело в затылке. Впервые в жизни его обуяло такой силы тревожное предчувствие.

Светящаяся дорожка спидометра в кабине водителя показывала сто двадцать километров в час. Никогда раньше Павел Андреевич не задумывался, что такая скорость, особенно в дождливую погоду, может быть опасной.

Впереди, на встречной полосе, из-за спуска выплыл похожий на летучий Голландец и огромный как пятиэтажка «Камаз».

Стиснув руку своего супруга, Людмила прошептала, а затем вдруг забилась и закричала:

— Остановите машину!.. Остановите машину!!!

Заслонивший собою небо и землю «Камаз» резко вильнул на встречную полосу, и крепко державшие друг друга за руки супруги увидели, как тяжёлый, гружёный бетонными плитами грузовик, лишь только слегка вздрогнув от удара, подмял под себя, словно игрушечную, их чёрную «Волгу» и протащил ещё метров сто комок рассыпающегося, искорёженного металла по асфальту.

Из кабины спустился человек, запрыгнул на заднее сидение развернувшегося мотоцикла и уже на ходу надел на голову глухой шлем с затемнённым стеклом. Потом всё загорелось.

* * *

— Что ж, иногда бывает и более эффектно,— услышали супруги приятный голос. Обернувшись, они увидели ангела. Он приветливо улыбался, плавно помахивая огромными лебедиными крыльями.— Как самочувствие?..

А самочувствие было необыкновенным, на душе легко и приятно. Исчезли боли, волнения и страхи, всё прояснилось. Они уже поднялись так высоко, что проплывали над облаками, и солнце ослепительно расцвечивало под ними белоснежное пуховое облако. А вверху было удивительной глубины тёмно-синее небо.

— Для начала вам нужно кое с кем переговорить... — сказал ангел.— Следуйте за мной.

И они полетели.

«Остановите машину!!!», затем короткий пронзительный крик, щелчок и тишина. Коршунов медленно стащил с головы наушники и выключил магнитофон. Сидевший в сторонке на стуле подполковник Хромов поднялся. Референт явился в аппаратную час назад и без объяснений занял его место в кресле за пультом. Теперь он наконец обратил внимание на бессменного дежурного и устало произнёс:

— Теперь всё. Хромов, могу вас обрадовать: объект снят с прослушивания, вы свободны.

Скрипнув сапогами, Хромов переступил с ноги на ногу.

— Кстати, вы давно подполковник? — поинтересовался Коршунов, снимая бобину с магнитофона.

— Четыре месяца.

— Рискну дать вам дружеский совет: шейте папаху. А чтобы жена не завидовала, пообещайте ей каракулевую шубу. У вашей жены есть каракулевая шуба?

— Никак нет.

— Да-да... — Коршунов, повернулся к выходу.— Прощайте.

— Служу Советскому Союзу! — оглушительно отрапортовал Хромов, вскинув руку под козырёк.

Коршунов вздрогнул, замер и оглянулся.

— Проветрили бы вы здесь, что ли... — сказал он, рассеянно потянув носом.— Вольно.

Хромов опустил руку.

— Кстати, не покидайте Москву. Вы можете понадобиться. Человек с вашим допуском секретности может рассчитывать на дальнейшую успешную карьеру в непосредственной близости от Владилена Казимировича. Вы меня понимаете?..

И референт, многозначительно кивнув, удалился. А Хромов ещё несколько минут стоял не шелохнувшись, с выражением верноподданнического восторга на небритом, опухшем от ночных дежурств, лице.

До часа «Икс» оставалось менее трёх недель.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как Дима Котов подписал документ, налагавший на него весьма неприятные обязательства

В конце сентября Дима получил наконец достаточно вразумительный ответ на все туманные намёки и недомолвки, имевшие место во время его посещения горкома комсомола. Для этого понадобился ещё один визит и пара-тройка миллионов клеток, скончавшихся внутри его головы от нервного перенапряжения.

В целом ситуация была такова.

Котов и его ансамбль «Обводный канал» пользовались уже нешуточной популярностью: их узнавали на улице, в популярной молодёжной газете появилась обличительная статья «Сколько тузов в колоде «ОК», намекавшая на доходы от левых концертов группы. У Котова возле парадной вечерами паслись смазливые девчонки — стоило только протянуть руку. За неполный год у группы вышли два магнитофонных альбома (оба концертные) с фотообложками, на которых помимо эффектно снятых участников группы с умными или загадочными выражениями на лицах (36-я попытка), значились названия песен и имена исполнителей:

АНДРЕЙ ОСИПОВ — УДАРНЫЕ

ВАДИМ ЛИСОВСКИЙ — КЛАВИШИ, ВОКАЛ

ВАЛЕНТИН СТЕПАНОВ — ГИТАРА, ЛИД. ВОКАЛ

ДМИТРИЙ КОТОВ — БАС, ВОКАЛ.

Автор музыки и текстов — ДМИТРИЙ КОТОВ.

Первый альбом назывался «Good-bye Америка», второй — «Группа крови».

Мастерство исполнения, оригинальность и разнообразие материала, смелые двусмысленные тексты, а также котовские

репризы в перерывах между композициями снискали группе славу как в интеллигентском андеграунде, так и в народе. К уже почти поверившему в собственную гениальность Котову нет-нет, да и закрадывалась мысль о выходе на мировой уровень. Для этого было бы достаточно позаимствовать из второй половины 80-х парочку убойных хитов — из тех, что потом звучат десятилетиями...

С момента первого визита Котова в горком ВЛКСМ прошёл месяц, и вот Потехин позвонил снова с настойчивой просьбой быть у него на следующий день. «Для тебя есть приятные новости», — сказал он. Ну как тут отказаться?

В кабинете всё было по-прежнему, за исключением того, что Потехин теперь сидел на месте безликого Владимира, на стуле, а Владимир — на месте Потехина, за письменным столом.

— Дима, молодец что пришёл, рад тебя видеть, — Потехин шагнул навстречу и пожал руку.

Владимир тоже поднялся и, перегнувшись через стол, с улыбкой протянул руку. Потом все расселись, Потехин посмотрел на Владимира, тот кивнул.

— Мы вас рекомендуем для поездки на фестиваль Молодёжи и студентов в Северную Корею.

Это был осязаемый и приятный удар. Как ни крути, Корея — заграница. Это могли быть их первые заграничные гастроли.

Потехин и Владимир внимательно следили за котовской реакцией.

— А когда надо ехать? — спросил Дима.

— Ты прямо сразу и ехать хочешь, — заулыбался Потехин. — Не так всё просто. Сначала надо пройти отборочные туры... А комиссия смотрит и на идеологическое содержание, и на внешний вид... Но я тебе скажу по секрету, что очень, очень многое зависит от нашей рекомендации. Если мы кого-то рекомендуем — без вопросов.

— Значит, вы нас рекомендуете?

— Лично я рекомендую. Но последнее слово всё равно будет за... куратором.

Он повернулся к молчавшему до сих пор Владимиру.

— Сейчас поговорим...

Потехин извинился и вышел по своим делам.

Оставшиеся некоторое время молча смотрели друг на друга. Потом Владимир достал из внутреннего кармана пиджака тёмно-красную книжечку, раскрыл её и несколько секунд подержал у Димы перед глазами. Тот ничего не успел разглядеть, кроме фотографии и фамилии.

— Лейтенант Соколов, Комитет Государственной безопасности.

— Очень приятно,— пролепетал Дима.

— Хорошо, что приятно. Надеюсь, разговор у нас получится.

В годы перестройки Дима читал и слышал о том, как в годы застоя органы вербовали себе стукачей. В общем, он был готов к такому повороту дела. Но в какой именно форме поступает обычно предложение о «сотрудничестве» не знал и ожидал этого с некоторым интересом. При этом он совершенно не представлял, как поведёт себя в данной ситуации.

Сначала Владимир дотошно расспрашивал Котова о каждом в отдельности участнике «Обводного канала». При этом он вытягивал не только факты, но и предполагаемые модели поведения его товарищей в заданной ситуации. «Допустим, что у Степанова заболит ребёнок. Он сможет бросить ансамбль перед выездом на гастроль?» — «Не знаю. Хотя, вряд ли...»

Котов отвечал, не задумываясь. Только уже потом, вспоминая подробности, он понял, что каждый вопрос — продуманная ловушка. Лейтенанта Соколова не интересовал вопрос целостности группы; ему нужно было понять, сможет ли Степанов бросить семью и остаться за кордоном.

Часа через полтора, к великому облегчению Котова, начинавшего уже заговариваться, вопросы были исчерпаны. Владимир подвёл итог:

— Хорошо, ладно. Я вижу, вы ребята надёжные. Можно положиться. С некоторыми другими хуже...

— А кто ещё поедет?

— Вот это мы и пытаемся решить. Уже точно поедут «Земляне»,

«Верасы» и «Автограф», а остальные... не знаю. Народ очень ненадёжный: и верующие, и диссиденты, и наркоманы... Комсомолу легко рекомендовать, а спросят в конечном счёте с нас. А много нас?... — Соколов посмотрел на Диму честными глазами.

«Вот оно»,— подумал Дима, начиная понимать.

— Мы ведь не можем приставить сотрудника к каждому выезжающему за границу. На это ни у какого государства ни людей, ни денег не хватит. Вся надежда на таких сознательных парней как ты, Дима. Поможешь?..

Владимир с надеждой посмотрел в котовские глаза, и ответить «нет» в таком контексте было бы неприлично.

«В принципе,— подумал он,— пусть лучше я буду у них числиться своим, чем кто-то другой будет следить за каждым моим шагом. Буду говорить им только то, что всем и так известно, пусть фиксируют,— в конечном счёте они же и останутся в дураках...»

Всё это промелькнуло у Димы в голове за три секунды. Он пожал плечами и сказал:

— А что делать-то надо?

Расставались они почти друзьями. Котов подписал документ, в котором давал обязательство сотрудничать с органами КГБ, не разглашать информацию и получил агентурную кличку «Алексей».

На прощание Владимир крепко пожал ему руку и пообещал позвонить. Когда Котов наконец выбрался на свежий воздух, в голове у него царил полнейшая неразбериха.

— Ну как? — спросил вошедший в кабинет Потехин.

— Всегда бы так работать.

— В Москве «Воскресение» и «Машину времени» зарубили.

— Да и чёрт с ними,— Соколов поднялся и щёлкнул замками дипломата.— Пускай по подвалам сидят, если родину не любят. Пошли обедать.

«Так ведь я уже...» — чуть не сказал Потехин, но передумал.

Вернувшись домой, Дима лёг на кровать и пролежал, глядя в потолок, до самого вечера. Только здесь, в спокойной обстановке, до него дошло, что теперь он не такой как все, что падение его юридически оформлено и скреплено его собственноручной подписью.

Самое обидное было в том, как легко его поддели на крючок. Не купили, не запугали, а просто попросили. И у него не хватило твёрдости отказаться.

Время от времени Котова охватывало чувство страха от неправимости того, что случилось: проклятая подписка о сотрудничестве с КГБ была навечно подшита к его личному делу, и кто знает, не явится ли она когда-нибудь достоянием всеобщей гласности?..

«По крайней мере,— твёрдо решил для себя Котов,— больше они от меня ничего не получат. Никаких донесений — ни настоящих, ни липовых.»

Чувствуя себя девицей, которую заманили и над которой жестоко надругались, Дима ощутил потребность излить кому-нибудь своё горе. Или, хотя бы, не оставаться одному.

Дима включил в розетку молчавший телефон и позвонил Степанову.

— Чем занят?

— С работы пришёл, щи хлебаю.

— Ко мне подтянешься?

— Ещё что-нибудь разучивать? Не по кайфу что-то сегодня.

— Просто выпить.

— Так бы сразу и говорил. Что брать?..

Минут через сорок Степанов принёс четыре бутылки портвейна. Первые две выпили, глядя в телевизор, в почти полном молчании. Открыв третью, Котов заговорил:

— Слушай, у тебя были какие-нибудь дела с ГБ?

Подумав немного, Степанов ответил:

— На заводе в Особом отделе давал расписку о неразглашении. Давно, ещё когда оформлялся.

— Нет, это не в счёт. Клянись, что никому не расскажешь.

И он рассказал всё, что с ним сегодня произошло.

Реакция Степанова была спокойной и даже ободряющей.

— Это хорошо, что ты в залупу не полез. Правильно поступил.

— Ты думаешь?..

— Кому-то надо было. Иначе, прощай гитара. Могли бы и посадить. Лёху Романова из «Воскресения» чуть не посадили. Будто бы за левые концерты.

— Получается, что я за всех отдуваюсь! — повеселел Котов.

Степанов разлил, и они чокнулись.

Время «Икс»

Седьмого ноября 1983 года страна Советов отмечала 66-ю годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции. За несколько дней до начала торжеств столица была до неузнаваемости разукрашена флагами, гирляндами, кумачовыми полотнищами и портретами членов Политбюро. Портреты развешивались в ряд на стенах домов, и каждый из них заслонял несколько окон жилых квартир. Некоторые полотна с изображениями основоположников — Маркса, Энгельса и Ленина — растягивали на всю высоту фасада — от кромки жестяной крыши до асфальта и крепили на специальный сборный каркас.

В этот день включали уличные громкоговорители, и с раннего утра повсюду гремела бодрая, приподнятая музыка. Возле предприятий собирались в колонны демонстранты, и молодым вручали под расписку праздничную бутафорию: фанерные щиты на палках с наклеенными портретами всё тех же мудрых и спокойных лиц членов, растяжки во всю ширину колонны, раскрашенные пенопластовые символы — звёзды, гербы, серпы и молоты. Гроб в натуральную величину с надписью «Капитализм».

В центре на каждом шагу стояли торговки самодельными леденцами на палочках, раскидаями на резинках, шариками и пронзительно скрипящими канифолью вертушками.

Хозяйки суетились на своих кухнях, сооружая к прибытию гостей или домочадцев праздничную закуску. А из комнат, из телеви-

зионных ящиков, уже были слышны первые звуки военного парада...

В торжественной тишине над Красной площадью разносится сигнал горна, и командующий парадом маршал Гречко, стоя на «Чайке» с открытым верхом, начинает объезд построенных для торжественного марша служащих различных родов войск.

Машина плавно тормозит перед строем, и командующий выкрикивает:

— Здравствуйте-товарищи-танкисты!.. (десантники, ракетчики, курсанты...)

Наступает напряжённая тишина — для отсчёта и глубокого вдоха — и невнятный раскатистый рёв тысяч голосов чеканит скороговорку:

— Здравия-желаю-товарищ-командующий!..

— Поздравляю вас с шестьдесят шестой годовщиной Великой Октябрьской Социалистической Революции!

Пауза.

— Ура-а-а!...

Оркестр играет «Встречный марш», машина плавно трогается к следующему подразделению. Протяжное «ура» звучит вслед ему многократно.

Но вот объезд закончен, и маршал докладывает о готовности министру Обороны. Затем разносится общая команда «К торжественному маршу!», и начинается военный парад.

Вздёрнув подбородки и равняясь на трибуну Мавзолея, по площади ровными колоннами маршируют курсанты военных училищ. Десятки тысяч ног одновременно печатают шаг отполированными сапогами, пряжки и пуговицы сверкают на солнце, всех переполняет гордость и волнение, земля подрагивает.

А на трибуне Мавзолея, за гранитным поребриком, стоят ОНИ, мудрые и недостижимые. В центре — Юрий Владимирович Андропов, рядом, по правую руку от него, министр Обороны Устинов. Они держат руки «под козырёк». Члены Политбюро — Черненко, Гришин, Романов. Тихонов. Лукьянов. Воротников... — все как один в мехо

вых шапках-лодочках. От долгого стояния на одном месте слегка переминаются.

Пехота прошла, и оркестр замолкает.

После непродолжительной паузы слышится нарастающий рокот движущейся техники. Сначала через площадь ровными рядами проходят открытые боевые машины пехоты. Стоящее на каждой машине отделение солдат равняется на трибуну, командир отдаёт честь.

Следом движутся тяжёлые бронетранспортёры на толстых резиновых протекторах.

А вот уже посерьёзнее: лязгая траками по брусчатке, на площадь выползают танки.

Вся техника — загляденье. Наружные части свежевыкрашенны, каждый узел механизма вычищен новобранцами до аптекарских нормативов.

Тяжёлые танки с солидным урчанием и лязганьем проходили мимо трибуны, а слева уже показались головные машины войск ракетной артиллерии — тягачи с гигантскими, поражавшими воображение не только детей, но и взрослых, муляжами межконтинентальных ракет.

Юрий Владимирович с гордостью наслаждался этим величественным зрелищем.

Но вот что-то не вписывающееся во всеобщий единообразный порядок заставило Антропова сначала стрельнуть глазами, а потом внимательно посмотреть на площадь перед Мавзолеем.

И сразу стало понятно, в чём дело: один из танков в дальнем ряду уходящей колонны заглох и остановился. Какой конфуз...

Антропов покосился на Устинова, в глубине души наслаждаясь десятикратным смятением министра обороны... Но что-то необычное в выражении его лица заставило генсека вздрогнуть и вновь обратиться к месту происшествия. Волна пока ещё не осознанной тревоги подкатила к его горлу.

Башня танка медленно повернулась в сторону трибуны.

Это ещё ровным счётом ничего не значило: возможно, что командир просто выполнял какие-то технические манёвры, связанные с восстановлением способности движения машины

Ствол приподнялся до уровня подбородка Юрия Владимировича и замер.

Теперь всё встало на свои места. Страх больше не было. Он уже не чувствовал своего тела, и в сознании за один миг пронеслась вся его жизнь.

...Вот небритый отец склоняется над колыбелью. От него пахнет всегда табаком и сивухой. Ребёнок плачет, и мать выгоняет его на улицу. Учительница что-то пишет на доске — о Родине и о Коммунистической партии, а Юрик видит только её бёдра и лифчик под кофтой, туго обтягивающий пухлую спину. Первая эякуляция, сразившая его прямо на уроке... Зачёты, шпаргалки, комсомол, партия, ответственный пост. Разбор персонального дела лучшего друга на партсобрании. Служба в органах, крики инакомыслящих на допросах... Венерическая болезнь, новое высокое назначение... Преждевременная смерть бровастого звездуна, самое высокое назначение. Смерть Лампасова, смерть Гималайского, смерть... его?

Рядом послышались крики и удаляющийся топот.

В тот же момент оружие танка, содрогнувшись, произвело выстрел.

Броневой снаряд ударил по трибуне, и на том месте, где стоял Юрий Владимирович Антропов, осталось зиять отверстие. Сквозь дым из него пробивались огоньки пламени.

На несколько мгновений всё замерло: люди на площади, птицы в лесах, домохозяйка, стоящая вполборота у плиты...

Первыми опомнились натасканные оперативники в штатском, находившиеся повсюду. Они бросились к танку и окружили его плотным кольцом, не понимая, что делать. Глухой, но отчётливый хлопок, донёсшийся из-под брони, в котором все безошибочно угадали пистолетный выстрел, вывел их из затруднения.

— Готов, застрелился,— дрожа от волнения, проговорил старший группы.— Смирнов, Полищук, тащите его наружу.

Через люк выволокли тело молоденького офицера с погонями лейтенанта и положили на каменную брусчатку площади. В руке офицера был зажат пистолет, из дырочки в виске сочилась кровь. На лице трупа застыло выражение самоотверженного подвига;

это был недавний выпускник военного училища, отличник боевой и политической подготовки лейтенант Лампасов.

Прибыли машины скорой помощи и пожарные. Санитары вынесли с трибуны не успевших выбежать пострадавших, пожарные залили пеной языки пламени.

Ступившим первыми в Мавзолей представилась чудовищная картина: в разбитом саркофаге, на месте расплавившейся восковой головы вождя, лежала голова Антропова. Его тело, засыпанное обломками стены и залитое пеной, осталось на трибуне.

— Внимание, работают все радиостанции Советского Союза! — разнеслось над площадью.— Передаём чрезвычайное сообщение. Всем гражданам Союза Советских Социалистических республик предписывается немедленно вернуться в свои жилища по месту постоянной или временной прописки. Военнослужащим и сотрудникам МВД прибыть в расположение своих частей согласно действиям по тревоге. Через сорок пять минут прекратить всякие передвижения, специальным подразделениям начать патрулирование.

Вечером того же дня было распространено сообщение, текст которого раз за разом, с перебивками классической музыки, зачитывали дикторы телевидения и радио.

«Товарищи. Граждане Союза Советских Социалистических Республик. Сегодня, седьмого ноября 1983 года, в девять часов тридцать шесть минут, врагами Коммунистической партии и советского народа во время военного парада на Красной площади столицы нашей Родины, городе Москва, был злодейски убит Генеральный Секретарь Коммунистической партии Советского Союза, председатель Верховного совета Союза Советских Социалистических Республик Юрий Владимирович Антропов.

Органами государственной безопасности и внутренних дел раскрыт заговор сети антинародных организаций, развернувших подрывную, террористическую и шпионскую деятельность под руководством западных спецслужб.

Конечной целью этих организаций являлось свержение социалистического строя, развал Союза и последующая империалистиче-

ская агрессия. Большинство этих организаций раскрыто уже сегодня. Их ждёт суровый суд и справедливая кара нашего народа. Тысячи заговорщиков арестованы, оперативная работа продолжается.

В связи с активизацией внутренних и внешних врагов, в экстренном порядке создан Чрезвычайный Комитет Государственной Безопасности, которым избран Президент, наделённый расширенными полномочиями.

Сегодняшнего дня, седьмого ноября 1983 года, Президентом СССР становится генерал-полковник Змий Владилен Казимирович, ранее занимавший должность председателя Комитета Государственной безопасности СССР.

В связи с введённым на неопределённое время чрезвычайным положением в стране, президент получает расширенные чрезвычайные полномочия с правом:

- издавать и отменять Указы;
- казнить и миловать;
- объявлять военную мобилизацию;
- назначать на партийные, военные и государственные должности, равно как и снимать с этих должностей...»

Ниже следовали ещё несколько десятков пунктов основных прав Президента и первые приказы. С девяти вечера до пяти утра на всей территории страны вводился комендантский час. За шпионаж и вредительство патрулям предписывался расстрел на месте. Опоздание на работу приравнивалось к саботажу.

По случаю смерти Генерального Секретаря объявлялся трёхдневный траур.

Оглушённая и растерянная страна замерла в тревожном ожидании дальнейших событий.

Дружба-комсомол

Нещадно палило солнце и, несмотря на глубокую осень, дневная температура временами доходила до тридцати градусов в тени. Дима сидел в своём маленьком двухместном номере с зашторен-

ным жалюзи окном, потел и пил апельсиновый сок из холодильника.

Вчерашний финальный концерт прошёл «на ура»: публика с одинаковыми маленькими лицами устроила выступавшему последним номером «Обводному каналу» настоящую овацию.

Потом на сцену вышли все участники фестиваля, и овации перешли в дружное скандирование. Одетые в жёлтые фестивальные майки корейцы вместе с гостями фестиваля, поднявшись с мест и взявшись за руки, выкрикивали на ломаном русском:

— Дрюж-ба! Дрюж-ба! Ком-со-мол!..

Участники на сцене тоже подняли сцепленные руки и скандировали. Прячась за спинами и испытывая неловкость, Котов беззвучно шевелил губами. Его рука сжимала дёргающуюся над головой влажную ладонь Лены Чебриковой — заместительницы Потехина и его, Котова, с некоторых пор, любовницы.

С Леной Чебриковой, девушкой высокой и стройной, он познакомился ещё в Ленинграде, во время последнего отборочного тура. Тогда был конец сентября, за окном шёл дождь, и на душе было гадко. Время от времени звонил Владимир, мягко настаивал на встрече, и где-нибудь на отдалённой скамеечке Михайловского сада происходил очередной инструктаж.

Владимир показывал Котову фотографии некоторых участников фестиваля, просил запомнить и во время поездки по возможности войти в доверительные отношения. Это было столь отвратительно, что неправдоподобно. Дима односложно выдавливал из себя «да» или «нет», отворачивался и поглядывал на часы.

Расставшись с Владимиром, он пытался мысленно стряхнуть с себя неприятный эпизод, напивался со Степановым, но выговориться больше не решался, накапливая в себе обиду.

Лена Чебрикова появилась в личной жизни Котова уже накануне отъезда в Северную Корею, хотя в качестве заместителя Потехина по культуре уже давно мелькала на горизонте. До Димы доходили слухи, а может быть сплетни, что она племянница очень большого человека из ЦК и что её имел едва ли не весь мужской состав горкома ВЛКСМ.

На самом деле Лена имела связь не со всеми, а только с теми, кого хотела сама. Можно даже сказать, что не мужчины имели её, а она сама их имела. Она была девушка достаточно волевая и знала себе цену. Так, например, на неоднократные предложения руки и сердца от расчётливого Владимира она отговаривалась злыми шуточками и даже пригрозила разжаловать его в рядовые.

Иногда, конечно, случалась, по её собственному выражению «потеря бдительности», когда пьяные оргии в бане-бассейне толкали комсомольских работников на неразборчивые связи. Но участники были поголовно женаты, а потому много не болтали. Развёрнутую информацию на эту тему (с видеоматериалом) имел Владимир, для которого каждый из участников уже давно и подробно писал отчёты — о том, что знал, слышал, догадывался или предполагал.

На работе в горкоме комсомола Лена Чебрикова ровным счётом ничего не делала. Она потому и числилась в заместителях, отказавшись от высоких столичных должностей в ЦК ВЛКСМ, что здесь у неё было всё, кроме забот. Дядя впоследствии обещал ей подходящую партию на выбор, можно с заграничной перспективой. Но Лена замуж не торопилась, ей было хорошо и так.

В 82-м, с появлением Ленинградского рок-клуба, когда комсомол получил задание присмотреться к тусовке, Лена стала появляться на концертах, и вскоре завораживающий дух нашего, русскоязычного рок-н-ролла захватил её и увлёк за собой.

Лена Чебрикова и Котов первый раз встретились в кабинете у Потехина, и Дима сразу почувствовал на себе пристальный, оценивающий взгляд стройной девушки, комсомольского работника. В тот раз Лена не произнесла ни слова, и в конце короткого делового свидания только слегка кивнула головой, встретившись всё тем же пристальным взглядом с глазами Котова.

Раньше Дима и не подозревал о существовании у Потехина девушки заместителя. Сам Потехин имел болезненно ревнивую супругу с двумя его детьми, которая, наслушавшись сплетен от доброжелателей, не спускала с него глаз, сопровождая его везде, где только можно, или учиняла домашние допросы с личным осмотром и обнюхиванием.

Как Котову вскоре удалось выяснить, от желания этой девушки

зависело очень многое, в том числе поездка группы на фестиваль — поездка, ради которой он формально сделался стукачом.

Вскоре неожиданно представился случай познакомиться с Леной Чебриковой поближе. Настолько близко, что ближе, наверное, при имевшихся обстоятельствах было бы трудно.

Незадолго до отъезда в Северную Корею, когда все вопросы, казалось, были решены, позвонил Потехин и сообщил, что он, по семейным обстоятельствам, поехать не сможет. Ленинградскую делегацию будет представлять Лена Чебрикова. Он попросил зайти на другой день в горком, чтобы обсудить некоторые, связанные с внезапной перестановкой, вопросы. Как выяснилось позже, Потехин не пробил места в составе делегации для своей супруги, и она его одного просто не отпустила.

Когда Дима ступил на порог знакомого кабинета, Лена не ограничилась кивком или взглядом, а поднялась, шагнула навстречу и с улыбкой протянула руку. Потехин, напрочь потерявший интерес к фестивалю Молодёжи и студентов, торопился на совещание. Бросив на ходу несколько фраз, он удалился.

Оставшись вдвоём, Лена и Котов некоторое время молча курили, бросая друг на друга ещё не вполне определившиеся взгляды. Репутация высокопоставленной девушки комсомолки разжигала в котовском воображении любопытство, смешанное с оттенком физического интереса. Он поглядывал на её обтягивающие джинсы и приталенную рубашу, подчёркивающие очень хорошую фигуру, и отчётливо ощущал, как физический интерес начинает волновать его больше, чем общественный.

Чтобы совсем не молчать, Дима время от времени задавал ненужные вопросы, а Лена, делая вид, что поглощена креплением к стене новых агитплакатов, рассеянно отвечала.

— Помоги, пожалуйста,— сказала она, оказавшись рядом с сидящим на стуле Котовым.

Дима встал и оказался лицом к лицу с Леной. Так близко, что слегка коснулся её груди и ощутил дыхание. Но Лена не отступила назад. Их взгляды встретились, всенамеки и недоговорённости остались в прошлом. Дыхание её участилось, грудь приблизилась к нему вплотную. Дима обнял девушку за послушную талию, прижал

к себе, и они слились в чувственном поцелуе, который перешёл в каскад страстных ласк, уже бессознательных, на уровне первой и самой сильной волны желания.

Но вот Дима ощутил, как руки Лены Чебриковой сомкнулись у него на поясе, расстегнули и вытянули из брючных петель конец ремня, расстегнулась пуговица ширинки и поехала вниз молния. Вельветовые джинсы упали на пол, а неуверенные, такие женственные пальчики уже плавно спускали с него трусы. Лена опустилась на колени, обняла его за бёдра...

С портрета хитро шурился Владимир Ильич, который, зачем-то подумал Дима, никогда не позволял себе ничего подобного.

Идеалогическая диверсия

— Дрыхнешь, Котяра?..

Дима поднял голову и осоловело уставился на стоявшего над ним Степанова. Тот держал в руке свёрнутую трубочкой местную газету. Похоже, Степанов только что треснул его этой газетой по голове. А что это за слово такое — Котяра? Ему и в голову не приходило, что можно так обратиться. Все тут начинают понемногу сходить с ума.

— Видал свою рожу? — Степанов развернул газету, и Котов действительно увидел на последней странице серию фотографий, где, среди прочих эпизодов финала и торжественного закрытия фестиваля, было и его лицо, снятое крупным планом. Из других членов ансамбля в кадр попали только локоть барабанщика и ухо Степанова.

Газетный оттиск был довольно поганого качества: у Димы был такой вид, как у найденного по весне утопленника. Совершенно непонятно — радоваться или огорчаться такому подарку...

— Жаль, что по-корейски,— сказал Степанов.— Интересно, про нас что-нибудь написано?

— У Сунь Ли спроси, она прочитает.

Котов сел на кровати и протёр глаза.

Сунь Ли была их переводчица, студентка института Междуна-

родных отношений имени Патриса Лумумбы. Не дождавшись реакции заторможенного Степанова, он сам снял трубку гостиничного телефона и накрутил две цифры.

— Алло, Сунь? Здравствуй, дорогая! Из ансамбля «Обводный канал» беспокоят. Зайди к нам, пожалуйста, на минуточку... Да, в четырнадцатый. Ага, спасибо.

В ожидании переводчицы Степанов открыл новую банку сока из холодильника, а Дима, свернув трубочкой драгоценную газету, устроил охоту на мух. Он уже так возненавидел этих не дававших ему покоя насекомых, что каждое удачное попадание, вид прихлопнутой и корчившейся в собственных внутренностях мухи доставлял ему садистское удовлетворение.

Наконец в дверь осторожно постучались, и в комнату зашла миниатюрная и немного туповатая переводчица.

— Слава руководителю! — сказал Котов.

— Здравствуйте, мальчики,— ответила Сунь Ли, не поняв Котова или не расслышав.

— Прочитай пожалуйста, что тут про нас написано,— Котов расправил газету и протянул её переводчице.

Несколько минут девушка сосредоточенно читала заметку, потом подняла глаза и заговорила:

— Здесь очень холосо написано. О том, что в ансамбле участвуют лутьсие комсомольцы своего района, отличники учёбы, боевой и политической подготовки. Занимающа общественной работой, готовятся вступать в ряды капээсэса. Ребята поют о дружбе, о любви к своей великой стране, о комсомоле и о преданности коммунистическим идеалам. Так... В конце тут написано, что у себя дома вы будете всем рассказывать о великих достижениях нашего корейского народа под руководством великого Вождя и Учителя, отца всех народов товарища Ким Ир Сена.

Сунь Ли радостно смотрела на Котова и Степанова.

— Холосо написано, правда?

Беззвучно шевеля губами, Степанов произнёс, по всей видимости, длинное матерное ругательство.

— Позалуйста повтори, я не поняла.

— Не надо,— отрезал Котов.— Холосо, холосо написано. Так ты

говоришь... О любви к великому руководителю?

Сунь Ли стала с начала пересказывать содержание заметки. Котов и Степанов закурили.

— Ну хорошо, хорошо, иди,— Котов растянул губы в улыбке.

Перед тем как вернуть газету, Сунь Ли повернула её, чтобы взглянуть на передовицу, и вдруг улыбка слетела с её лица.

На передовице, как и положено, красовалось фото Великого Руководителя с приподнятой для приветствия рукой. Склонившись над газетой через плечо переводчицы, Дима увидел причину столь резкой перемены. Лицо Руководителя, данное крупным планом, его рука и крупно набранный текст — всё было испещрено грязно-красными пятнами раздавленных мух.

Что-то рассеянно пробормотав, Дима потянул газету к себе.

Но тут произошла неприятная неожиданность: Сунь Ли не отпустила газету. Схватившись за неё ещё крепче, двумя руками, она стала молча тянуть газету на себя.

Ещё не до конца оценив ситуацию, Дима, подчиняясь какому-то инстинкту, силой вырвал газету из рук девушки, оставив в её стиснутых пальцах два клочка бумаги.

— Ты что? — прикрикнул Дима, разорвал газету, зашёл в туалет, бросил и спустил воду.— Туалетная бумага кончилась? С твоей задницей и этого хватит.

Сунь бросила на пол оставшиеся в пальцах клочки и вдруг, неприятно изменившись в лице, заговорила:

— Вы нехорошие ребята. Вы не должны были так делать. Идите сейчас же к Владимиру Петровичу и расскажите ему. Вы обидели нашего Учителя, обидели наш народ. Вам не место в комсомоле, не место в нашей стране. Я буду говорить с вашим начальником, я буду говорить с начальником вашего начальника...

Не дожидаясь окончания этой идиотской белиберды, находившийся на пределе Степанов развернул её за плечи и выставил из номера. Щёлкнув замком, он продул папиросу и выматерился наконец от души, вслух.

А Сунь Ли, простояв несколько секунд за дверью в неподвижности, тоже что-то выразительно проговорила на своём языке и быстрыми решительными шажками удалилась в сторону комнаты

Владимира, куратора питерской делегации, в которого она, кстати сказать, была тайно влюблена.

— Да,— отметил Котов,— это штучка... Ты сам-то откуда появился?

— Провёл разведку, насчёт местной «орбиты».

— Ну и как оно... тут?

— Вот, выменял часы на какую-то дрянь... — Степанов достал из спортивной сумки две плетёные бутылки.— Механические здесь в цене. А это у них что-то вроде рисовой самогонки. Продешевил, конечно, хер с ним, праздник всё-таки.

— Какой праздник?

— Так это... Седьмое ноября. Завтра, то есть.

— Ах да! Верно! Только ты убери, не афишируй.

— Чебрикова придёт?

— Валя, ты не обижайся, сам понимаешь...

Последнее означало то, что во время пребывания советской делегации в Пхеньяне группа «Обводный канал» располагалась в двух номерах гостиницы «Ленин». Осипов с Лисовским и Котов со Степановым. А поскольку у Котова время от времени, точнее, почти каждую ночь, оставалась Лена Чебрикова, Степанов был вынужден уходить к друзьям, где ему стелили на полу.

Позывные Родины

— Чего ты там Сунь Ли сегодня наговорил? — спросила Лена Чебрикова, когда любовники утолили первую волну страсти.

— А что такого? — нехотя пробурчал в подушку лежавший на животе Котов.

— Думать надо немножко, вот что такого. Эта дура побежала к Вовочке докладывать.

— Да пошла она на х...

— На х... не на х..., а вони будет достаточно. Понеслось говно по трубам. Будем приносить извинения от имени всей деле-

гации.

— Фиг с ним, завтра уезжаем.

— А это до отъезда придётся сделать.

Котов промолчал.

— Ладно, так и быть,— потрепала Лена его по затылку.— Поговорю с Вовочкой, он всё уладит.

Котов потянулся к приёмнику и стал ловить «Маяк» — единственную русскоязычную станцию, которую можно было нащарить на коротких волнах. Здесь была ночь, а в Москве только десятый час вечера.

...ВРАГАМИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО НАРОДА ВО ВРЕМЯ ВОЕННОГО ПАРАДА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В ДЕВЯТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ МИНУТ БЫЛ ЗЛОДЕЙСКИ УБИТ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА...

Словно обухом по голове ударил чеканный голос диктора, пробившийся сквозь эфирные помехи.

— Что?!...!

Любовники мгновенно просохли и подскочили. Лена прибавила громкость.

...СВЕРЖЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОЯ, РАЗВАЛ СОЮЗА И ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ. БОЛЬШИНСТВО ЭТИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РАСКРЫТО УЖЕ СЕГОДНЯ...

Цепенея от ужаса, они выслушали чрезвычайное сообщение. После полного повтора из динамика зазвучала симфоническая музыка. Говорить было не о чем. Котов достал сигареты, закурил и почему-то подумал о Сунь Ли и о своём привилегированном статусе доносчика.

— Пойдём к ребятам,— сказала Лена и потянулась за одеждой.

В гостиничном коридоре они встретились с Сунь Ли.

— Сецяс передавали, сто у вас в стране большая беда,— обратилась она только к Лене Чебриковой. Так, как будто сообщала о смерти её родителей.

— Беда, Сунь, беда... — рассеянно ответила Лена, не остановившись.

За круглым столом, в своё номере, сидели участники группы

и пили принесённый Степановым рисовый самогон.

— Слышали? — с порога спросил Котов.

— Комендант в обходе? — бдительно отозвался Лисовский.

Уже под утро Лена Чебрикова, возбуждённая лошадиной дозой тёплого спиртного, утащила Котова в номер. Степанов и Лисовский героически допивали остатки, а потом спали за грязным столом, уронив головы на руки. Свесившись через подоконник первого этажа, Осипов блевал на клумбу. Рыканье льва разносилось в тишине душной азиатской ночи.

Восьмого ноября 1983 года, в три часа дня, с Пхеньянского аэродрома, сверкнув на солнце, взмыл в небо серебристый лайнер ТУ-134, унося на своём борту полный состав советской делегации фестиваля Молодёжи и студентов. Усталые, полные впечатлений и растерянные, ребята возвращались в Москву. Как встретит их переменившаяся за сутки родная земля?..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Весна

Близится конец этой печальной истории.

Зимой 1983-1984 гг. произошло в основном два глобальных события: а) в стране установилась диктатура; б) Вера снова села на иглу. Не могу сказать точно, какая из этих двух катастроф вышибла меня из седла, возможно, вторая, но в итоге я принял для себя един-

ственно подлое и трусливое решение.

В понедельник 14 мая 1984 года, ближе к полудню, я вышел из дома. В городе, называвшемся теперь Петроградом, уже затих праздничный угар. Рабочие на подъёмных вышках демонтировали каркасы с транспарантами. На улицах было пустынно: новый режим не поощрял прогулки в рабочее время. У меня в кармане лежал пропуск с пометкой о суточном графике.

В спортивном магазине на Литейном... то есть, на проспекте им. Вышинского, я выбрал себе резиновую лодку с насосом, несколько удочек и вместительный рюкзак. Обогащённый этими покупками, я вернулся домой.

Вера ещё не приходила. Она не появлялась уже вторые сутки.

Я втиснул в рюкзак всё необходимое вместе с лодкой, надел приличествующие рыболову сапоги и штормовку, смотал удочки и сел за стол перед чистым листом бумаги. Я должен был написать как минимум две записки. Официальную, для властей, и личную — для моей всё ещё жены.

Через час по солнечной стороне бывшего Лиговского, а ныне проспекта им. товарища Когановича, в сторону метро бодро шагал бородатый рыболов-любитель с большим рюкзаком за спиной и связкой удочек в руке.

На Выборгском (б. Финляндском) вокзале у меня проверили документы скучающие милиционеры. Суточная работа в котельной? Правильно, парень, катись отсюда подальше, на свежий воздух.

Электричка на Петрокрепость.

В вагонах безлюдно, смотрю в окно на мелькающие деревья, огороды и тёмно-серые покосившиеся домишки. В голове тоже бесвязное мельтешение. Полтора часа проходят незаметно.

Выхожу на конечной станции, до берега Ладожского озера рукой подать. Вот устье Невы, на острове — крепость «Орешек». Надо пройти берегом как можно дальше, иначе унесёт...

Часа три ковыляю по камням, то и дело присаживаясь перекурить.

Но вот я уже на порядочном расстоянии от селений, вокруг ни души. Редкие кусты, всё тот же каменистый берег, чайки, сгнившая опрокинутая лодка. Времени — десятый час.

Я разобрал рюкзак, начал лодку и уложил на дно вещи. Всё готово. Нет, вот ещё что... Я подобрал увесистый булыжник и сунул в рюкзак. Теперь всё.

Забравшись выше колен в холодную воду, я оттолкнулся и плюхнулся животом в лодку. Подождал пока она отплывёт на несколько метров, уселся как полагается и начал загребать воду коротенькими вёслами.

Через час берег превратился в тонкую, едва различимую полосу. Уходящее за горизонт солнце заволокло тучами, стало совсем темно, задул ветер. Стремительно пронесившиеся надо мной чайки тревожно кричали, по свинцовой поверхности воды пробежало волнение, похожее на стаю голодных зверьков.

Я сидел в крошечной лодке — один в центре большой, но искусственно созданной и враждебной вселенной, между небом и землёй. Мне было страшно и холодно. Медлить больше не хотелось.

Я вынул из рюкзака пакет с раствором и шприцами, приготовил две дозы.

Озеро приходило в волнение, лодку начинало раскачивать, и я поспешил сделать первую инъекцию.

Кровь, насыщенная наркотиком, быстро обволокла мозг, доставляя ему непередаваемое наслаждение. «Как всё хорошо складывается», — подумал я.

Затянув ремни рюкзака с лежащим в нём булыжником, я отмотал кусок лески, прихватил ею рюкзак, лодку за бортовые ремни и самого себя за пояс. Концы хорошенько связал. Теперь всё это хозяйство пойдёт на дно. Вот рыбы посмеются!..

Мне стало смешно, и я затрясся от приступа смеха.

Только минут через пять, утерев слёзы, я смог взять в руки второй шприц. Я зажал его в кулаке и воткнул в ляжку прямо через брюки. Другой ладонью я накрыл шприц сверху и плавно ввёл в мышечные ткани смертельное содержимое.

Теперь можно расслабиться.

Удобно откинувшись на дне лодки, я прикрыл глаза.

Передо мной закувыркалась пёстрая круговерть пережитых событий, лица и голоса не то людей, не то персонажей...

Нет! Ещё не всё...

Напрягшись, я широко раскрыл глаза. В тёмном небе ветер рвал клочья облаков, рокот волн мешался с пронзительными криками чаек, холодные брызги дождя липли к лицу.

Да-да, ещё не всё, необходимо сосредоточиться...

Я приподнял всё ещё зажатый в кулаке пустой шприц и несколько раз слабо опустил его на тугой борт лодки.

Теперь всё.

Отбросив шприц, я поплыл куда-то так стремительно, что едва успел захлопнуть глаза.

Из записок Веры Дансевой

В этот день я вернулась домой поздно вечером. Двое суток на игле — будто волшебный сон. И не нужно оправданий, когда всё вокруг катится под откос.

Войдя в комнату, сразу увидела на столе лист бумаги.

«Вера, попытайся прочесть эти несколько строк и уничтожь записку. Думаю, тебе стало ясно, какую ошибку мы совершили, очертя голову ввязавшись в эту фантастическую авантюру. Сегодня я сделаю трусливую попытку отыграть обратно. Что последует за моей смертью — не знаю, хотя, по логике вещей, я должен вернуться в 88-й. Рядом лежит записка, которую ты можешь предъявить властям. До свидания?»

В другой записке.

«Я устал от бесконечных скандалов. Уезжаю работать на Крайний Север. Забудь и прощай. Борис.»

Ну не дурак ли?

Теперь и меня здесь ничего не удерживает. Нужно предложить Котову, но он где-то на гастролях. И вообще, вроде бы, неплохо устроился. Петрушка?.. Господи, он же вообще ни при чём, как мысли путаются...

А мне не нужно писать записку. Та, что лежит на столе, всё объясняет. Муж бросил жену-наркоманку. Нервный срыв, передозировка... Похоже, мы ничего не приобрели и ничего не потеряли.

А этот мир... Пускай он катится дальше, в самую преисподнюю.

Возвращение

Я открыл глаза и увидел Иванова. Мы сидели за угловым столом пивного бара «Бочонок», и нас было четверо: я, Иванов, Вера и Котов. А где Петрушка? Вот он идёт, с пивом. Всё тот же запах, как будто за это время ничего не изменилось. За какое время? Что произошло?..

— Что?..

Иванов оторвал руки от лица и поднял глаза.

— Вы пива просили,— сказал Петрушка.

— Ах, да, спасибо.

Вера смотрела на меня и молча курила. Котов так же молча цедил пиво, подолгу не отрывая от губ щербатую кружку. Похоже, это было на самом деле. А то уже кончилось. И я снова здесь... и все остальные тоже, и Вера...

— Ты... давно здесь? — обратился я почему-то к Котову.

— Минут пять. А ты только что.

— А ты когда... оттуда?

— Потом, после тебя. То есть, потом, гораздо позднее. Я вообще еле успел вписаться.

В глазах Котова я заметил несвойственную ему печаль.

— Вера, а ты?

— В тот же день. Наверное, вместе с тобой.

— Почему? — светлячок неясно замаячил в потёмках.

— Не из-за тебя. Из-за себя.

Светлячок потух.

— Какое сегодня число? — обратилась Вера к Иванову.

— Второе сентября 1988 года. Ей-богу, опять чувствую себя виноватым. Хотите пару-тройку дельных советов?

— Говорите, я послушаюсь вашего совета.

— Постарайтесь в точности всё запомнить.

Вера перестала курить и сосредоточилась, глядя Иванову

прямо в глаза. Точные инструкции — больше, чем совет.

Иванов оглянулся и поспешно заговорил:

— Ты разделишь спрятанную в квартире дозу на несколько равных частей. Так, чтобы можно было сносно себя чувствовать пару дней. Завтра вечером отправишься поездом в город Красный Холм на Валдае. Послезавтра, в пять часов вечера, будь на четвёртой скамейке в сквере у Собора, справа от входа. К тебе подсядет женщина и заведёт разговор. Расскажи ей всё и положишься на неё.

— Я всё сделаю,— сказала Вера.

Гуманоид оглянулся в сторону гардероба и заговорил с ещё большей поспешностью.

— Дима Котов. С тобой всё проще. Из тех денег, которые остались на книжке, дай тысячу рублей Попцовой, заведующей нежилым фондом. Будет хорошее полуподвальное помещение. Двадцать тысяч ссуды — и всё пойдёт как по маслу.

— Какого рода коммерция? — поинтересовался Котов.

— В девяностых будет хорошо продаваться звукозапись. Будешь воровать музыку — сначала с винила, потом с цифровых дисков. Начинать сейчас — самое время.

Котов кивнул но ничуть не повеселел.

— А сейчас подумай вот о чём: девушку, которая умерла там из-за тебя, твою жену, пока ещё несложно найти здесь.

Качнув стол и с грохотом опрокинув пустые кружки, Котов вскочил с места. Услышав про жену, все мы с удивлением на него посмотрели.

— Вот и всё, теперь мне действительно пора,— Иванов нервно потёр ладонями лицо.

Со стороны входа послышался шум.

— Сидите, это за мной.

В зале появились санитары, те самые. Нет, пожалуй, совсем другие. Здоровые, прямо великаны. Как будто под халатами щитки для игры в американский футбол. Опередив санитаров, перед нашим столом из воздуха появился щуплый милиционер с погонами военного прапорщика. По этим погонам я догадался, что и милиционер, и санитары — всё липа.

— Порядочек нарушаем? — милиционер вскинул два пальца под козырёк фуражки

Он повернулся к Иванову и заговорил с ним, не раскрывая рта:
— Не пытайтесь и на этот раз скрыться, все уровни заблокированы.

— Паршивая у вас работа, гончие псы,— печально улыбнулся Иванов.— Я мог уйти ещё четыре минуты назад — через резервный на сорок девятом уровне.

Милиционер вынул из кармана приборчик, нажал несколько кнопок и поморщился:

— У него там фальшивая заслонка. Почему остался?

Не удостоив «пса» ответом, Иванов протянул ему руку. На запястье тотчас захлопнулся мерцающий браслет. Через минуту от входа отъехала машина «скорой помощи».

Окружившие нас зеваки и пьяницы полезли с вопросами. Мы встали и вышли на улицу.

А Петрушка так ничего и не понял.

Эпилог

На другой день Вера уехала в Красный Холм.

До вечера слонялась по городу, сделав последнюю инъекцию слабого раствора. Если теперь ничего не произойдёт, она останется в чужом городе наедине с тяжелейшими ломками.

К указанной Ивановым скамейке она пришла за час до назначенного времени, курила и поглядывала то на золочёные кресты куполов, то на голубей, попрошайничавших у её ног.

Начинало смеркаться, холодный ветер продувал девушку насквозь, прихожане поглядывали на её сигарету укоризненно. Наконец Вера почувствовала себя окончательно скверно и расплакалась. И тогда она увидела рядом с собой ту самую женщину. Она узнала её сразу, как только увидела.

Сестра Анастасия, как звали прихожанку, оставила девушку жить у себя. Первые две недели Вера провела в адовых муках отвыкания от наркотиков «холодным» способом, предоставив душе и телу самим бороться с дьявольским недугом. Она обливалась потом, брела, кричала и плакала. Её дверь открылась, и Анаста

сия, не отходившая от девушки ни днём ни ночью, окуривала воздух благовонными снадобьями. Вокруг кровати собирались верующие и молились за облегчение её страданий.

По истечении десяти суток всё кончилось. Вера увидела мир другими глазами. За время агонии, показавшееся ей вечностью, она многое поняла, почувствовала и переоценила. Теперь она знала, как жить дальше.

Котов зарегистрировал свою частную студию звукозаписи, которая стала расти и расширяться, опутав сетью ларьков весь город. Летом 1989-го он закатил невиданную свадьбу, арендовав на трое суток плавучий ресторан. Откуда взялась его невеста, мы ещё не знали.

Вообще-то, что касается четырёх лет, проведённых Котовым там без нас, это отдельный разговор. В течение по крайней мере года я скрупулёзно вытягивал из него информацию буквально по крупицам, не упуская ни единой возможности поговорить с ним наедине. То, чего он не мог знать сам, я дописывал воображением или, если хватало фактов, прорсчитывал.

Вскоре после котовской свадьбы мы узнали, что Вера Дансева, уже не имевшая ничего общего с той Верой, которую мы знали, вышла замуж за молодого священника. Они живут за городом, в мире и согласии, умело работают на своей земле и ждут прибавления семейства.

Примерно в это же время, в стенах городской венерической больницы, в страшных мучениях уходил из жизни Алексей Бугаев, он же Банан. СПИД сделал его похожим на полуразложившийся труп. Только водянистые, с гнойной поволокой глаза всё ещё изредка вспыхивали огнём бессильной ярости.

Однажды я случайно встретил Попова. Он давно бросил свои оккультные увлечения, вспомнил свою первую профессию и устроился работать в Эрмитаж реставратором. Человек он невероятно проницательный и о чём-то таком догадывается. Думаю, наши объяснения впереди.

И последнее. Я не берусь судить, до какой степени реален был мир, в котором я пробыл без малого один год и семь месяцев и который, возможно, благодаря моему присутствию, принял уродливые формы, а затем перестал существовать. Но, по крайней мере, двух человек он сделал счастливыми в этой жизни. Пусть это послужит

мне оправданием.

Книга третья

ГОРОД

Вся власть в руках с ума сошедших бесов!..

Юрий Морозов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В Городе. Среда, 24 августа 71 года Н. Э. (1988 Р. Х.) Десять дней до конца света

Вагонетка дрогнула и, плавно тронувшись с места, покатилась под уклон в мерцающую тусклыми фонарями трубу тоннеля. Когда она разогналась до быстроты курьерского поезда, уклон постепенно выровнялся, заработали электрические двигатели. В маленькой комфортабельной кабине находился председатель НКВД СССР Феликс Петрович Коршунов. Откинувшись в кресле и прикрыв глаза, он пытался задремать, но обрывки мыслей противными ключьями липли к нему, не давая расслабиться.

Прошло часа полтора, вагонетка замедлила ход, взметнулись вверх и захлопнулись позади шлюзовые перегородки. Открылось пространство подсвеченного грота, винт вспенил воду, и амфибия скользнула в чрево широкого каменного свода. Пространство было освещено четырьмя светящимися шарами, дающими не только свет, но и тепло. Речка, носившая название Ахеронт, огибала скалистое плато Асфодолового луга и терялась за поворотом.

Большую часть плато занимали высаженные в выдолбленных клумбах древовидные папоротники, цветы, плодовые кусты и деревья. По берегам обогреваемых бассейнов, раскинув хвосты, раз

гуливали павлины. Крикливые попугаи перелетали с ветки на ветку.

Феликса Петровича встречали дежурный офицер Окунь и главный инженер Мерехлюдин. Дежурный прошлёпал строевым шагом и прокричал:

— Здравия желаю, товарищ командующий Городом!

— Вольно.

Коршунов пожал руку инженеру, и они неторопливо двинулись по шлифованной каменной дорожке.

Гигантский подземный грот имел два основных источника жизни — подземную реку, носившую название Ахеронт, и зелёную оранжерею. Ахеронт нёс поток чистой артезианской воды, просочившейся сквозь толщу естественных фильтров. Напитав Город и обогатившись его отходами, река уходила в трубу и терялась в многочисленных расщелинах и колодцах естественного происхождения. Длинная, как московское метро, закольцованная оранжерея с зелёными насаждениями давала еду и кислород. В насыпном грунте цвели сады, огороды и густой многокилометровый ельник.

В распоряжении персонала были отличные спортивные площадки, бассейны, дискотека и кинотеатр. В свободное от работы время любой мог кататься на лодке, собирать грибы и ягоды в извилистых тропинках ельника или удить рыбу в питомнике.

Первое правило Устава запрещало какую-либо связь с верхним миром. Единственный кабель, уложенный вдоль трубы, по которой с Городом сообщался Коршунов, служил для связи с его мобильным телефоном.

Турбина, вращавшаяся от речного потока, давала Городу электричество.

На ещё более значительной глубине находилось созданное природой пространство, гигантский пузырь с минусовой температурой. Сама собой пришла идея направить туда отвод Ахеронта, который менее чем за год образовал ледяной монолит, обеспечив Город водой на сотню лет вперёд. Огромные запасы провизии в вакуумных упаковках складировались в этом естественном холодильнике. Однако уже теперь для питания вполне хватало произрастающих в галерее даров природы и рыбы, разводимой

в питомнике. Решался вопрос о возможности разведения кур и кроликов.

История Города началась с Миши Альтшуллера — счастливой находки, гордости и неиссякаемого источника головной боли. Коршунов узнал, что некий юноша в лаборатории ВПК близок к разработке нового сверхмощного лазера. И тогда возник план спрятанного глубоко в толще Земли гигантского бункера, который позволит пережить атомную или бактериологическую войну. О том, что война скоро начнётся, Коршунов не сомневался.

Завладев талантливым юношей и охмурив его посулами, Феликс Петрович приступил к осуществлению своей идеи. Первый тоннель, прорезанный лучом в южном направлении от Петрограда, сочли бесперспективным ввиду рыхлости пород и недостатка воды. Работы были приостановлены.

Получив известие о наличии пустот и воды в глубинах скальных пород Карельского перешейка, Коршунов решил идти по кратчайшему пути. Задействовав военных, он отгородил участок и прожёл несколько вертикальных колодцев. Просторный грот и подземная река на расстоянии километра от поверхности ему понравились.

На участок начали свозить строительные материалы, подъёмники непрерывно двигались вверх-вниз, под руководством Мерехлюдина работали солдаты и специалисты.

Через девять месяцев всё было готово. Вертикальную шахту залили бетоном, присыпали землёй и засадили лесом. От «полигона для секретных испытаний» не осталось и следа. Теперь из Петрограда в Город вёл только один двухсоткилометровый тоннель, труба, которая принадлежала лично Коршунову и которая начиналась прямо в его рабочем кабинете.

Изобретение Альтшуллером дешёвого и сверхмощного лазера было технически объяснимо. Другое дело, что на его рабочем столе вот уже год крутилась маленькая игрушечная ветряная мельница, вечный двигатель. Мерехлюдин называл это гнусным мошенничеством, Коршунов не торопился с выводами.

— Здорово, Кулибин,— сказал Мерехлюдин сидевшему за ком-

пьютером молодому человеку.

«Кулибин» и бровью не повёл.

— Опять придуривается, Феликс Петрович. Сейчас я ему электричество вырублю...

Молодой человек неохотно покосился в сторону вошедших.

— Слушай, ну чего тебе здесь не хватает? — завёл старую песенку Мерехлюдин.— Ну чего ты всё время нарываешься? Хотя бы к командующему Городом ты можешь относиться с уважением? Он тебя из грязи вытащил...

— А, Феликс Петрович здесь? Моё почтение, не заметил вас сразу.

— Ничего, ничего, сидите.

— Кстати, Мерехлюдин, откуда вас вытащили? Вы же труп. Вас, если не ошибаюсь, два года назад расстреляли. Я даже не вижу смысла с вами разговаривать.

— Тьфу!..— отвернулся Мерехлюдин.

Коршунов всё ещё стоял к ним спиной, то придерживая, то отпуская пальцами крылья маленькой, непостижимым образом вертящейся, мельницы.

— Недавно я попросил вас об одной маленькой услуге,— не унимался Альтшуллер.— С таким бы успехом я мог бы обратиться к вашей покойной бабушке. Я всего-навсего попросил вас достать сучку для моего Геркулеса. У него, вероятно, в отличии от вас, имеются здоровые потребности в общении с противоположным полом. (Мерехлюдин побагровел.) Благородное животное растёт, развивается — почему, за что оно должно испытывать такие жестокие лишения?

— Лишения? — Мерехлюдин взял изобретателя за воротник и начал душить.— Ты узнаешь, что такое жестокие лишения...

Альтшуллер, задыхаясь, потянулся к ножницам, и Феликс Петрович поторопился вмешаться. Он шагнул к спорщикам и слегка коснулся руки Мерехлюдина. Тот сразу выпустил воротник. Альтшуллер взял листок бумаги и принялся вырезать ножницами чёртика.

— Как вам не стыдно, взрослые люди. Особенно вы, генерал, научитесь выдержке. А вы, Михаил Оттович, не переживайте. Я сам, лично, доставлю для вас самочку... То есть, разумеется, для вашей

такты.

— Благодарю вас, Феликс Петрович.

— Хватит свистеть, как дырявые шланги. Пожмите друг другу руки.

Мерехлюдин послушно, по военному, шагнул к Альтшуллеру и протянул ему руку. Тот милостиво, не поднимаясь с кресла, протянул свою.

— Вот так, отлично. Теперь к делу. Миша, доложите, что удалось за эти дни...

Это был главный вопрос, мучавший в последние месяцы Коршунова, его боль и надежда, разрывавшая его изнутри своей противоречивой сущностью. Философские, религиозные и оккультные беседы на эту тему, консультации у светил, чтение и мучительные раздумья настолько измотали ум и психику Феликса Петровича, что он решил полностью довериться провидению.

Вопрос был действительно скорее философский, нежели научный, и этот вопрос назывался «бессмертие».

Феликс Петрович верил в бессмертие души — хотя бы в согласии с законами природы. «Если где-то убудет, то где-то обязательно прибудет». Он допускал также поддержание сколь угодно долго, в разумных пределах, жизненных сил в органической ткани. Но согласится ли душа вечно пребывать в пределах «бессмертного» тела? Не станет ли бессмертное туловище живым трупом, зомби, которого дёргает за невидимые ниточки дьявол?

Всё началось после того, как возившийся в оранжерее Миша Альтшуллер увлёкся генетикой. Как-то раз, вскользь, он заметил Коршунову, что теоретически допускает существование «гена старения», который не позволяет человеку бесконечно самообновляться. Изъятие этого гена привело бы к тому, что организм сам, сколь угодно долго, поддерживал в себе самую оптимальную физическую форму. Старик в считанные месяцы сделался бы молодым человеком, а ребёнок, достигнув этого оптимального возраста, остался бы уже в нём навсегда.

Услышав такое от человека, у которого на столе вертится пер-

retuum mobile, Коршунов взмок от волнения. Он приказал бросить всё и вплотную заняться этой проблемой.

Вскоре Альтшуллер экспериментально подтвердил правильность своей теории. Едва передвигавшийся от старости лабораторный кролик в считанные недели преобразился в молодое, энергичное животное.

Коршунов потерял голову.

Через пару дней кролик издох, и Коршунов упал духом.

Та же участь, что и кролика, постигла «бессмертную» морскую свинку. Потом была белая мышь, потом зелёная лягушка. Феликс Петрович, едва начиная испытывать эйфорию от успеха, снова падал духом.

Мерехлюдин обвинял Альтшуллера в саботаже, тот пудрил мозги терминологией. Дело не шло.

Вот и сегодня Миша в очередной раз наговорил Коршунову кучу околонуточного вздора, а затем посоветовал не рассчитывать на скорое разрешение проблемы. Когда же он сказал «А вы, Мерехлюдин, тоже хотите вечной молодости?», Феликс Петрович поспешил распрощаться.

Неприятные отношения между Мерехлюдиным и Альтшуллером, в сущности, устраивали Коршунова. Не будь этих периодически возникавших пикировок, гений, слишком хорошо знавший себе цену, мог бы зарваться окончательно в своих требованиях. Он сам выступал в приятной роли доброго дяди и заступника.

Прерванная трапеза

При выходе на Асфоделовый луг командующего и его заместителя встречал толстенький интендант, рядом с которым стоял повар в высоком накрахмаленном колпаке и кокетливо повязанном на шее ярком платочке. Оба приятно улыбались.

— Феликс Петрович! — хлопнул себя по лбу Мерехлюдин.— Обед!.. Шулер проклятый, совсем заморочил голову.

Коршунов посмотрел на часы.

— Товарищ командующий, попробуйте, умоляю,— сложил пухлые ручки интендант.— Рыбный стол... очень оригинальная карта...

Повар сиял как на обложке рекламного проспекта.

— Хорошо, пожалуй,— согласился Коршунов.

Обед подавали в просторной застеклённой веранде с прозрачным полом, нависавшей над фигурным искусственным водопадом с внутренней подсветкой. Интендант, прослуживший двадцать лет в сфере обслуживания верховного командования, исполнял обязанности метрдотеля. Официанты порхали.

— Кулибин этот твой... Шулер... Подавай ему утром свежие яйца всмятку,— пожаловался Мерехлюдин.— Омлет из порошка не жрёт.

Решение по поводу курятника Коршуновым было уже принято. Два специалиста-куровода были приговорены к смертной казни; оборудование, птицы в клетках и прессованные корма — всё это уже дождалось наверху скорейшей отправки.

— Да ладно, бог с ним, с Кулибиным. Ему свой мозг питать надо. С курами веселее. И садовник помёту просил для удобрения... Готовьте помещение в хозяйственном секторе.

На стол подали серебряную супницу.

— Уха из стерляди с шампанским по-царски!

Коршунов пригубил ложку и одобрительно кивнул головой. Он уже научился здесь не есть, а только пробовать.

Окунь хлопнул в ладоши, всё стоявшее на столе исчезло, появилось новое. Началась головокружительная кулинарная чехарда, сопровождаемая вкрадчивыми комментариями.

— Судак маршаль, форель под раковым соусом, кисло-сладкая засахаренная рыба по-китайски,— в жжёном сахаре, пробуйте палочками, пожалуйста... — чилийский суп из угря, чёрная лапша по-японски, клёцки из лангуста по-испански, вьетнамские пирожки тюнь,— это как голубцы, кушайте, пожалуйста... — баба из риса по-марокански, сыр из шампиньонов, спаржа...

— Уф! — сказал Феликс Петрович, откинувшись в кресле.

Вдруг, опустив глаза, он увидел, как на самом гребне водопада, буквально в нескольких метрах от его ног, с камня на камень перебирается человек. Суля по комбинезону, работник технической

службы.

— Что это он ещё вылез... — поморщился Мерехлюдин.— Вот чучело... Проходи, проходи живо! — махнул он рукой.— Ну!..

Однако человек не послушался. Наоборот, он встал под самой верандой, уверенно расставив ноги на двух больших валунах. Внезапно он вскинул из-за спины трубу гранатомёта, положил на плечо, прицелился Коршунову прямо в ноги и выстрелил.

Ещё раньше, за секунду до хлопка, оба прыгнули ласточками за массивную, резного дуба, стойку буфета. Не смотря на своё полноватое телосложение, Мерехлюдин оказался на полу раньше, но как только Феликс Петрович шлёпнулся рядом, накрыл его своим телом.

Грохот и звон сопровождала вспышка пламени, которая подпалила Мерехлюдину волосы на затылке.

Командующий остался цел и невредим, если только не считать пореза на щеке. Но даже и это ранение он получил не в результате взрыва: один из осколков ссыпавшихся со стойки бутылок поранил его в момент падения.

Выступавшая полукругом стеклянная веранда рухнула в воду; уцелели только несущие балки, торчавшие прямо из-под буфетной стойки.

Сам злоумышленник и двое не успевших ничего понять офицантов были убиты взрывом и, вместе с осколками и обломками унесены потоком воды в чёрную неизвестность.

Десять минут спустя Коршунов, не произнося ни звука, садился в кабину вагонетки. Машина была поставлена на рельсы, уже на другом берегу, в малом гроте, возле первой шлюзовой камеры. Интендант Окунь вертелся вокруг него, пытаясь смахнуть щёткой пыль с его костюма. Мерехлюдин стоял на коленях и взывал к милосердию. На его затылке дымилось выжженное огнём нелепое пятно.

— Товарищ командующий... Феликс Петрович, не погуби, вместе росли, вместе претерпели горе и радость... Сегодня же, сейчас все будут допрошены. Сам лично. Загрызу, кишки вырву...

Хлопнула крышка, вагонетка сорвалась с места, взметнулась и упала первая шлюзовая заслонка.

Через несколько минут разогнавшись до предельной скорости вагонетку стало мягко раскачивать на рессорах. Феликса Петровича слегка поташнивало.

В Кремле

Над Москвой сияло полуденное солнце, но день начинался для Президента как всегда муторно. Ночью его донимала бессонница, а после плотного завтрака он почувствовал недомогание и, не дойдя до кабинета, часа полтора проспал на диване, прямо в своей приёмной. Потом ему принесли чай с коньяком, и он выпил. Но ни облегчения, ни опьянения не почувствовал. Словно червячки, его мозг точили нехорошие мысли.

Ещё ни один руководитель не умирал в России естественной смертью. Ни царь, ни император, ни князь, ни Генеральный секретарь. Скорее всего, он не будет исключением. Но от кого первого ждать этого удара? Кто первый решится плести заговор под страхом разоблачения, пыток и ужасной смерти? Для кого жажда власти сильнее страха?..

Коренной слишком глуп. Он сделал карьеру молчаливым послушанием и усердием. Он не посмеет.

Архаров, конечно, человек не глупый и даже где-то местами храбрый... Но он не настолько искущён, чтобы плести заговоры и достаточно умён, чтобы это понимать.

Карклин не рвётся к власти. Он мечтает об одном: сбежать и тратить остаток жизни наворованные деньги. У него много денег, Рубцов прикинул, что не меньше миллиарда... И он давно бы сбежал, если бы не страх, что весь этот мир в любой момент может взлететь в воздух. Пока ядерная кнопка в руках Президента, ни одна крыса не покинет этот корабль, ни одна собака не посмеет тявкнуть на него из-за бугра...

Змий шумно зализывал раздувая ноздри. В голове у него

застучало, глаза заволокло тёмно-красным. Шумно выдвинув ящик стола, он нащупал лекарство, разгрыз капсулу, запил. Готовый взорвать его голову, приступ отступил. В сущности, кто может ему сегодня реально угрожать? Коршунов мог бы занять его место, но он не метит в президенты. Этот человек не согласится на должность, где будет у всех на виду. Плести интриги, прятаться и дёргать за ниточки — это его стихия.

Рубцов зелен, он ещё не созрел для заговоров. У него ещё нет ни друзей, ни врагов, ни единомышленников. Скорее он подсидит Коршунова... это даже не плохо.

Мигнула лампочка, Змей нажал кнопку, в кабинет через потайную дверцу проник его секретарь-референт, четыре года назад занявший место Коршунова. Хилый молодой человек с нездоровой кожей, колючим взглядом и феноменальной памятью.

— Ты прямо мысли читаешь,— сказал ему Владилен Казимирович без тени иронии.— Скажи мне, Лёха, какая у тебя цель в жизни?

— Трудный вопрос, Владилен Казимирович.

— Правильно отвечаешь. Всё равно ни одному слову не поверю. Одни разбойники кругом, смерти моей хотят... Хочешь моей смерти?

— Не хочу, Владилен Казимирович.

— Верю. Пока ещё не хочешь. Потому что из моей руки кормишься. А другие хотят. Они думают, что если меня умиртвят, им от этого лучше будет. А лучше не будет, не будет, веришь мне, Лёха?

— Верю.

— Почему заговоров не раскрываешь? Почему против меня заговоров не раскрываешь, собака? Ты в шпионскую школу просился. А ты докажи сначала, что можешь ещё что-то, кроме своего этого... компьютера. Найди мне заговорщика и расстреляй — лично расстреляй, сам, своей рукой, вон там, у стены, чтобы я отсюда видел. Тогда будет тебе шпионская школа. Полтора месяца, ускоренное обучение. Закончишь с отличием, я знаю. А я тебе в тот же день — полковника.

— Найду, Владилен Казимирович. Своей рукой расстреляю.

— Коршунов тоже был у меня референтом. Десять лет служил

верой и правдой. И сейчас служу. Каждую неделю по заговору стряпает. Там, у себя, в Петрограде. Девяносто девять из ста — такая липа, что читать противно. А этот один, может быть, жизнь мне спас. Понимаешь?

— Понимаю.

— Вот так. Ладно, говори, что у нас.

— Архаров ждёт в приёмной.

— Зачем?

— Будет проситься в отставку. Не отпускайте. У него временная слабость, на почве алкоголизма.

— Дальше.

— Завтра Политбюро на тему новых видов вооружения и оружия сдерживания.

— Что это, напомни.

— Это такое оружие, применить которое нельзя, потому что погибнет весь мир. Но которое может служить фактором угроз и шантажа по отношению к вражескому окружению.

— Знаешь, Лёха, за что я тебя люблю? За то, что ты говоришь всё как есть, без выкрутасов. Знаешь что?.. Давай называть её просто Бомбой. С большой буквы.

— Хорошо, Владилен Казимирович.

— Кто будет выступать?

— Карклин собирается показать вам психодислептический манипулятор, иначе называемый — ПМ-излучатель. Грубо говоря, это направленная электромагнитная бомба. Она, как будто, дала первые неплохие результаты на испытательном полигоне. Зрелище не для слабонервных, но посмотреть стоит. Компактная модель такого оружия могла бы стать хорошим подспорьем в повседневной жизни. Например, для предотвращения беспорядков или публичного наказания виновных.

— Посмотрим. Ладно, приму Архарова. А ты — брысь отсюда. Сиди за дверцей и слушай. Потом — ко мне.

Референт скрылся, а Владилен Казимирович надавил на звонок, соединявший его с приёмной.

— Министр иностранных дел, маршал Архаров! — объявил

дежурный, распахнув створки высоких золочёных дверей.

Змий вышел из-за стола и с приветливым выражением лица двинулся навстречу приятелю. Обнял, взял его за локоть и подвёл к чайному столику, который быстро накрывали девушки в крахмальных чепчиках. Змий налил по рюмочке коньяка, они выпили и стали прихлёбывать чаёк. Поговорили о том о сём.

— Жить бы да других забот не знать,— вздохнул Змий, предлагая тем самым переходить к делу.

Архаров опустил голову.

— Тяжело стало,— заговорил он и показал руки: — Вот, посмотри, ходуном ходят... Нервы никуда.

— А кому легко? — произнёс Змий единственную заготовленную заранее фразу.— Что ты мне руки свои съешь. А если я начну жаловаться? К кому мне идти, если я начну жаловаться?..

— Отпусти меня, Владилен. Пусти на пенсию.

— А хрен тебе в грызло, а не пенсию. Смену, смену давай, смена ещё не выросла! Воспитывать надо, Степаныч, воспитывать, а не водку трескать! Ты что же думаешь, будешь на даче, накрыв морду газетой, кемарить? Тебе пожить хочется... А мне не хочется?! — выкрикнул Змий и шарахнул об стол фарфоровую чашку.

Остатки чая расплескались на лицо и мундир Архарова, но он не посмел поднять руку и утереться.

— Извините,— пробормотал он, опустив глаза.— Извините меня, товарищ генералиссимус. Это была ошибка. Непозволительная слабость. Разрешите приступить к своим обязанностям.

Президент разлил и жестом приказал выпить.

— Завтра Политбюро. Карклин чем-то хочет удивить. Постарайся быть в форме.

— Слово офицера.

— Ну, давай... — Змий протянул руку для прощания, но внезапно привлёк звякнувшего орденами Архарова к себе, прижал к груди, хлопнул по спине и оттолкнул.— Иди.

Смахивая на ходу слезу, маршал удалился из кабинета.

— Слышал? — обратился Змий к появившемуся из своего укрытия Рубцову.— Пожить хочет, сволочь. Может, правда, в расход

его, как ты думаешь?

— Не стоит пока, Владилен Казимирович. Вы с ним хорошо поговорили.

Змий развернул бумажку с порошком, высыпал в глотку и запил минеральной.

— Вот так, Лёха. Каждый такой разговор — день жизни.

Рубцов понимающе склонил голову.

— Ты вот что. К завтрашнему дню подготовь поручения этой компании. Пускай Архаров выносит Ленина из Мавзолея. Это ему будет урок. Коренному поручи новый текст присяги и новую символику. С Коршуновым у меня есть о чём пошепаться. Карклина сначала послушаем.

Рубцов прекрасно всё понял и, получив разрешение, удалился.

Политбюро. Четверг, 25 августа 71 года Н. Э. (1988 Р. Х.) Девять дней до конца света

В назначенное время все пятеро членов Политбюро съехались в благоустроенный, даже с излишней роскошью, сталинский бункер. Он был не первым и не вторым, а потому назывался «Москва — 4». Золото и красное дерево, ковры, хрустальные люстры, античная живопись и скульптура составляли интерьер, единственным зримым недостатком которого были чересчур низкие потолки.

Вокруг овального стола расселись:

— Президент СССР генералиссимус Змий Владилен Казимирович и его референт Рубцов;

— министр иностранных дел и глава внешней разведки маршал Архаров Семён Степанович;

— министр обороны маршал Коренной Фёдор Иванович;

— министр внутренних дел, председатель НКВД СССР маршал Коршунов Феликс Петрович;

— министр экономики, глава военно-промышленного

комплекса (ВПК) Каркин Бруно Вольфович.

Президент приказал Карклину говорить.

— В прошлом году из моей главной лаборатории пропал ведущий специалист по разработке «луча смерти» Альтшуллер Михаил Оттович...

— Вы докладывали, что он погиб во время взрыва реактивов,— заметил Коршунов,— а теперь утверждаете, что он пропал. У нас, в русском языке, это не совсем одинаковые понятия.

— Я знаю русский язык не хуже вас. Да, был взрыв. И пожар. Но там не было Альтшуллера.

— Какое всем нам до этого дело? — сказал Змий.

— Я объясню. Вот, посмотрите. Вот фото из личного дела лаборанта Кочетова, принятого на работу за месяц до происшествия... А это фото из личного дела капитана НКВД Стоянова, подчинённого Феликсу Петровичу...

Змий взглянул на фотографии одного лица, затем поднял глаза на Коршунова.

— Всё объясняется просто,— торопливо заговорил Коршунов.— Капитана Стоянова я устроил в лабораторию для охраны изобретателя. Товарищ Каркин недооценивает возможности врага, что и продемонстрировал в очередной раз на примере этого трагического происшествия.

Змий посмотрел на Каркина:

— Если у вас труп его человека, то где ваш человек? А что если изобретатель находится в руках врага?

Каркин испугался:

— Такое маловероятно, Владилен Казимирович. За год он должен был себя как-нибудь проявить, но в военной доктрине Пентагона не произошло изменений.

— Смотрите как бы в моей доктрине по отношению лично к вам, Бруно Вольфович, не произошло каких-нибудь изменений. Как продвигается разработка ОС?

«Оружием Сдерживания», которое Президент и Рубцов договорились называть Бомбой, в теории был взрыв с непредсказуемой цепной реакцией. То есть, такой реакцией, которая может не остановиться до тех пор, пока не сожрёт всю материю во Вселенной.

Президент не очень хорошо это понимал и настаивал на экспериментах — крошечных взрывах «под микроскопом» в лабораторных условиях. Карклин, как мог, саботировал программу, решив не допустить проведения эксперимента любой ценой.

— Нашупываем, Владилен Казимирович,— ответил он осторожно.— Но я собирался доложить вам об успехах.— Карклин поднялся и повысил голос.— Приглашаю всех вас на ближний полигон для демонстрации психодислептического манипулятора. Излучателя, который заставит врага обратить против себя своё собственное оружие!

— Поясните, что именно вы намерены нам показать.

— Да, да, конечно... — Карклин потёр костлявые руки.— Суть демонстрации в следующем. В небольшой ограждённый участок земли мы поместим опытную группу. Людей различного социального статуса, пола и возраста. Разумеется, приговорённых к смертной казни. Направленный излучатель посылает разного рода команды, суть которых — безоговорочное послушание. Наша задача показать, что абсолютное послушание не имеет предела.

— Не имеет предела? Как это понимать?

— Это понимать так, Владилен Казимирович, что по команде оператора любящая мать перегрызёт горло своему собственному ребёнку.

— Какой ужас.

— Мы можем показать облегчённую программу.

— Не надо, пусть нам продемонстрируют полный спектр возможностей. Как вы полагаете, Карклин, сколько времени займёт разработка карманной модели такого прибора?

— Хм... Думаю, что не менее полугода.

— Хорошо, послезавтра в десять — на ближнем полигоне. Теперь к другим вопросам...

Отпустив сообщников, Змий остался наедине с Коршуновым.

— Где Альтшуллер? — произнёс он после паузы, не предвещавшей ничего хорошего.

— Странно, что вы так легко на это купились... Поверили Карклину только потому, что он первый тявкнул в мою сторону. Но кто

больше всех шумит по поводу пропажи? Разве не сам вор первым начинает хлопотать и возмущаться, наивно полагая, что таким образом отводит от себя подозрения? Само существование Альтшуллера, непредсказуемого изобретателя, служило угрозой его мечте о спокойной старости. Заметьте, как легко внедрился мой человек, этот несчастный погибший лаборант, в систему ВПК. Не выйдет ли так, что Оружием Сдерживания раньше нас завладеет какая-нибудь религиозная секта или исламские фанатики?..

— Чёрт! Что же делать?

— Заставьте Карклина подчиняться мне.

— Он не пойдёт на это.

— Даже под страхом смерти?

— Сбежит, извернётся, исчезнет, провалится в дыру, растворится в воздухе.

— Если он не желает подчиняться сознательно, нужно внушить ему такую потребность.

— «Маяк»?

— Работа близится к концу, Владилен Казимирович.

— Ага...

— В отделе очень талантливые молодые ребята. Думаю, что уже через неделю в эфир можно будет пустить первую установку.

— Что же это будет за установка?

— «Я люблю своего Президента и беспрекословно подчиняюсь своему вышестоящему начальству.»

Змий улыбнулся:

— Карклин.

— Мы сумеем внушить ему любовь к нашему Президенту.

— И послушание...

— И страх...

Ужинали они вместе. Потом в Кремль привезли артистов, которые пели и плясали, а Змий тоже плясал и брызгался шампанским, которое нарочно встряхивал и зажимал большим пальцем. Только под утро Коршунов смог заснуть в своём просторном бронированном вагоне на пути к Петрограду. Пуск системы «Маяк» назначили на третье сентября.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Котов и Петрушка.

Четыре года и сто один день до конца света

25 мая 1984 года Дима Котов вернулся в Ленинград с очередных гастролей. Ещё в ноябре, под шумок государственного переворота, он пропихнул ансамбль в филармонию. Помогли отзывы о высоком идейно-политическом уровне коллектива в корейской печати и старания Лены Чебриковой. Теперь ребята имели от шести до двенадцати рублей за выход и официальный статус. Зима пролетела незаметно. Вечером играли концерт, ночь пьянствовали в гостинице, днём отсыпались. Месяц — как один день.

Вернувшись, он навестил Петрушку. Помянули меня с Верой. Диму подмывало сказать избитое «все там будем». Но в сложившейся ситуации фраза не имела смысла. За истекшие в этом новом мире полтора года он уже не раз по пьяному делу пытался объяснить Петрушке суть происходящего. Но вместо объяснений выходила сбивчивая ахиня — про Иванова, волшебные таблетки, и путешествие во времени.

«А я?» — спрашивал Петрушка.

«А ты там остался», — отвечал Котов.

«Так что же, меня теперь двое?»

«Нет, того сейчас как бы не существует, потому что там — время остановилось. А в ночь со второго на третье сентября 1988 года всё вернётся к прежнему.»

«А пояснее можно?»

А пояснее Котов и сам ничего не понимал. Он только знал, что может вернуться в прежний мир до указанной даты. Что произойдёт после полуночного боя часов второго сентября 1988 года он не

представлял. И у него в запасе оставалось только четыре года, чтобы понять и на что-то решиться.

— Правду говорят, что следующий новый год будем отмечать не как 1985-й, а как 68-й? — спросил Котов.

— Это точно,— подтвердил Петрушка.— Теперь новая эра будет считаться от революции 1917-го года.

— А ещё какие перемены?

— Будто сам не видишь.

— Где ж я могу видеть? Там, в глубинке, вообще как в кино, во время оккупации,— комендатура, патрули, аресты...

— Тише ты,— Петрушка пугливо оглянулся.

— Не бойся, мы одни в квартире,— успокоил его Котов.

— Ничего не значит.

— В каком смысле?

— Я, понимаешь ли, в таком месте работаю...

— В каком месте?

— В очень секретном месте.

— Ладно, забыли. А правда что столица будет в Питере?

— Не знаю... Налей ещё.

— В секретном отделе не заругают?

— Завтра выходной, воскресенье.

— Ну... чтоб земля им пухом.

Котов и Лена Чебрикова

Дома Котов застал Лену Чебрикову. У неё давно уже был собственный ключ и она вела себя здесь по-хозяйски. Она переодевалась в халат, валялась на кровати, трещала по телефону или пила чай на кухне. Сегодня она сидела в верхней одежде и курила.

— Ты чего? — спросил Котов, испугавшись.

— Дима, у тебя крупные неприятности.

— Уже?..

— Скоро будут. Тебе известно, что наши войска десантировались в Африке?

— Когда?

— Два часа назад. Об этом говорят в новостях, не знаю, где ты ходишь.

— В Африке?.. Это не там, где нашли плутоний?

— Ляпни где-нибудь, идиот...

— А что случилось?

Лена молча кивнула на стол. Там была повестка из военкомата. Котов взял её, побледнел и опустился в кресло.

— Ладно, не плачь. Я что-нибудь придумаю.

Дима поднял глаза, полные благодарности и надежды.

Лена прикурила одну сигарету от другой и перешла к делу.

— Осенью, когда всё началось, в горкоме провели чистку.

Те, кто остались, думали только о своей шкуре. Писали доносы, шли по трупам. Полгода не велось никакой работы, шла борьба за выживание на всех уровнях. Только по этой причине никому не было дела до тебя и твоего рока. Выжили самые ядовитые и неприхотливые.

— Потехин остался?

— Потехина больше нет. Вообще больше ничего нет. Есть жизнь, за которую нужно цепляться правдами и неправдами. Нет и никогда не было группы «Обводный канал».

Котов опустил глаза.

— Но возможно, будет какой-нибудь другой ансамбль.

— Какой?

— Такой, который будет исполнять песни советских композиторов.

Такой, который будет называться... ну, хотя бы, «Юность комсомола»... Вот тогда, может быть, заведующая отделом Культуры города... оставит у себя ключи от этой квартиры.

Котов всё понял.

— И даже разрешит порвать эту повестку...

Котов опустился на колени.

Музыка во имя спасения

На другой день Котов собрал «Обводный канал» и объявил о прекращении существования коллектива. А это уже и так было понятно. Затем он объявил об учреждении нового ансамбля — «Невский факел». Когда суть происходящего начала доходить даже до туповатого Степанова, произошло оживление. Открывшиеся перспективы переворачивали картинку обратно с головы на ноги. Скрытые возможности Лены Чебриковой были хорошо известны. Внезапная перемена участи кружила головы.

Вскоре из Москвы пришёл перечень песен, «рекомендованных к исполнению». Были среди них старые, любимые ветеранами, и новые, успевшие поступить в Главный репертуарный отдел от молодых авторов. Котов обратил внимание на имя Александра Марусина. Решив над этим на досуге поразмыслить, он предложил коллективу выбрать десяток песен для первой программы.

Лисовский сразу отметил несколько забытых песен о Сталине композитора Александрова. Каким-то непонятным образом они ему на самом деле очень нравились.

Кроме того, выбрали «Землянку», «Ночь на рейде» и «Лейся песня на просторе».

Ещё Котов предложил включить парочку свежих песен от Марусина — для ассортимента.

Оставалось не ударить в грязь лицом.

Переоценка ценностей

Две недели репетиций не прошли даром. Художественный совет, принимавший программу, аплодировал «Невскому факелу» стоя. Талантливый Лисовский с перепугу вложил в оркестровку столько труда и вдохновенья, что даже песни, навязшие на зубах ещё отцам и дедам, зазвучали свежо и стильно. Раскрасневшаяся

Лена Чебрикова встала первой и аплодировала громче всех. В тот же день документы на «Невский факел» пошли в Москву, а ещё через несколько дней ансамбль получил добро из отдела Культуры ЦК ВЛКСМ. Получив удостоверения Министерства культуры, ребята почувствовали себя неприкасаемыми.

Котов думал о том, что теперь у него за спиной находится поддержка гигантской государственной машины в совокупности всех её механизмов. И когда это чудовище благоволит к тебе, когда оно тебя защищает, всё идёт гладко как по маслу, даже если отбросить вёсла и расслабиться. Ощущение этой невидимой мощи было приятно, невольно хотелось ей угождать. И какой же мелкой казалась теперь популярность убогого андеграунда — когда их только терпели и могли уничтожить одним щелчком, одним движением бровей... Слон и Моська. Но теперь этот Слон знает его, Моську-Котова, и благоволит к нему. Теперь он может пожаловаться Слону, если какая-нибудь сямка из военкомата или даже из органов твякнет на него. Он полезен, его узнают и любят миллионы...

Недремлющее око

Этим июльским днём старший лейтенант Кизяк, вернувшись с обеда, обнаружил на своём месте Зубова. Всегда готовый к неприятностям, он остановился в дверях.

— Собирайтесь,— впервые обратился к нему Зубов на «вы».

Не то в животе, не то в груди у Александра что-то пророкотало. В следующую секунду он пошатнулся. Зубов поднялся, шагнул к нему, взял за плечи и слегка встряхнул.

— Ты что! Я же пошутил. Я хотел сказать, что командир назначил тебя начальником отдела. Понимаешь?..

— А вы?

— А я теперь первый зам.

Кизяк схватил своего однокашника за плечи, посмотрел ему в глаза и сказал:

— Я рад за тебя, Иван.

Зубов улыбнулся.

— Я тоже рад за тебя, Александр. Ведь ты теперь начальник отдела.

— Не посрамлю, обещаю. Слово коммуниста.

— Поднимись к Ежову, он тебя ждёт,— и, немного помедлив Зубов добавил: — товарищ капитан НКВД...

Стукнув на радостях кулаком по столу, Кизяк выбежал из кабинета.

В этот же день Ежов вызвал его к себе.

— Подойдите ближе. Хорошо. У вас неплохие физические данные. Немного худощавы... Голос поставлен, это важно. Зубы, наверно, острые, а?..

— Так точно, зубы здоровые,— смущённо улыбнулся Кизяк.

— Вот тут в вашем деле сказано, что ты продвигался по комсомольской линии... Первый заместитель... А вот тут, совершенно непонятно,— преподаватель физкультуры в интернате для трудновоспитуемых. Как же так?

Кизяк давно уже научился не краснеть, но щека его заметно подёрнулась.

— Не сложились личные отношения с дочерью Первого секретаря обкома, товарищ полковник. Счёл более достойным для себя уехать из города.

«Держится неплохо,— подумал Ежов.— Другой бы на его месте сквозь землю провалился.»

— Пьёте?

— Никак нет. С момента поступления в органы не пью.

— Хорошо. Но цвет лица всё-таки выдаёт. Это уже не смоешь, на всю жизнь.

Кизяк покорно молчал.

— Добросовестный, железная хватка, это хорошо...

Ежов перелистал до конца личное дело, захлопнул и отодвинул папку.

— Ладно, подойди. Ещё ближе.

Кизяк упёрся ляжками в край стола.

— На вот... — Ежов вынул из ящика стола маленькую звёздочку

на погон и, положив перед собой, подтолкнул указательным пальцем.— Ну! Хватай!

Кизяк прихлопнул звёздочку, зажал в кулаке и выпрямился по стойке «смирно».

— Служу Советскому Союзу, товарищ полковник!

— Приказы о назначении и о воинском звании получишь в кадрах. Иди.

Кизяк развернулся на каблуках и, печатая шаг, вышел из кабинета.

Вскоре он принимал дела у Зубова. Когда необходимое было сказано и ключи от кабинета защёлкнулись на карабине нового владельца, Зубов присел и закурил.

— Должен посвятить тебя в одно внутреннее дело. Есть основания полагать, что младший лейтенант Бабаёв сел на иглу.

— Этого... не может быть,— растерянно произнёс Кизяк.— Говорили, что он на больничном...

— Нет у него никакого, к едреней фене, больничного. Оброс щетиной, ходит в парике до плеч, покупает ширево на Маяке. В его отсутствие я произвёл беглый осмотр его квартиры. Ампулы, шприцы, окровавленные клочки ваты. Фонотека забита записями зарубежных рок-ансамблей.

— Бред какой-то.

— Но это не всё. Прослушав его телефонные разговоры за пару дней, я сделал однозначный вывод о гомосексуальной ориентации Григория Бабаёва.

— Что?!

— Что слышал.

— Не может быть... Такой здоровый парень, хохол... Спорт, шахматы, просто образец сотрудника. Я думал, он дослужится до генерала...

— Не дослужится. Он уже ни до чего не дослужится. Посвященными в этот позорный эпизод останутся только трое.

Кизяк сосчитал себя, Зубова и Ежова.

— Трое?..

— Нельзя бросать тень на всю организацию из-за одной паршивой, больной овцы.

Кизяк, наконец, всё понял, и по его спине пробежали

мурашки.

— Я?..— прошептал он испуганно.

Бабаёв

Бабаёв вырос на Украине. Красивый парень, с прямым и честным взглядом. Девчонки влюблялись, а его холодная неприступность разжигала только больше. Никто не мог подумать, что под этой внешностью скрывается одинокая, мечущаяся и бесконечно страдающая душа гомосексуалиста. Океаны желаний перехлёстывались через край и находили выход в общественной деятельности.

Закончив школу, он пошёл служить в армию. Получил специальность радиста и лычки сержанта. Во время дежурств, надев наушники и коротая досуг, он отправлялся в плавание по коротким волнам ночного эфира. Тогда, в 80-м, хеви-метл зацепил его скрытый, но всегда натянутый как струна темперамент.

Незадолго до дембеля старшину Бабаёва вызвал к себе начальник Особого отдела части. После непродолжительной беседы Григорий согласился продолжить службу в рядах комитета Государственной безопасности. Он закончил Высшую школу НКВД, а затем, по иронии судьбы, получил направление в отдел Наркомании, рок-музыки и гомосексуализма Главного управления НКВД г. Петрограда.

Заряд жизненной энергии молодого офицера был столь велик, а документы в личном деле столь безупречны, что состояние его теперь можно было уподобить плотно сжатой стальной пружине, готовой сорваться с упора и в одно мгновение взлететь на недостижимую для других высоту служебной и партийной лестницы...

Бабаёв поселился в освобождённой от прежних жильцов квартире на ул. Ракова (б. Итальянской). Два раза в неделю к нему приходил осведомитель по линии мужского гомосексуализма. Это был высокий голубоглазый блондин из Дома моделей. Он уходил от Григория только ранним утром. Конфискованные кассеты с записями западных рок-ансамблей всегда поддерживали в его квартире атмосферу праздника.

Эти весенние дни, когда окончательно определилось его место в обществе, а работа приносила радость, остались самыми счастливыми в его жизни.

И только по линии наркомании его результаты с трудом дотягивали до средних показателей... Григорий лез вон из кожи, но не мог понять ни души, ни интересов, ни смысла жизни питерских наркоманов. А разве можно ловить преступников, не понимая хорошенько мотивов их нелогичного, противоестественного поведения? Отношения с наркоманами-осведомителями не складывались, на допросах они бессовестно ввали, легко соглашаясь на вербовку, превращая дальнейшие контакты в глупейший фарс.

Привыкнув выполнять порученное дело с полной отдачей, Григорий скрупулёзно перелопатил доступную литературу и протоколы допросов, просмотрел километры видеоматериала, прослушал диалоги наркоманов, от которых ум заходил за разум.

Всё тщетно; в результате этой изнурительной работы он ещё меньше стал понимать загадочную, саморазрушительную логику наркомана. Облачко тревоги разрасталось в огромную чёрную тучу, застилавшую ему радость бытия и государственной службы. Всё чаще Григорий стал задумываться о допустимости негласного, но только в интересах дела, неформального эксперимента — добровольной одноразовой инъекции наркотика в свой организм...

Но поможет ли этот жертвенный шаг влезть в шкуру матёрого наркомана? Сможет ли Григорий понять струны его души и найти с ним общий язык? Сомнения и вопросы мучили Григория во время бессонных ночей, когда в наушниках гремела музыка с последнего альбома «Вайтснейк»...

Григорий решился на этот шаг в первых числах июня, в полнолуние, после очередного, особенно неприятного, сопровождавшегося истерикой подследственного наркомана, допроса.

Он вколочил иглу в синий бугорок вены на внутренней стороне локтевого изгиба, отпустил жгут и осторожно, не спеша, ввёл наркотик в кровь. Отбросил шприц, приложил к месту укола ватку, смоченную одеколоном, согнул руку в локте, откинулся в кресле, прикрыл глаза и стал прислушиваться к ощущениям...

Через пару недель Бабаёва знала и держала за своего вся децентрализованная тусовка. У него даже появилась кличка — Хэвик

Для новых приятелей он был фигурой недостаточной выясненной, однако то, что он сидел на игле по полной программе, было совершенно очевидно. Теперь Григорий жил в мире, не имевшем ничего общего с тем, в котором он пребывал до недавнего времени. Абсолютно всё, казавшееся доселе главным и составляющим смысл жизни, как то: пища, земля, вода, воздух, жильё, одежда, служба, карьера... — абсолютно всё было только кругами на воде; настолько глупыми и бессмысленными, что на воспоминания о них было жалко тратить даже мгновение.

Хэвик покупал дозу, кололся, включал плейер и сидел с закрытыми веками. Никто на свете не мог представить, где он и как глупы, и как беспомощны все остальные... Даже бывшие подследственные не узнавали его при встрече. Зубов узнал его по армейской татуировке — во время просмотра оперативной видеозаписи, сделанной в одном из притонов.

Жестоко и решительно

После разговора с Зубовым прошло несколько дней, но Кизяк ещё не выработал чёткого плана физического устранения Бабаёва. Идеальным вариантом была бы гибель сотрудника на задании. Но ни о каком задании, даже о любом официальном контакте с этим уже не управляемым существом, не могло быть и речи. Разменяться на несчастный случай Кизяк не собирался: слишком много значило для его будущего это конфиденциальное поручение.

Гораздо более привлекательным и технически выполнимым выглядело убийство Бабаёва мстительным наркоманом. Такого человека, психа, можно было бы прикончить во время ареста. Кизяк решил остановиться на этом варианте. Он приготовился действовать жестоко и решительно.

Через день из Ялты возвращалась выездная бригада Дома моделей. Информатор Бабаёва, манекенщик Роман Цветаев, не был наркоманом. Но он мог стать им уже после смерти, после того, как в его тело сделают инъекции, а в его квартире обнаружат наркотики.

Кизяк встретит его в аэропорту, пригласит в машину и, после короткой беседы, положит перед ним два документа: оформленный по всем правилам загранпаспорт и ордер на арест. В таких случаях люди почти никогда не раздумывают больше одной секунды.

Цветаев придёт к Бабаёву якобы для передачи информации и убьёт его. Лучше всего — ударит ножом. Потом нагрянут оперативники, и маньяк будет расстрелян в упор при попытке сопротивления.

Роман стоял перед дверью квартиры Бабаёва и медлил нажать на кнопку звонка. В правом кармане светлого пиджака, в потной ладони, перекатывался тяжёлый выкидной нож. Во внутреннем кармане — документы на выезд и билеты на ночной самолёт.

Роман посмотрел на часы: из отведённых ему десяти минут оставалось шесть. Он надавил на звонок, дав несколько условленных сигналов.

Дверь открылась, они прошли по тёмному, показавшемуся бесконечным, коридору. Нужно было нападать именно сейчас, сзади... Но нет, уже поздно, невозможно, слишком темно...

В комнате душно и неприбрано. Сам хозяин, бледный, обросший и похудевший похож на покойника. Только глаза светятся двумя бешеными огнями. Он действительно болен!..

Их встречи проходили по негласно принятому обоими сценарию. Роман садился за стол и писал. Бабаёв подходил сзади и читал через плечо. Рука его, как бы невзначай, скользила под рубашку, а губы шептали в ухо: «Молодец, молодец, всё хорошо...» Подпись источника уже выглядела неразборчиво.

Сегодня всё по-другому.

— Писать не надо,— рассеянно сказал Григорий.— Раздевайся. Это было грубо и странно. Оба вели себя как сумасшедшие, и оба этого не замечали.

— Погоди, надо выпить,— сказал Цветаев.

— Пей один, я не хочу.

— Один не буду.

— Раздевайся.

— Я не могу. Почему так спешно?

В голове Романа молотком стучал пульс, пот струился по его лицу. Одна мысль: быстрее, быстрее всё кончить.

— Да, я очень спешу. У меня... другие дела.

Оставалось четыре минуты. «Нужно, чтобы он повернулся спиной,— подумал Цветаев.— Но, если я разденусь, то не смогу воспользоваться...»

— Можно я не буду раздеваться?

— Ладно, хорошо, пускай так. Ты готов?

— Да, я готов.

Роман вплотную приблизился к Бабаёву, который упёрся руками о край кровати. Каждый изгиб, каждый бугорок этой спины был ему так хорошо знаком... Но сейчас это тело служило мишенью, схемой наиболее уязвимых для поражения участков организма.

Сердце... С какой стороны?.. Бить наугад.

Щёлкнул нож, и Григорий сразу оглянулся.

Необходимо перевернуть нож лезвием вниз, иначе не ударить...

С помощью левой руки Роман перевернул нож... и в тот же момент получил удар в пах, отлетел и скорчился на полу.

Удар. Дверь в комнату с треском распахнулась.

Капитан Кизяк с пистолетом в руке и ещё несколько человек в штатском ворвались в комнату.

— Товарищ капитан?..— проговорил Бабаёв.

Он стоял голый, и мысли его отказывались выстраиваться в цепочку, как-либо объясняющую всё происходящее.

Кизяк перевёл взгляд на Цветаева, приставил к его голове пистолет и выстрелил. Голова резко дёрнулась, мозги и кровь разлетелись по паркету.

Наклонившись, Кизяк разжал пальцы убитого, взял нож, осторожно положил его себе на открытую ладонь и спросил у Бабаёва:

— Он хотел вас убить? Этим ножом?

Приблизившись вплотную, неожиданно воткнул нож в голое тело и, с усилием, повернул.

Бабаёв с изумлением посмотрел на кулак, сжимающий рукоятку, зарычал, схватил убийцу за горло слабеющими руками и стал падать.

Кизяк ударил ещё несколько раз наугад.

Чистильщики из отдела Ликвидации разняли пальцы умираю-

щего и оттащили своего капитана.

— Приступайте,— приказал Кизяк, поднимаясь и дрожа всем телом.

Обтереть рукоятку ножа и вложить её в руку Цветаева, исколоть ему вены иглой, ввести в кровь наркотик — дело техники.

Александр Сулейманович выдержал экзамен на чин.

После похорон портрет убитого вывесили на первом этаже. Капитан Кизяк получил благодарность за отвагу с занесением в личное дело. Ещё на протяжении месяца, за едой, едва взявшись за столовый нож, он вдруг с грохотом ронял его, выпуская из рук. Жена решила, что своё скороспелое капитанство муж получил не иначе как путём перехода в расстрельную команду, но догадку свою скрывала.

Начальнику НКВД Петроградского округа полковнику Н. В. Ежову от начальника отдела НРГ к-на Кизяка

РАПОРТ

Настоящим докладываю, что 18 июля 1984 года в 19.55 мне на служебный номер позвонил сотрудник моего отдела мл. л-т Бабаёв Г. А. Он сообщил о своих опасениях в отношении одного из своих информаторов Цветаева Р. В. (агент Цветик), который, по его наблюдению, начал употреблять наркотики. Ввиду явной неуравновешенности указанного лица Бабаёв попросил меня присутствовать на их очередной встрече. Я немедленно выехал по месту жительства Бабаёва, прибыв туда в 20.09. Дверь в комнату была заперта изнутри, на стук и требования открыть никто не отзывался, хотя, судя по доносившимся голосам, в комнате кто-то был. Выбив замок, я обнаружил на полу тело мл. л-та Бабаёва. В ту же секунду на меня бросился гр. Цветаев с окровавленным ножом в руке. Я произвёл выстрел на поражение, после чего вызвал специальную бригаду подотдела.

По месту проживания гр. Цветаева Р. В. были обнаружены наркотические вещества, а также приспособления для их производства и использования.

К рапорту прилагается копия отчёта судебно-медицинской экспертизы, а также показания свидетелей.

23. 07.84. Кизяк.

Девять дней до конца света

Сразу по прибытию в Петроград Коршунов спустился в Город. Его беспокоила предстоящая демонстрация «психодислептического манипулятора» Карклина, и он хотел поговорить с Альтшуллером. На сей раз он с самого начала попросил Мерехлюдина удалиться и, оставшись наедине с изобретателем, перешёл к делу:

— Миша, что вы знаете о ПМ-излучателе?

Как только главный инженер вышел из лаборатории, Альтшуллер снял ноги со стола и затушил сигарету.

— Всё.

— Всё?..

— А что именно вас интересует?

Коршунов давно привык к самоуверенной хвастливости гения и спокойно делил его заявления пополам.

— Опасно ли присутствовать на его демонстрации?

Альтшуллер посмотрел в потолок, крутанулся в своём кресле и хрустнул длинными пальцами.

— Пожалуй, да. Чрезвычайно опасно. Испытания этой пакости чреваты непредсказуемыми побочными эффектами.

— Ага...

— Назовём их условно окнами. Допустим, вы направляете излучатель на какой-то объект, группу людей. А где-то рядом в образовавшееся окно влетает воробей... и попадает в другое измерение. Исчезает.

— Воробей?

— Воробей или человек.

— Значит, это может быть опасным и для человека?

— Вы поразительно догадливы.

— На каком расстоянии от прибора?

— Зависит от мощности. Насколько я понимаю, Карклин намерен продемонстрировать спутниковый излучатель.

— Да, кажется, он говорил именно об этом.

— Десять-пятнадцать километров.

— Это означает, что каждый из тех, кто будет присутствовать на демонстрации, может... пострадать?

— Несомненно. Однако вероятность невелика. Всё равно как перейти поле, на котором две-три минные растяжки.

— Чёрт!

— Согласен.

— Карклин — авантюрист.

— Несомненно.

— Но зачем он так спешит?

— Он боится «Оружия Сдерживания».

— Мы все боимся.

— Этой затеей он хочет дать Президенту уверенность, что мир уже под контролем.

— Это разумно. Но он плохо знает Президента. Старикан не успокоится до тех пор, пока не получит свою реакцию.

— Теоретически я смоделировал реакцию два года назад, когда работал у Карклина.

— Вывод однозначен?

— Будет конец света.

— Чёрт! Чёрт! И ведь этого никак не вбить в голову старому ослу!

— У него нет чувства самосохранения?

— Это очень трудно понять, Михаил Оттович.

— И всё таки?

— Во-первых, ему в ухо дышит Рубцов.

— Простите, не понял?..

— Рубцов, его новый референт. Этот юноша тяжело болен. Ему осталось жить два, от силы три года, и он это знает.

— А во-вторых?

— Во-вторых, сам Президент психически неуравновешен. Рубцов этим пользуется и подначивает Президента делать Бомбу.

— Вы произнесли это слово как женское имя.

— Так они и говорят.

— Вы подслушиваете?

— Я прослушиваю подготовленную для меня нарезку.

— По крайней мере, это объясняет ситуацию.

- Коршунов достал сигареты, оба закурили и помолчали.
- У тебя есть идея?
 - Пустите меня в Сеть, и я подумаю, что можно сделать.
 - Ты сумеешь взломать коды ВПК?
 - Чем чёрт не шутит.
 - Допустим. Что дальше?
 - Я подумаю.

Безумие

В субботу четверо членов Политбюро, во главе с Президентом, собрались на ближайшем испытательном полигоне ВПК. Погода для загородной поездки выдалась благоприятной: в меру прохладно и солнечно. Ночью прошёл дождь, воздух был чист и прозрачен.

Оставив чёрные бронированные лимузины на дороге, маршалы и генералиссимус направились к пункту наблюдения. Сказавшийся больным Коршунов не приехал.

Каркин шагал впереди, давая на ходу обрывочные объяснения. Выпивший водки Архаров умильно смотрел на повылезавшие из земли то там, то здесь крепыши— грибочки. На его лице всегда блестел игрушечный румянец.

Змий курил папиросу и смотрел себе под ноги. Рубцов семенил за ним с озабоченным видом; в левой руке он держал портфель, на плече болталась видеокамера.

Коренной шёл позади всех. Крестьянское чутьё подсказывало ему недоброе. Неявка Коршунова окончательно испортила настроение.

Поднялись на пригорок, поросший травой и редким кустарником. На дощатом настиле полукругом стоял десяток кожаных кресел. Перед каждым была закреплена на штативе двадцатикратная оптическая стереотруба. За пультом сидел оператор, молодой человек с погонами старшего лейтенанта. За пригорком, на подветренной стороне, дымилась походная кухня.

Каркин предложил всем рассаживаться. Солдаты в белоснежных халатах, надетых поверх формы, принялись разносить чай и

кофе.

В поле стояло куполообразное решётчатое сооружение — наподобие тех, которые ставят в цирке для аттракционов с хищниками. Чистота воздуха и качество оптики позволяли разглядеть под куполом каждую травинку.

— Спутник над нами, Владилен Каземирович.— доложил Карклин.— Прикажете начинать?

Змий, распарившийся четырьмя стаканами чая, вытер лоб и шею платком. Затем, вопросительно подняв брови, покосился на своего референта.

— Можно начинать,— прошептал Рубцов, вытянув подбородок в сторону президентского уха. Из уха торчал пучок волос.

— Начинайте! — махнул рукой Президент.

Карклин снял трубку полевого телефона и скомандовал:

— Грузите людей.

Зрители прильнули к окулярам.

Возле решётчатого купола остановилась машина, из крытого кузова начали выпрыгивать люди — мужчины, женщины и дети. Подталкивая стволами автоматов, их загоняли в клетку.

— Как видите, контингент представлен всеми возрастными категориями,— давал пояснения Карклин. —Это преступники, приговорённые к высшей мере. Вот эта девочка, видите, с розовым бантиком, лет десяти,— она застрелила офицера НКВД.

— Что вы говорите! — воскликнул Змий.— Куда же смотрели её родители?

— Родители, маленький брат — все они были замешаны в государственном преступлении. Девочка украла пистолет и открыла беспорядочную стрельбу.

— Ай-ай-ай! Такая молоденькая девочка, а уже столько злобы и жестокости. Чего бы ещё она могла натворить, дай мы ей немного подрасти...

Солдаты захлопнули дверцу клетки, навесили замок и запрыгнули в кузов. Машина рванула с места и вскоре исчезла из поля зрения.

— С чего начнём, Владилен Каземирович? — поинтересовался Карклин.

— А что, ты говорил, оно может?..

— Имеется восемь основных поведенческих установок, также несколько десятков вспомогательных.

— Давай основные, а не то до вечера не управимся.

— В каком порядке желаете?

— А у тебя как записано?

— «Страх», «Безволие», «Радость», «Секс», «Агрессия», «Сон», «Полная потеря памяти», «Буйное помешательство».

— Ну, вот, примерно так и действуй...

Карклин поднял бинокль и всмотрелся в лица подопытных. Похоже, всех их арестовали совсем недавно — выглядят чисто и опрятно. Для проведения полноценного эксперимента необходимы люди с нормальной психикой. Человек десять мужчин и три женщины среднего призывного возраста, несколько пожилых, мальчик и девочка лет десяти и женщина с грудным ребёнком.

Мужчины оживлённо разговаривали, пустив по кругу оставленный солдатами окурок. Женщина кормила грудью ребёнка, сев на траву спиной к решётке. Девочка сплела венок и надела его на голову сверстника. Интеллигентные пожилые люди, по-видимому, супружеская пара, развернули свёрток и принялись беспечно жевать бутерброды.

— В чём дело? — обратился Карклин к своему помощнику.— Почему они так себя ведут?

— Им сказали, что здесь нужно ждать автобус, который повезёт их на железнодорожную станцию. Они решили, что смертную казнь им заменили бессрочным заключением.

— Ну всё, хватит,— пытаюсь ослабить воротник, Карклин сорвал верхнюю пуговицу рубашки.— Эти болваны не понимают, что их ждёт... Начинайте.

Сидевший за пультом оператор положил пальцы на клавиатуру.

— Внимание. Первая установка — «Страх».

Оператор включил сигнал и слегка подтолкнул вперёд ползунок регулятора.

Люди в клетке замерли и насторожились.

— Мощность сигнала регулируется в широком диапазоне — от лёгкой тревоги до помешательства и разрыва сердца,— Карклин начал комментировать происходящее — Прибавим немного

Оператор подтолкнул ползунок.

Люди вдруг почувствовали, что надежды нет и сейчас, прямо здесь их начнут убивать. Они сбились в кучу и, заслоняясь руками от неведомой опасности, закричали.

— Достаточно,— сказал Змий после того как Рубцов нашептал ему что-то в ухо.— Люди должны оставаться психически нормальными до окончания эксперимента. Что ж нам, на сумасшедших-то смотреть...

— Исходное,— приказал Карклин.

Оператор отвёл ползунок в исходное положение.

Люди начали вставать, отряхиваться и оглядываться по сторонам. «Что это было?» — спрашивали они друг друга.

— Следующую,— махнул рукой Змий, отхлебнул чай и вновь приблизил глаза к окулярам.

— «Безволие».

На лицах людей появилось выражение тупого безразличия.

Карклин поднёс к губам раструб мегафона и проскрипел:

— Выстроиться по ранжиру!

Люди стали неумело и суетливо выполнять команду. Образовалось подобие неровной шеренги.

— Лечь! Встать! Лечь! Встать!..

Женщина отложила в сторону младенца.

— Бежать по кругу!

Пожилой мужчина остался лежать.

— Построение!

— Эй-эй! Кажется, один у вас уже сдох! — заметил Президент, прислушивавшийся к шепотку своего референта.

— Этот не в счёт, Владилен Каземирович,— объяснил Карклин.— У него был уже один инфаркт во время ареста.

— Не, вообще, чего-то не впечатляет. Они слушаются, а что им ещё делать? Я сейчас тебе скажу траву есть, и ты будешь есть. Или не будешь?..

Карклин торопливо прокричал в трубу:

— Траву жрать! Всем! Быстро!

Люди опустились на четвереньки и стали есть траву вместе с ромашками и одуванчиками.

— Дальше — отмахнулся Президент

Оператор сделал сброс.

Люди стали подниматься с колен и отплёвываться. Девочку с бантиком вырвало. Пожилая женщина бросилась к бездыханному телу своего супруга, её трясло от рыданий. Все начали возбуждённо переговариваться,— похоже, они догадались, что в действительности здесь происходит.

— «Радость».

Люди вдруг поняли, что сегодня их ждёт смерть, и что она прекрасна. Двое мужчин разорвали одежду, скрутили подобие верёвок и повесились на прутьях решётки. Остальные начали снимать с себя одежду, чтобы последовать их примеру.

— Стой! — заорал Змий.— Куда смотришь! Сейчас все передохнут!..

— «Секс».

Люди продолжали снимать с себя одежду, но уже позабыли, для чего начали это делать. На прутьях остались висеть мужчины, девочка и пожилая супруга сердечника.

Оператор подтолкнул ползунок в сторону усиления сигнала.

Перестав тратить время на раздевание, люди бросились друг к другу и слились в единый агонизирующий клубок, жизнь в котором быстро угасала от многократно ускоряющейся частоты опустошительных оргазмов.

— «Агрессия».

Пульсирующий клубок задёргался и стал хаотически разрушаться: женщины кусались и вырывали волосы у своих любовников, мужчины били и душили друг друга из ревности. В желании причинить другому страдания никто не чувствовал собственной боли.

— И последнее на сегодня. Как говорили древние, «если бог хочет кого-то наказать, он лишает его разума».

— Кто хочет наказать?..— переспросил Змий.

— Вы, Владилен Каземирович,— зашептал Рубцов,— вы наш бог и царь.

Карклин впервые взглянул на Рубцова без видимой неприязни.

— Ладно, валяй.

«Буйное помешательство».

И тогда в клетке началось такое, от чего видавшим виды военным стало не по себе. Оставшиеся в живых сделались отроль

ями ада. Мальчик поднял с земли булыжник и молотил им по голове женщины. Череп раскололся, и камень хлюпал в кровавой массе, ударяя по шейным позвонкам. Кормящая мать взяла за ножки младенца и, закрутившись, ударила по решётке. Только один подопытный тихо сидел в сторонке — он обгладывал запястье своей руки.

— Хватит,— сдавленным голосом проговорил Карклин и прижал ко рту платок.— Ликвидация и уборка...

Ощувив рвотные позывы, он отбежал в сторону и, наклонившись, ухватился рукой за тонкую берёзку...

В эту самую минуту Архаров отнял от губ пустую флягу. И его глазам представилась удивительная картина. Карклин отбежал в сторону, схватился за берёзку и... пропал. Растворился в воздухе.

Архаров протёр глаза и пристально сощурился на то место, где только что находилась согнутая фигура. Там было пусто. Он посмотрел на других членов Политбюро. Их глаза были прикованы к окулярам. Архаров пожал плечами, спрятал в карман пустую флягу и заглянул в трубу.

Движение в клетке прекратилось. То, что осталось от людей, лежало, висело и кое-где шевелилось в кровавом, неприглядном беспорядке. Из подъехавшей машины вышли солдаты-огнемётчики и пустили мощные струи напалма. В огне забились оставшиеся в живых.

Через минуту в клетке остался только пепел. Вертолёт подцепил решётчатый купол и скрылся за полосой леса на горизонте.

Члены Политбюро поднялись из кресел, закуривая и разминая ноги.

— Где Карклин? — посмотрел по сторонам Змий.

Архаров помалкивал: в последнее время ему часто виделась разная чертовщина.

— Лекарства побежал глотать, Владилен Каземирович,— предположил Рубцов.— Его же с самого начала трясло.

— Ладно, поехали обедать На свежем воздухе аппетит, небось, нагуляли?

Архаров и Коренной переглянулись.

Расселись по машинам и тронулись

Куда девался Карклин?

В тот же день вечером Коршунов получил и просмотрел видеозапись, сделанную Рубцовым на полигоне. Выключив экран, некоторое время сидел, покачиваясь в кресле и пуская кольцами дым сигареты. Его вывел из задумчивости характерный зуммер прямой связи с Президентом.

— Получил? — поинтересовался Змий.

— Так точно, Владилен Казимирович.

— Что скажешь?

— Перспективно. Очень. Странностей не наблюдалось?

— Не наблюдалось. Каких ещё странностей?

— Вообще...

— А ты думал, что нас всех в дурдом отправят? И тогда ты, значит, один в здравом уме — и на место Президента... Ловко. Только здесь тоже не дураки сидят. Чем тебя породил, тем и убью. Ты что думаешь, ты у нас фигура неприкасаемая? Да я тебя...

В трубку понеслась нарастающая лавина ругательств. Коршунов понял, что Президент уже сильно подшофе. Он отвёл трубку от уха, затушил в пепельнице окурок и сделал глоток сока из стакана.

— Симулянт хуев! — выговорился наконец Владилен Казимирович.

— А что товарищи, какие мнения? — тактично выждав несколько секунд, поинтересовался Коршунов.

— А товарищи уже нажрались, как цуцики. Натуры у них, видишь ли, нежные и поэтические. Впечатлительные оказались. Юноши бледные со взорами горящими, понимаешь...

— Карклин тоже напился? — не поверил Коршунов.

— А этот жулик сбежал, ещё там, на полигоне. Всё время надушенный платочек к губам прижимал, понимаешь ли. Как это... графиня с изменившимся лицом бежит к пруду.

— Где он сейчас?

— А шут его знает.

Президент бросил трубку.

Вскоре доложили, что Карклина не было нет. Это означало, что его

действительно нигде нет. Коршунов забарабанил пальцами по телефонному аппарату; следовало показать видеозапись Альтшуллеру...

На экране появилось заспанное лицо. Изобретатель прикурил сигарету и, будто случайно, пустил густое облако прямо в объектив камеры. Когда дым рассеялся, Коршунов произнёс без лишних предисловий:

— Я хочу, чтобы вы посмотрели запись.

В последующие сорок минут, дымя сигарету за сигаретой, Альтшуллер безучастно смотрел на экран.

Сначала камера в руках Рубцова дала плавный обзорный разворот по кругу. Затем её укрепили на штатив, и появился крупный план ещё пустой куполообразной клетки. Вот в клетку загнали привезённых людей, за кадром слышится голос Карклина, отдающего первую команду, вторую... Вот всё кончено — вертолёт, подцепив клетку уносится за горизонт. Камера, как и в начале, даёт круговой обзор. Конец.

— Дайте, пожалуйста, ещё раз помедленнее последний фрагмент — когда камеру уже сняли со штатива.

В кадре Змий, Архаров и Коренной; оператор за пультом. По кругу: колючая проволока, дымок полевой кухни, вышки с часосвыми, песок, трава, редкие кусты и деревца, поле, выжженный круг, лес на горизонте, снова смотровая площадка. Конец.

— Вы заметили странность? — сказал Альтшуллер.

— Куда же подевался Карклин... — прошептал Коршунов.

— Последний раз его голос на плёнке слышен в двенадцать сорок три. В двенадцать сорок семь даётся круговая панорама, и его уже нигде нет. Покинуть данное поле обзора за четыре минуты могла бы, разве только, скаковая лошадь. Но Карклин — не лошадь. Он также не крот, чтобы зарыться в землю.

Коршунов лихорадочно потёр лоб ладонью.

— Вы думаете, что он всё-таки...

— Не исключаю такой возможности.

— Но, вы говорили, вероятность угодить в такое окно крайне невелика — всё равно, что наступить на единственную растяжку в поле...

— Значит, он наступил.

— Немыслимо. Почему именно он?

— Вопрос скорее философский.

— Где он теперь?

— Если бы вы дали мне год и неограниченные возможности для решения только одной этой проблемы, я бы дал вам ответ через год. Или через два.

— К чёрту. У нас нет и недели. Хотя, при определённых обстоятельствах, бегство в такое окно могло бы стать единственным шансом на спасение.

— Смотря что спасать, Феликс Петрович.

— Что вы сказали? Михаил Оттович, неужели вы, учёный, материалист, верите в бессмертие души?

— Я не верю.

— Всё-таки не верите!

— Я знаю.

Коршунов стукнул кулаком по столу.

— Перестаньте говорить загадками! Что вы знаете?

— Мне пора спать.

— Извините, Миша, вы же понимаете, насколько волнует меня эта тема. Сядьте, сядьте. Скажите, что вы знаете?

— То же, что и вы.

Коршунов взял себя в руки.

— Хорошо, вернёмся к исчезновению Карклина. Завтра его начнут искать по-настоящему. А в понедельник Змий соберёт Политбюро.

— Попробуйте занять его должность. У вас появится возможность навсегда закрыть тему «Оружия Сдерживания». Иначе ваш Президент навсегда закроет тему жизни в этой вселенной. Если ему не помешают те, с копытцами и рожками, которые будут раздувать огонь под его сковородкой.

— Да-да... конечно, это крайняя мера... спокойной ночи.

Ночь

Коршунов откинулся в кресле и прикрыл глаза. В его быстро затуманивающемся сознании крутились кадры видеозаписи и обрывки разговоров.

Вот он почувствовал, что проваливается вниз и падает прямо в Горел. Но там теперь суший ад. Поскольку кипят огромные булькаю

щие котлы, шипят сковороды, полные грешников. Шум стоит такой, что голова идёт кругом. Маленькие вертявые черти с рожками и копытцами подбрасывают уголь. Другие тыкают вилами тех грешников, которые лезут через край.

Сам Коршунов во время падения зацепился за уступ в скале. Но сколько он сможет продержаться? В полумраке, совсем рядом, он замечает дыру, спасительное «окно», и оттуда ему машет руками и торопит Миша Альтшуллер.

Не всё ещё потерянно. Нужно только подобраться, осторожно двигаясь по узкому щербатому выступу. Он делает один приставной шаг, другой...

И тут сверху падает и цепляется за него ещё один человек. Он трепыхается, кричит, и тянет за собой вниз. Этот человек — Мерехлюдин. В одной связке они летят вниз, в кипящий котёл...

Голова Коршунова упала на грудь, он вздрогнул и проснулся. «Почему именно Мерехлюдин?..» Во мраке горела зелёная лампочка на пульте связи, за плотно завешенными шторами угадывалось приближение рассвета. Ехать домой уже не имело смысла. «Но почему же всё-таки Мерехлюдин?» Так и не найдя ответа, он снова задремал.

Теперь он в куполообразной клетке — один и совершенно голый. Снаружи к прутьям решётки прильнули весело скалящиеся члены Политбюро — Змий, Архаров, Карклин и Коренной. Рядом стоит Рубцов с камерой и злорадно улыбается. Это он всё подстроил.

— Начинайте,— говорит Змий.

— Лечь! — кричит Рубцов через мегафон.

На всякий случай Коршунов послушно ложиться; он думает, что приборы не сработали и решает притворяться.

— Встать! Лечь! Встать! Лечь... Спать!

Коршунов сворачивается калачиком и притворяется спящим.

— Встать, по кругу — бегом!

Коршунов встаёт и начинает бегать по кругу как цирковая лошадь.

— Нет, это не годится,— говорит Змий.— Так любой может.

Пускай себе пальцы на руках отъест.

От этих слов у Коршунова начинает болеть сердце, но команда

уже прозвучала, и он послушно сует в рот пальцы и делает вид, что грызёт их, а на самом деле только покусывает, словно разыгравшаяся с хозяином собака. Вот-вот обман вскроется, и прибор включают по-настоящему. Он кусает изо всех сил и просыпается. Вскрикивает, трясёт в воздухе обляннелыми, искусанными пальцами.

Приключения Карклина

Архаров, видевший Карклина последним, потерял его в тот момент, когда Бруно Вольфович, не в силах более сдерживать душившие его рвотные позывы, ухватился за ствол молодой берёзки и принялся блевать, натошак пуская только желчь и слюни...

Но вот, уже в следующее мгновение, он заметил разительные перемены в окружавшем его мире. Стало темнее, в ушах гудело и стучало, а землю и ствол, за который он держался, стало покачивать и трясти. Тошнота отступила, Карклин поднял глаза и огляделся.

Он стоял в вагоне переполненной электрички метро, ухватившись за хромированный вертикальный поручень. Раздавшиеся в стороны пассажиры смотрели на него с отвращением. «Улицы им мало, ещё в метро лезут...» — сказал кто-то. «Сейчас, на станции, позовите кто-нибудь милиционера...»

Поезд замедлил ход, объявили станцию, Карклин рванулся к выходу и смешался с толпой. «Что за дьявол,— бормотал он про себя,— что за дьявол...»

Поднявшись на улицу, он присел на скамейку и вытер струившийся по лицу пот. Для него было совершенно очевидно, что произошла какая-то чертовщина во время демонстрации излучателя. Он всё ещё в Москве, но это совсем не та Москва, в какой он был ещё вчера, 26 августа 71 (1988) года. Перед ним бурлил проспект, переполненный автомобилями иностранного производства. А люди более походили на иностранных туристов...

Карклин посмотрел на тумбу с расклеенными афишами. «Шоу монахов монастыря Шао-Линь». Шоу монахов?.. Но вот, вот, самое

главное: дата. 27 августа... Нет-нет, не может быть! 2001-го?.. Третье тысячелетие от Рождества Христова!!

Итак, с этим следовало смириться. Он в Москве 2001 года, судя по всему, оккупированной вражеской капиталистической державой. С этим ему следовало здесь выжить. Ему?.. И тут Карклина ошарашила догадка. Чтобы проверить эту догадку, нужно было позвонить по телефону.

Заметив поблизости упитанного мужчину с мобильной трубкой, он подошёл и умоляюще попросил набрать номер одной из закрытых клиник, принадлежавших ведомству ВПК.

Толстяк снисходительно посмотрел на чудака, одетого в строгий «похоронный» чёрный костюм. Жалобные просьбы о медицинской помощи на него подействовали, он набрал требуемый номер, и Карклин прижал трубку к своему большому уху.

— Вас интересует Карклин? Бруно Вольфович? — удивился его лечащий врач.— Простите, а с кем я имею честь?..

— Я, видите ли, родственник... Приехал с крайнего Севера. Обстоятельства сложились так, что вот уже тринадцать лет я не видел своего родного брата...

— Тринадцать лет? В таком случае это объяснимо. Боюсь, что вынужден буду вас огорчить, господин... Карклин?..

— Да! Валдис Оттович.

— Боюсь, что вынужден буду вас огорчить, Валдис Оттович: вот уже тринадцать лет, день в день, ваш родной брат находится в коматозном состоянии.

— Как?!

— Между жизнью и смертью, господин Карклин. Да-да, внезапный удар без каких бы то ни было видимых причин.

— Адрес!

— Хорошо, не волнуйтесь, записывайте...

Выслушав и запомнив, Карклин сунул телефон в руки понимающе кивнувшего ему владельца. В клинике находился... кто? Он сам... или его двойник... В любом случае, кто-то из них в этом мире совершенно лишний.

Нащупав за пазухой пистолет, он пошёл на противоположную

сторону улицы, к автобусной остановке.

Но едва только он ступил на пешеходную разметку, как из-за поворота на большой скорости вырулил огромный тёмно-зелёный джип.

Удар оказался не смертелен. Пострадавший, хотя и потерял сознание, но быстро пришёл в себя. Поднялся и зашагал прочь. Он не произнёс ни слова, но теперь у него была странная, деревянная походка. В его голове больше не существовало ни мыслей, ни воспоминаний. Его физическим телом управлял теперь только один, заданный за минуту до столкновения, алгоритм: проникнуть в палату к двойнику, убить его и уничтожить труп.

В ту самую секунду, когда несчастный пешеход потерял сознание, в клинике открыл глаза коматозник. Память и сознание вернулись к нему внезапно. «Проклятый идиот!» — обругал он шофёра, увидев, что находится в больничной палате.

Карклин ощупал тело — всё на месте, никаких переломов.

Он поднялся на кровати и свесил ноги. Но почему же так ослабло всё тело, кружится голова, не слушаются мышцы и ломит все косточки! Неужели он так долго провалялся здесь без сознания? Сколько — день, неделю, год или месяц?

Его телодвижения заметили через стеклянную дверь больничного коридора, началась радостная суматоха. Его уложили, над ним склонился профессор, палату заполнили врачи и персонал.

— Сколько я здесь? — невнятно выговорил Карклин, с трудом ворочая во рту онемевшим, словно чужим, языком.

Профессор снял и протёр очки.

— Не буду скрывать от вас правду, товарищ маршал. Тринадцать лет вы находились здесь, в бессознательном состоянии.

— Сколько?!

— Тринадцать лет. Ваши дети выросли, жена... немного изменилась. Мир тоже изменился. Мужайтесь. Мы с вами оба военные люди.

Изо всех сил наморщив ум, Карклин начал догадываться, что именно происходит с ним на этот раз.

После всестороннего обследования, ванной и лёгкого ужина, его оставили в покое. Ссылаясь на частичную потерю памяти, он узнал всё, что можно было узнать от врача, о своих последних годах активной жизни. Начиная с осени 1982-го всё было *не так*.

Поздно вечером, когда клиника опустела, Карклин вспомнил о том, другом теле, которое сегодня утром сбила машина. Никаких документов, удостоверяющих личность, в карманах не было. Члены Политбюро не носят в карманах документы, удостоверяющие личность. Если тело увезли в морг, необходимо дать кому-нибудь на лапу, чтобы его поскорее кремировали как неопознанное. Но что если тот человек, то тело, в котором он находился,— ещё живо?

В палату заглянула дежурная медсестра:

— Больной, Бруно Вольфович, вы ещё не спите?

— Нет, а что?

— К вам пришли.

— Кто?!

— Брат.

— Нету, нету у меня брата! Документы, документы спрашивали?!

— Да у него на лице документы — родной ваш близнец.

— Где он? Где?!

— Так он уже по лестнице поднимался. Я на лифте приехала, чтобы вы не очень волновались.

— Не пускать!.. Милицию!.. Заприте все двери!..

Карклин натянул до самых глаз одеяло.

— Ой, пойду Главному врачу позвоню, разбуду его... — всплеснула руками медсестра и убежала.

— Стойте! Не уходите!..

Но голос его был слаб, а поблизости никого уже не было.

Карклин спустился с кровати на линолеум и медленно, на четвереньках, приблизился к стеклянному шкафу. Его тело было свинцовым. Открыл дверцу и достал из металлического футляра скальпель.

В коридоре уже слышались шаги двойника.

Цепляясь за ручку и выступы дверной рамы, Карклин под-

нялся и прислонился спиной к стене. Слабо сжал в кулаке скальпель, поднял руку и приготовился.

Зомби распахнул дверь и шагнул в палату. Взгляд его остановился на белеющей во мраке кровати. Он вынул пистолет и взвёл курок. В этот момент Карклин взмахнул рукой и слабо ударил «брата» скальпелем в шею.

Он промахнулся: лезвие только слегка поранило кожу. Но пистолет выпал, и в следующее мгновение два Карклина вцепились друг другу в горло. Зомби сжал пальцы, медленно опустил руки, и коматозник послушно осел на пол. В горле у него засвистело, руки скользнули по измазанной кровью шее противника и бессильно упали.

Посетитель спрятал за пазуху пистолет, поднял скальпель и несколько раз ударил лезвием в горло двойника. Тот зашипел, заклокотал и испустил дух.

В тот же миг зомби закачался, схватился за голову, вздрогнул, зажмурился и открыл глаза.

Это снова был Карклин. Тот самый, которого утром сбила машина и который только сейчас почувствовал боль в ушибленном тазобедренном суставе.

Уняв дрожь и усилием воли взяв ситуацию под контроль, Карклин раздел догола и взвалил на плечо бездыханное тело. Озираясь по сторонам, прошёл по пустому коридору к пожарной лестнице.

Спустившись в котельную, затолкал тело в горящую угольную топку. Разделся и бросил в огонь чёрный костюм, кальсоны и рубашку. Бегом вернувшись в палату, убрал с пола кровь. Надел на себя пижаму коматозника, сунул пистолет под подушку и залез под одеяло.

Появилась медсестра. Она держала в руке шприц, на ходу отламывая кончик от стеклянной ампулы.

— А где же ваш брат? — поинтересовалась она, протирая спиртовой ваткой кожу на руке Карклина.

— Ушёл. Уже ушёл.

— Вот и хорошо, что ушёл. Потому что врач велел до утра никого к вам не пускать. Вам ещё вредно так нервничать. Я вам

сейчас кольну успокоительного, чтобы вы хорошенько выспались и отдохнули.

Карклин не возражал.

Утром он встречал сильно переменившихся, но искренне обрадованных родственников. Номера счетов хранились в памяти коматозника, и все эти годы не проходило дня, чтобы семья не молилась о его выздоровлении.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

День рождения Котова.

Четыре года и сорок восемь дней до конца света

16 июля 1984-го Р. Х. или 67-го года Новой Эры, как было предписано вести новое летоисчисление, Дима отмечал свой формальный двадцать второй день рождения. Формальный потому, что реально он прожил полных двадцать восемь — четыре там и ещё два здесь.

На вечеринку собрался полным составом «Невский факел», Петрушка и ещё какие-то полезные люди, которых пригласила Чебрикова. «Скажу, что кроме твоего дня рождения, у нас сегодня помолвка,— предупредила она.— Все видят, что мы живём внаглую; сейчас это не поощряется».

К семи часам гости начали подтягиваться. Поскольку Чебрикова велела «одеться поприличнее», Степанов явился в костюме и галстуке. Осипов и Лисовский, после недолгих раздумий, нацепили идеологически выдержанные футболки с эмблемой молодёжного фестиваля в Северной Корее. Было жарко, и Степанов поглядывал на них с завистью, вытирая украдкой пот со лба.

На чёрных волгах приехали несколько полезных гостей. Угощения были доставлены из горкомовской столовой по комплексному заказу. Лена сама не готовила, даже мытьё посуды было привычной котовской обязанностью.

Когда гости расселись, москвич Андрей Романов, начальник отдела Культуры ЦК ВЛКСМ, произнёс поздравление по поводу помолвки. День рождения как-то непонятно отошёл на второй план.

Только после того, как выпили по второй, зазвенели приборами, раскладывая салаты по тарелкам. В духовке, уложенные гармошкой, подогревались десяток сплюснутых цыплят «табака». На плите варилась кастрюля с картофелем, который Дима с утра усердно чистил, а ещё больше — калечил.

Как выяснилось почти сразу, собравшиеся были не дураки выпить. Тосты неслись один за другим. Потом Лена врубила магнитофон и предложила танцевать. Под музыку британской группы «Смоуки» (запись с грампластинки фирмы «Мелодия») важные гости, сняв пиджаки, солидно пританцовывали и щёлкали пальцами.

Во время медленных танцев партнёром Лены неизменно оказывался Андрей Романов из ЦК ВЛКСМ. Ещё за столом Котов заметил, что они переглядываются, и теперь у него в груди бушевало пламя.

Позднее на столе сделалось пустовато и грязно, а гостям — скучно. Степанов клеился к зрелой даме, работавшей на телевидении, Петрушка прилёг в соседней комнате, Осипов и Лисовский смылись, не попрощавшись.

Сама собой возникла идея продолжить в ресторане. Расселись по машинам и выехали.

— Дима разве не с нами? — поинтересовался Андрей Романов, в машине которого сидела Чебрикова.

— Перебрал, наверное,— сказала Лена рассеянно.— Пускай поспит.

Но Дима не перебрал. Вернее, не до такой степени, чтобы из-за этого остаться дома. Просто о нём забыли. Его никто не звал, а напрашиваться самому в чужую машину не хотелось. Он сидел один за неприбранным столом и курил. В комнате появился Петрушка.

— В голове трещит...

Они расчистили место на столе, и Дима достал из серванта два прибора. Принёс кастрюлю с холодной картошкой, открыл шпроты. Выпили по рюмке, закусили, выпили ещё по одной.

— Чего спать завалился?

— Работы много. Систему «Маяк»... то есть, тьфу, тьфу!..— Петрушка похлопал себя по губам.— Эту... одну хреновину разрабатываем. Лучше не спрашивай.

— А я и не спрашивал...

В седьмом часу утра ввалился Степанов. Ночь он провёл в квартире той самой дамы с телевидения, к которой начал клеиться ещё за столом. Сюжет классический: муж в командировке. Об этом ему было сказано в машине, и тёпленькая парочка до ресторана не доехала. Теперь он примчался к Котову, чтобы составить себе алиби. То есть, он должен был прийти домой прямо с котовского дня рождения, пьяным, как положено.

Степанов достал из-за пояса две бутылки коньяка, сорвал пробку, принёс из кухни стакан, налил доверху, выпил. Выкурил папиросу. Налил ещё один, выпил.

— Лимончиком занюхай,— подсказал Петрушка. Они с Котовым так и просидели всю ночь за бессвязным разговором.

— Чебрикова не возвращалась? — поинтересовался Степанов, шумно дыша и перегрызая лимонную корку.

— Не возвращалась,— мрачно ответил Котов.

— Может, к себе поехала?

— Нет.

— Ну, тогда, старик, я не знаю. Не расстраивайся, зато у нас теперь на телевидении всё схвачено.

— «Зато» в каком смысле?

— Чего? — не понял Степанов.

— Ты этим словом что-то противопоставил. Типа того, что хотя твоя баба — шлюха, зато твою морду скоро будут показывать по телевидению.

— Ну, старик, зачем ты так,— Степанов похлопал приятеля по плечу.— Я про морду ничего такого не говорил.

Котов только рукой махнул.

Но вот защёлкал замок входной двери, и в комнату заглянула запыхавшаяся и раскрасневшаяся Лена Чебрикова.

— Вы ещё празднуете, молодцы какие!.. Дима, у меня в шкафу, за платьями, бутылка рижского бальзама и полусухое шампанское — я как знала, нарочно припрятала от гостей...

Никто не пошевелился. Но Чебрикова сама, продолжая болтать и суетиться, выставила на стол бутылки. Правильный Петрушка взял шампанское и отнёс его в морозильник.

— Сначала посидели в ресторане, потом гуляли, смотрели как разводятся мосты. Смотрели-смотрели, да так, сдуру, и остались на той стороне. Ночь, а народу — как на демонстрации. Все разошлись, а я присела на скамейку и заснула...

Чебрикова трещала, но на её слова никто не реагировал. Степанов доедал остатки салата, Петрушка сосредоточенно осматривал сургучную заливку на горлышке бальзама, Котов с деланным безразличием курил.

— А вы, значит, так и сидите...

Лена, наконец, ощутив двусмысленность своего положения, другим голосом произнесла:

— Пойдём, поговорим.

Котов вышел на кухню, сел и уставился в окно. Лена закрыла за собой дверь и прикурила сигарету. Руки у неё дрожали.

— Дима, ты что, мне не веришь?

Котов молчал.

— Я понимаю, тебе сказали, что мы с Андреем ушли. Ну и что с того? Там было душно, мы пошли погулять. Белые ночи. Я показала ему набережную, мосты... А говорили, между прочим, о тебе.

— Вали отсюда.

— Что?

— Верни ключи и пиздуй отсюда.

— Ты что, с ума сошёл? Я ведь могу разозлиться.

— Повторять надо?

Чебрикова растерялась. Она не могла сообразить, что именно знает Котов.

— Ну, знаешь, это хамство. Если тебе кто-то наговорил обо мне гадостей, то я не виновата.

— Я звонил в гостиницу. Ты была у него в номере.

Чебрикова села, прижала к глазам платочек и всхлипнула.

— Дурак! Я ведь для тебя это делала. Для твоего дурацкого ансамбля. Ты сам хотя бы пальцем пошевелил? Этот парень — в ЦК, он курирует молодёжные проблемы. А завтра... ты понимаешь, кем он может стать завтра?.. Ты думаешь, мне, мне это надо?..

Женские слёзы и упрёки действовали на Котова деморализующе. Теперь ему стоило большого труда изображать оскорблённое достоинство. Больше всего хотелось крикнуть что-нибудь в отчаянии и убежать.

— ...Сам-то ты любишь кататься на всём готовеньком. А если кто-то, кто тебя тащит по жизни, в говно ступил — ты уже для этого человека слишком чистенький.

Внезапно Лена опустилась на колени и прижала к губам его руку. Котов слабо дёрнулся, но она не отпустила.

— Прости, я сама не знаю, как это получилось... Всё было так противно... Я шлюха. Прости, Дима, прости, если можешь...

Котов посмотрел сверху вниз на её заплаканные глаза — и сдался.

Петрушка и Степанов молча сидели на своих местах. В утренней тишине квартиры они слышали всё от первого до последнего слова.

— Как там шампанское? — бодро поинтересовалась Лена Чебрикова.— Сева, тащи бутылку.

Хлопнула пробка, и все четверо выпили «за новорождённого».

— Чёрненького долейте в фужеры. Интересный вкус, правда? Музыку тихонечко поставим, совсем тихо... Дима, дай я тебя поздравлю... нет, не так, в губы...

С момента появления Лены в квартире прошло не более пятнадцати минут.

«Невский факел» набирает обороты

Через неделю «Невский факел» закончил работу над студийной фонограммой и приступил к съёмкам на телевидении. А к началу сентября часовой фильм-концерт «С думой о прошлом». Ансамбль позировал на фоне героических памятных мест вперемежку с архивной хроникой. Ещё десять песен-клипов отсняли в условиях павильонной бутафории. В них ребята переодевались то в красноармейцев, то в физкультурников, то в строителей.

Однажды в студии появился композитор Александр Марусин. Котова это даже не удивило; он привык к некоторым закономерностям и повторам. Как выяснилось, Марусин приехал специально для знакомства с участниками ансамбля. Он сказал, что работает над небольшим циклом военно-патриотических песен на африканскую тематику. Сев за рояль, он наиграл несколько «свежих» тем. По своей основной жизни Котов знал его как человека бессовестного и пробивного, то есть, незаменимого в сложившихся условиях. Недолго думая, он предложил Марусину занять место художественного руководителя.

В октябре «Невский факел» начал своё триумфальное шествие в средствах массовой информации. И тогда же пришло шокирующее известие о выступлении ансамбля в Кремле, в сборном концерте, посвящённом празднованию 67-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

У ребят задрожали колени. Об их согласии, никто, разумеется, не спрашивал. Молодых артистов рекомендовал Андрей Романов. Он внёс их в список и дал на подпись министру Культуры. Памятная июльская ночь не прошла даром.

Недремлющее око

Утвердившись в должности начальника отдела, капитан Кизяк ощутил необходимость сделать решительный прорыв в одном из трёх направлений вверенной ему работы.

Тема мужского гомосексуализма вызвала у него неприятные ассоциации: слишком свежи были воспоминания. Кисть руки ещё помнила рукоятку ножа и упругую податливость плоти лейтенанта Бабаёва.

Отличиться на поприще ловли наркоманов было почти невозможно. Наркоман всегда на виду — ослабленный и беззащитный. Все его родственники и знакомые знают, что он — наркоман. При новом порядке наркомания не рассматривалась как серьёзное преступление.

Куда более опасные настроения сеяла в молодёжной среде рок-музыка. Она воспламеняла сердца и давала пищу уму. Совсем недавно Президент упомянул рок-музыку, сравнив её с зубной болью. Вот куда необходимо бросить лучшие силы вверенного ему подразделения. Вот что может стать толчком для его будущей карьеры...

Одним из первых своих приказов по отделу Кизяк произвёл кадровую перестановку, значительно усилив «рок»-подразделение. Спустя два месяца после назначения, в конце октября, его вызвал на доклад Ежов. В кабинете также находился и Зубов.

— Давайте без цифр и покороче.

— Выявляется всё больше молодых людей, вовлечённых в так называемый рок. Это направление работы я прошу считать для отдела приоритетным.

— Обрисуй в двух словах.

Набрав воздуха в лёгкие, Кизяк собрался с мыслями.

— Наиболее разнузданные и опасные — так называемые панки. «Мать», «Эксгумация», «Выпячивание недостатков»... Их концерты мы стараемся либо накрыть облавой, либо заснять на плёнку и поставить на учёт всех присутствующих. Однако, сеть осведомителей не разработана, начинать приходится фактически с нуля.

— Что за люди? Почему они не на общественно полезных работах?

— В большинстве это непутёвые отпрыски уважаемых и влиятельных людей.

— Как бы они не были уважаемы, работайте с ними нашими обычными методами. В особо щепетильных случаях обращайтесь к Зубову.

— Вас понял. Некоторым самим хватило ума повзрослеть. Ещё несколько месяцев назад популярный коллективчик «Обводный канал» основательно разлагал молодёжь. Теперь же они исполняют хорошие, идейные песни. Радио, телевидение.

— Это случаем не «Невский факел»?..

— Они самые, товарищ полковник.

— На них пришла вводная из Москвы. Будут участвовать в праздничном концерте. Я тебя по этому поводу вызвал. Этим ребят надо подготовить. Раньше с ними работали?

— Руководитель ансамбля, Дмитрий Котов, год назад подписал агентурное соглашение,— подсказал Зубов.— Это перед поездкой на фестиваль в Северную Корею. Сотрудничает крайне неохотно.

— Разбирайтесь. До конца месяца надо переслать в Москву их дела. Идите, работайте.

Зубов и Кизяк вместе вышли в коридор.

— С Котовым работал Вовочка Соколов,— сказал Зубов.— Поговори с ним. И, кстати... Там, кажется, племянница Чебрикова как-то фигурирует... Поосторожней.

Котов и Кизяк

— Из органов звонили, этот... НКВД,— сказал Котов за ужином.

— Соколов? Чего хотел? — отозвалась Лена.

— Не Соколов. Какой-то другой... Александр Сулейманович.

Просил зайти.

Лена перестала есть.

— Всё верно! Значит, на вас пришёл запрос. Значит, вы уже точно будете выступать. Вас теперь всех будут вызывать, предупреди ребят. Анкеты у вас хорошие, только поменьше болтайте. Думайте, когда чего-то спрашивают...

В комнате №213 (без таблички) помещения районного исполкома его ждал Соколов и ещё один человек с такой же усреднённой, не запоминающейся внешностью. Котов догадался, что это и есть

звонивший ему вчера Александр Сулейманович. Один сидел за столом, другой делал вид, что читает газету.

— Давно не виделись, Дмитрий Иванович,— приветствовал Котова Владимир.

— Здрасьте...

— Знаешь, почему вызвал?

— Скажите сами, я знать не обязан.

Кизяк опустил край газеты и взглянул на Котова. Он привык к тому, что осведомители ведут себя испуганно и угодливо.

— И не догадываетесь? — Кизяк резко поднялся с места и отбросил в сторону газету. Дело переходило к нему, и он решил показать младшему по званию, как следует работать по-настоящему.

Котов посмотрел на «другого», но промолчал.

— Отец и мать проживают за границей?

— Не проживают, а работают. В Монголии, по поручению советского правительства.

— А сейчас у нас какое правительство?

— Сами знаете.

— Что? Что такое? Говорите, говорите.

— Союза Советских Социалистических республик... — от энергичного напора Дима скис и поджал хвост.

— Вы тоже хотите уехать?

— Не хочу.

— Хотите работать здесь и приносить пользу Родине?

— Да...

— И что же вы умеете?

Повисла пауза. Скрипя паркетом, Кизяк медленно прошёлся по комнате. Соколов думал о том, что ему ещё многому придётся научиться.

— Вот анкета.— Кизяк придвинул к краю стола десяток страниц форменных бланков на скрепке.— Заполните и явитесь сюда завтра. В четырнадцать ноль-ноль. Идите.

На другой день Котов принёс анкету. В комнате находился только один Соколов. Он погрузился в чтение.

— Так... так... Родители проживают за границей, это плохо. Дальше...

«Муд-лак!» — с чувством произнёс про себя Котов.

Канун

Процедуры собеседования и заполнения анкет прошли все участники ансамбля. В первых числах ноября «Невский факел» полным составом прибыл в Москву и поселился в специально забронированных номерах гостиницы «Россия». В основном ничего не делали. Гуляли по Москве и отдыхали. Выпивали умеренно. Выступать предстояло под фонограмму.

В последние три дня начались прогоны большого сборного концерта в Колонном зале — по два в день, утром и вечером. На последнем, генеральном прогоне ребята были одеты в специально пошитые для них концертные костюмы — с приталенными пиджаками и яркими отворотами воротников рубашек.

Члены художественного совета, находившегося в зале, были довольны. Одно незначительное замечание сделала министр Культуры: в одном месте солист (Степанов) делал слишком вольный взмах рукой, что с её точки зрения производило нехорошее впечатление.

В последний день приехала Чебрикова. Она оформила себе путёвку от комсомола и поселилась у своего высокопоставленного дяди-пенсионера. Котов подозревал, что она встречается с Андреем Романовым, но ему было уже почти всё равно.

Пока живы

Утром седьмого ноября всех участников собрали в Колонном зале для записи концерта. Ребята без запинки отыграли свой номер под фанеру, чётко двигаясь по отрепетированной схеме. Вечером то же самое повторили для полного зала — на автопилоте. После этого началась вынужденная импровизация.

Артистов перевели в банкетный зал, где было организовано застолье для Президента и членов Политбюро. Пока в зале провозглашались первые тосты, а фокусники, куплетисты, балерины и музыканты томились в специально отведённом помещении за сценой, случилась катастрофа. Подбежал режиссёр и сказал, что нужно выступать **вживую**.

Ребята в ужасе замахали руками. Со слезами на глазах режиссёр побежал к главному распорядителю и умолял его что-нибудь сделать. В конце концов тот решился подойти к Архарову и нашептал ему в ухо о сложившейся неловкой ситуации.

— Какая такая нахер грамма? — отозвался Архаров во весь голос.— Это что, они нам будут рот открывать?..

Проклиная свою несчастную участь, распорядитель заверил, что джаз, «Виртуозы Москвы» и чтецы, и куплетисты — все будут выступать в живую.

— Вот и эти пусть поют, как умеют,— сказал Архаров.— Пока живы.

На этом разговор был закончен.

Словно напуганные крысы по сцене заметались техники, пытаясь отладить звук из того, что есть. Выяснилось, что у «Невского факела» с собой нет даже гитарных шнуров, и за ними послали в гостиницу курьера. О настройке инструментов со звуком не могло быть и речи; звук можно было выправить только после начала выступления. Гитары лихорадочно настраивали, закрывшись в туалете.

От волнения ребятам сделалось дурно, у Степанова началась тихая истерика: он сказал, что не помнит ни одной строчки.

За полчаса до выхода, когда по сцене гремел сапогами ансамбль песни и пляски, Котов заставил себя разозлиться и собрать волю в кулак. Всё-таки у него был опыт по части работы на сцене. Кто это такие, в конце концов? Обыкновенные пьяные генералы. Для таких он играл десятки свадеб, они подносили ему водку и лезли обниматься. Тысячу раз он видел, как они валяются мордами в тарелках и блюют на собственные лампы.

Котов налил друзьям по полному стакану тёплого коньяка и заставил выпить. Никто не поморщился.

Со сцены доносился голос популярного сатирика. Их выход — следующий.

Распорядитель ухватился за рукав конферансье и что-то ему зашептал. «Танцы» — донеслось до ушей Котова слово, заставившее его сердце радостно забиться. Это меняло всё. Играть для танцующих — совсем не то, что играть для сидящих в зале.

Тем временем коньяк подействовал на щеках ребят появился румянец, глаза стали более осмысленными. Они уже не выглядели как ведомые на закланье бараны. В последний раз запершись в сортире, почти бесшумно, но чётко и слаженно исполнили первый куплет первого номера.

Через минуту все четверо стояли за кулисой в ожидании своего выхода.

«...и на зависть им растёт благосостояние нашего народа!» — закончил своё выступление популярный сатирик.

Под жидкие аплодисменты, звон посуды и пьяный гул банкетного зала на сцену вышел конференсье.

— Я вижу в этом зале много замечательных молодых лиц. И, конечно, не только молодые засиделись, ох засиделись за столами. Я вижу, что и старики давно притоптывают ногами в желании потанцевать. Да разве есть здесь старики? Конечно нет! Наш праздничный вечер продолжает популярный вокально-инструментальный ансамбль «Невский факел»!!!...

Ребята бегом заняли свои места на эстраде, барабанные палочки отсчитали вступление, в ту же секунду, с первыми звуками, оператор выставил звук — и упругая волна бас-гитары, барабанов и клавишей приятно ударила по нервам засидевшейся хмельной аудитории. Молодёжь и часть стариков вышли в круг.

Теперь можно было ничего не бояться. В пьяной суматохе играть легко и приятно. На свой страх и риск Котов принял решение об изменении программы. Вместо песни о товарище Троцком, ансамбль разразился мощной импровизацией на тему «Коробейников» с длинными, почти рок-н-рольными, проигрышами.

Далеко за полночь Президент, сделав окружающим благодушный знак продолжать без него, отправился на отдых. За ним потянулись почти все «старики», а молодёжь ударилась в разгул с утроенной энергией. Во время коротких перерывов ребята пили коньяк и вновь выходили на сцену.

Под утро, когда в зале остались одни пьяные, конференсье объявил окончание вечера и пожелал всем спокойной ночи. Героев сцены отвезли в гостиницу, где они упали на свои кровати замертво.

— Хорошие ребята,— возбуждённо суетилась Лена Чебрикова, подтыкая под бока Котова одеяло.— Ты слышишь? Он сказал: «хорошие ребята», это мне точно передали. Когда он уходил, его спросили, что дальше, а он сказал: «Хорошие ребята, пусть играют». Слышишь ты меня, оболтус? Это можно где угодно процитировать!..

Котов всё слышал, но уже ничего не понимал.

Одиночество

Вернувшись в Петроград, ребята несколько дней отдыхали от концертов, репетиций и друг от друга. Ни для кого в ансамбле не являлось секретом, что в Москве Лена Чебрикова встречалась с Андреем Романовым. Положение Котова становилось смешным и неприличным.

В такие дни, когда его одиночество ощущалось особенно остро, он почему-то начинал думать о Марине. Ещё тогда, два года назад, сразу после появления в 1982-м, он разыскал Марину и повёл себя непростительно глупо.

Прежде всего он позвонил по телефону и назвал её мамашу по имени-отчеству. Та удивилась, и Котов поспешил замять тему.

После этого он решил подкараулить Марину возле её дома. На бульваре улицы Петра Лаврова он расположился на скамейке и приготовился к долгому ожиданию.

Было три часа дня, октябрьское солнышко чуть-чуть пригревало, жёлтые листья раскрасили потускневшие газоны. Дима курил папиросу и поглядывал на проходивших мимо школьников и школьниц. Мальчики — в синих форменных костюмах; девочки — в тёмно-коричневых платьях и чёрных фартуках. В руках портфели, а поверх портфелей болтаются тряпочные мешки со сменной обувью. Мальчишки задевают идущих впереди девчонок, а те язвят им через плечо. Вот одна погналась за обидчиком и хлопнула его портфелем по голове. Портфель открылся, на газон высыпались книжки и тетрадки.

Вдруг Котов узнал в этой школьнице Марину. Он поднялся и быстро шагнул к ней. Не успев подумать, окликнул:

— Марина!

Девочка подняла голову, не узнала его, оглянулась, застегнула портфель и догнала своих подруг.

Котов поплёлся следом.

Вскоре Марина повернула к своей парадной. Взявшись за ручку двери, она обернулась и ещё раз внимательно посмотрела на взрослого, не знакомого ей молодого человека.

— Марина!..

— Вы мне?..

Котов предполагал, что Марина должна выглядеть на несколько лет моложе, но увидеть её такой он никак не ожидал. Это была совсем не та физически развитая и сексуально привлекательная девушка, какой он знал её совсем недавно. Перед ним была хрупкая пятнадцатилетняя школьница в форме, с комсомольским значком на фартуке.

— Ведь тебя... ведь вас Мариной зовут?

— Марина чуть заметно кивнула.

— Мне нужно с вами поговорить... Не могли бы мы встретиться? — пробормотал Котов неуверенно.

— О чём поговорить?

Кажется, это был тупик.

— Видите ли... это важно... Не объяснить в двух словах.

— Всё-таки попробуйте в двух словах. Мне пора, меня мама ждёт.

— Можно я позвоню?

— Хорошо, звоните.

Марина раскрыла дверь и шагнула в подъезд.

— Меня Дима зовут! — крикнул Котов ей вслед.

Вечером он позвонил, но к телефону опять подошла мама, и он бросил трубку. Теперь родители наверняка установят за дочкой строгий надзор...

Утром, на свежую голову, Дима устыдился своего вчерашнего порыва. Чего он добивался от девочки-подростка? Не мог же он, на самом деле, объяснять ей, что они через четыре года стали любовниками...

Теперь мысли о Марине снова назойливо вертелись у Котова в голове. Всё-таки она уже не школьница, их разница в возрасте как бы постепенно стиралась. Ещё одна немаловажная деталь: Дмитрий Котов был звездой, лидером самого популярного в стране ВИА. Его ансамбль крутят по радио, он примелькался на телевидении... И кто знает, может быть, его физиономия пришпилена у неё над кроватью — где-нибудь между Юрием Антоновым и Аленом Делоном...

Котов перевалился со спины на бок, повернул к себе стоящий на полу телефон и накрутил номер.

— Алло,— послышался всё тот же голос мамы.

— Будьте любезны Марину.

— Марину?.. А кто спрашивает?

— Один знакомый.

— Но ведь она уехала, вы разве не знаете?

— Куда уехала?

— Она уехала с Эдиком.

Дима вспомнил, что Эдиком звали того самого героя, её первого мужчину, в которого Марина была влюблена до него и который её бросил.

— Куда же уехал Эдик?

— Вы действительно ничего не знаете?

— Дайте пожалуйста её номер телефона.

— Какой же там телефон... Она на БПС уехала, на строительство.

Живёт на вольном поселении, работает учётчицей. Когда Эдика взяли, она за ним поехала...

По голосу мамы он понял, что она сейчас заплачет.

— Да, спасибо, я всё понял, извините. Наверное, скоро вернётся. До свидания.

Дима повесил трубку. Ему чуть ли не до слёз стало жалко и Марину, и себя, и маринину маму. Стало немножко жаль даже ненавистного Эдика, который сейчас, одетый в нелепый ватник интеллигент, держит своими музыкальными пальцами железный лом и долбит мёрзлую землю.

В очередной раз Марина была потеряна для него навсегда.

Зазвонил телефон. Дима затолкал в пепельницу окурки и снял трубку. Это был Петрушка, и Котов ему обрадовался.

— Ты где?

— Пока на работе.

— Подъезжай, выпьем.

Вилка

Петрушка принёс бутылку водки и минеральную. Выпили, поболтали о том, о сём. Котов был задумчив и печален.

— Как у тебя с Чебриковой? — поинтересовался Петрушка между прочим.

— Нормально.

— Не говори, если не хочешь.

— Она мне, сука, изменяет,— сказал Котов, опрокинув свою рюмку.

Петрушка помолчал в раздумье.

— Ты знаешь, я ведь на эту секретную работу тоже попал не случайно. А был тогда уже почти законным мужем.

— Почти... — проворчал Котов.

— А тебе Чебрикова вообще никто, вы даже вместе не живёте. Тебе от неё со всех сторон выгода, а заодно и удовольствие, разве не так?

— Больше ничего не хочу.

Защёлкал замок входной двери, появилась Чебрикова. Она разделась, под села и тоже выпила. Принесла из холодильника виногрет, селёдку и стала закусывать.

— Сева, а ты видел, как ребята выступали? — поинтересовалась она для разговора.

— Имел удовольствие.

— Правда хорошо?

— С ума сойти.

— А ты сам не пробовал?

— Что?

— Ну, это, на музыкальных инструментах. Петить или играть...

— Лучше не стоит.

— Ну и правильно. У тебя и без того работа хорошая. А эти дураки больше ничего не умеют.

Котов смотрел на неё с ненавистью. Он даже не слушал, что именно она говорит, ему был неприятен сам звук её голоса.

— А ты что ли умеешь? — сказал он грубо.

Лена опустила вилку.

— Умеешь лечь под нужных людей?

Петрушка болезненно поморщился.

— Ты что себе позволяешь, придурок? — Лена повысила голос.

— Пошла на хуй,— Дима опустил глаза.

Лена встала, выплеснула водку из своей рюмки ему в лицо и снова села. Водка попала в глаза и стала больно щипать.

Котов вытер кулаками глаза, поднялся и залепил Чебриковой такую оплеуху, что та свалилась со стула.

Петрушка вскочил и начал вокруг неё суетиться.

— Отойди,— резко сказала Чебрикова.

В руке у неё оказалась селёдочная вилка. Она сделала движение в сторону Котова, размахнулась и ударила вилкой ему в ляжку — между бедром и коленом.

Поднялась, сделала два шага назад.

— Ну что, сука,— сказала она, тяжело дыша,— получил?

Котов вскрикнул, выдернул вилку и отбросил. Прижал ладонью расплывающееся по штанине кровавое пятно. Правая рука потянулась к вымазанному сливочным маслом столовому ножу.

— Ты что, пидор,— отступила Лена ещё на шаг,— под расстрельную статью захотел?

— Дима, Дима, ты чего, успокойся! — метался Петрушка.— Лена, выйди, не стой здесь!..

Чебрикова ушла на кухню, а Петрушка разжал котовские пальцы, отобрал нож, стащил с пострадавшего штаны и приложил к четырём кровоточащим ранкам свой носовой платок.

— Где у тебя бинт, йод?..

— В прихожей аптечка...

Петрушка смочил йодом клочок ваты, приложил к ране и туго перевязал ляжку бинтом.

— Всё, кранты,— бормотал Дима.— Я теперь её, суку, убью...

— Ложись, ложись, Дима, я тебя одеялом накрою.

Продолжая бормотать угрозы, Котов лёг, и Петрушка накрыл его одеялом.

— Ты спи, мне пора уже, мы пойдём...

Он вышел на кухню.

— Принеси водку,— сказала Чебрикова.

Петрушка на цыпочках вернулся в комнату и взял со стола бутылку. Котов, отвернувшись к стене, не шелохнулся.

Чебрикова налила себе водки в чашку, выпила и пошла одеваться в прихожую. Петрушка тоже оделся, заглянул в комнату и озабоченно повторил:

— Ты спи...

Погасил свет и прикрыл дверь. Через секунду за гостями защёлкнулся замок.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вакансия, которая решает всё.

Понедельник, 29 августа 71 года Н. Э. (1988 Р. Х.)

Пять дней до конца света

Как и предполагал Альтшулер, в понедельник утром Карклина хватились по-настоящему. Вечером Змий собрал Политбюро. Феликс Петрович вылетел в Москву самолётом.

Рубцов открыл заседание и обрисовал ситуацию.

Никто не видел, как Карклин покидал полигон. Никто не видел его где-нибудь позднее. Его семье ничего не известно. Спецслужбы подняли на ноги вчера вечером. Результатов нет.

Змий предложил высказываться, но все молчали.

В зависшей тишине Архаров налил в стакан минеральной воды и выпил большими глотками. После этого опять стало тихо.

— Фёдор Иванович,— обратился Президент к Коренному,— ты как думаешь?

— Сбежал в Америку, сволочь,— выдавил из себя Коренной после паузы.

— Семён Степанович?..

— Согласен,— откликнулся Архаров, не поднимая глаз.

— Феликс Петрович?..

— Согласен,— буркнул Коршунов.

— Что-что?.. И ты согласен?

— Все мои люди на ногах; если он в стране, его найдут живым или мёртвым.

Опять стало тихо, и опять Архаров шумно налил себе и шумно выпил стакан минералки.

Президент грохнул кулаком по столу:

— Идиоты!.. Как он мог сбежать? Когда он сбежал? Он пропал, растворился на пустом месте!..

Архаров облизал пересохшие губы. Именно это он видел собственными глазами. В определённом состоянии он вообще видел много чего необычного.

— Чёрт с вами, от вас никакого толку. Нужен кто-то на его место. Все эти его гипнотические излучатели — детский сад. Нужно форсировать ОС, Бомбу, Оружие Сдерживания. Нужны первые результаты. Тогда не понадобится никаких ракет, никаких излучателей. Затраты на оборону — ноль копеек.

Президент посмотрел на своих друзей-заговорщиков.

Архаров пьёт. Коренной слишком глуп. Коршунова нечем заменить. Рубцов пока нужен ему самому...

— Я сам...

У Коршунова опустилось сердце.

— Я сам займусь этим делом. Карклин саботажник. Вы все саботажники. Результаты будут через неделю. Свободны.

Трое членов Политбюро поспешили к выходу столь резво, что в дверях произошла заминка.

Необходимо подключаться

Накопившиеся дела задержали Коршунова в Москве, и он вернулся в Питер только во вторник вечером. А утром, не теряя времени, спустился в Город.

На причале Асфоделового луга его встречал озабоченный Мерехлюдин, зачем-то вырядившийся в парадную военную форму. Не обратив на него внимания, Коршунов зашагал в сторону лаборатории, к Альтшуллеру. Но Мерехлюдин снова возник у него на пути, и на этот раз пришлось остановиться.

— Конфиденциальный разговор, товарищ командующий Городом! — отрапортовал Мерехлюдин, сделав строевой шаг вперёд.— Личное.

Коршунов сдержался, чтобы не послать его матом.

— Потом, после подойдёшь.

Мерехлюдин засеменил рядом, но, не находя слов, замедлил шаг и отстал.

На всех парах Коршунов влетел к Альтшуллеру и плюхнулся в кресло. Несколько находившихся в лаборатории сотрудников на цыпочках удалились.

— Миша, вы уверены, что испытание Бомбы приведёт к катастрофе?

— Добрый день, Феликс Петрович, рад вас видеть.

— Змий назначил самого себя начальником ВПК.

Альтшуллер оторвал пальцы от клавиатуры и крутанулся в кресле лицом к Коршунову. В наступившей тишине было слышно, как вертит на столе лопастями вечная мельница. Но теперь во вселенной уже не было ничего вечного.

— Подключайся к Сети. Сегодня же. Даю полный карт-бланш.

Выйдя из лаборатории, Коршунов снова увидел Мерехлюдина. Тот шагнул навстречу и забормотал:

- Феликс Петрович... Товарищ маршал...
- Ну, что у тебя? Плохо выглядишь.
- Уделите время, товарищ маршал. Сейчас. Наедине.
- Ладно, пошли. Перекусить можно, чтобы не взорвали?
- Да, наверное... Окунь...
- Что окунь?
- Окунь, Валентин Адамович, интендант. Он распорядился.

В заново отстроенном и охраняемом снаружи взводом автоматчиков банкетном зале суетились официанты. Коршунов залпом выпил рюмку аперитива и закурил. Мерехлюдин не заметил своей рюмки. Вытянувшись через стол, он зашептал, брызгая слюной:

— Альтшуллера необходимо отсюда срочно убрать, вообще ликвидировать. Он водит всех нас за нос, всё это чушь, мистификация, фокусы, он всех нас погубит!..

Вглядевшись в него, Коршунов заподозрил неладное. «А не свихнулся ли он, чего доброго...»

— погоди,— похлопал он себя по карманам.— Забыл там, в лаборатории... Сиди здесь, я скоро.

Коршунов зашёл в свой собственный кабинет и надавил кнопку вызова:

— Доктора Павлова.

Не прошло минуты, как появился доктор, будто срисованный с портрета члена Первой государственной Думы.

— Иван Иванович, меня интересует состояние здоровья главного инженера.

— Хотите взглянуть на медицинскую карту?

— Нет. В двух словах.

— Полная импотенция и частичное расстройство психики. Это уже становится заметным?

— Пожалуй... Его можно поставить на ноги?

— Видите ли, Феликс Петрович, я не любитель вторгаться в чужую личную жизнь

— И всё таки?

— С некоторых пор Елена Юрьевна ему изменяет.

— С кем?

— С Мишей Альтшуллером.

— Что?!

— Здесь трудно держать что-либо в секрете. Товарищ Мерехлюдин видел плёнку, отснятую в бассейне оздоровительного комплекса. Это его и подкосило.

— Чёрт бы побрал бальзаковских барышень!

— Полагаю, что не обошлось без доброжелателя в лице Софочки Альтшуллер.

— Чёрт бы побрал экзальтированных девиц!

— Все хороши, Феликс Петрович. С Мерехлюдиным будут проблемы до тех пор, пока Елена Юрьевна не станет снова образцовой женой.

— Спасибо, доктор, вы свободны.

С Альтшуллером Коршунов решил поговорить по телефону, коротко и решительно.

— Что у вас с женой Мерехлюдина? — сказал он строго.

— Она меня соблазнила,— ответил Миша, всё взвесив.

Ответ был дан, и Коршунов не стал придираться к формулировке.

— Как давно?

— Месяц назад.

— И часто вы имели с ней... встречи?

— Когда один раз в день, когда два.

— Мерехлюдин узнал только вчера?

— Вчера он увидел запись... Всё остальное зависит от объяснений

Ольги Юрьевны.

— Послушайте, Михаил Оттович, вам известно, что генерал-полковник Мерехлюдин является вторым лицом в Городе?

— Клянусь, я вам клянусь, я просто купался в бассейне, я даже не подозревал, что Ольга Юрьевна имеет на меня виды... Вы же понимаете, мне бы и в голову не пришло!..

— Ладно, успокойтесь, я всё понял. Постарайтесь в ближайшее время не попадаться ему на глаза. Думайте, думайте о главном, о нашем деле.

И всё-таки — бессмертие?..

Мерехлюдин сидел в той же позе и с тем же выражением лица.

— Ты видел его собаку? — зловеще зашептал он, как будто в разговоре не было паузы.— Этого таксу, для которой ты обещал привезти сучку...

Коршунов подумал, что Мерехлюдин ревнует свою жену к собаке Альтшуллера.

— Ты знаешь, сколько ей лет?

— Кому?

— Таксе, кобелю.

— Геркулесу? Сколько? — подыгрывая несчастному, Коршунов тоже заговорил шёпотом.

Мерехлюдин ещё дальше вытянул шею в сторону собеседники и отчётливо выговорил:

— Двадцать четыре.

— Ну и что? — не понял Коршунов.

— А то, что собаки так долго не живут.

Коршунову стало не по себе. В голове молнией пронеслась догадка, заставившая его моментально взмокнуть от волнения.

— ...Я консультировался: собаку можно сохранить в живых до такого возраста, если пичкать препаратами, делать пересадки... и всё такое. Но это было бы полуживое, парализованное чучело. А вы видели, в какой она, то есть, в какой он форме? Он в расцвете сил, ему нужна сука, вы понимаете? Ему нужна сука...

У Мерехлюдина на глазах выступили слёзы.

— Откуда ты знаешь, что Геркулесу двадцать четыре года?

— Вот документы,— Мерехлюдин начал доставать из портфеля бумаги и кассеты.— Вот видео трёхлетней давности, обустройство Города. Альтшуллер притащил его сюда полудохлым, он накачивал

собаку препаратами, чтобы она не сдохла. И вдруг это облезлое чучело превращается в молодое, резвое животное. Аппетит, блестящая шерстка, упитанность, сексуальная активность...

На глазах у Мерехлюдина снова навернулись слёзы.

С минуту Коршунов думал, в волнении постукивая пальцами.

— Скорее всего, ты прав. И это полностью меняет доктрину.

Необходимо брать власть любой ценой. Там, наверху...

— От меня жена ушла...

— Я знаю. Подожди. Его сейчас нельзя трогать. Через неделю возьмём за горло. Жги, пытай, шкуру спусти. Сейчас нельзя. Сейчас можно потерять всё.

Отказавшись от обеда, Коршунов в возбуждённом состоянии убыл из Города. Голова у него шла кругом, мысли путались.

Теперь, когда перед ним реально замаячило физическое бессмертие, сопряжённое с омоложением, философско-религиозные проблемы, терзавшие его на протяжении последних лет, сами собой отпали. Теперь нужно было действовать — в сто, в тысячу раз решительнее. И прежде всего — обезвредить спятившего Президента.

— Руководителя программы «Маяк»,— приказал Коршунов дежурному.— Ко мне, срочно. Да, ещё вот что. Вколите ему что-нибудь... чтобы ничего не видел и не помнил.

Какую музыку любит Президент?

Четверг, 1 сентября, 49 часов до конца света

Петрушка открыл глаза и увидел белый потолок. Голова гудела от большой дозы снотворного. Он поднялся и, свесив ноги, сел на кровати. В матрасе колыхалось нечто податливое и тёплое, приятное на ощупь. Обстановка не походила ни на тюрьму, ни на больницу. Воздух, удивительной свежести, пропитан ароматом соснового леса. Дорогой отель в горах Швейцарии?.. Рядом с кроватью — ночной столик с обычным набором необходимых вещей, Библией и... «Устав жителя Города». На часах половина десятого. Утра или вечера? Окна завешены плотными шторами. Небольшой пульт с кнопками. Нажать наугад... кружок с расходящимися линиями...

Шторы раздвинулись, за окном вспыхнули верхушки елей. Странный свет, не похожий на солнечный.

Петрушка подошёл к окну.

В десяти шагах, за ёлками, отвесная скала. А сверху... тоже скала и искусственные светильники.

Стараясь пока много не думать, он разыскал просторную кухню, холодильник и набросился на еду. Нашёл аптечку, принял таблетку от головной боли. Выпил бутылку виноградного сока. Включил телевизор. Там, на одном единственном канале, демонстрировался фильм отечественного производства. Включил радио. Там играла классическая музыка. Прилёг и, незаметно, снова задремал.

Его разбудил телефон.

— Всеволод Иванович, как ваше самочувствие?

— Да, хорошо... С кем я говорю? Где я?

— Вы всё узнаете несколько позже. А сейчас, прежде всего, есть несколько вопросов к вам. Я буду у вас через минуту.

Появился Коршунов.

Вот уже год Петрушка был руководителем программы, и не раз встречался с этим человеком, председателем НКВД СССР. Едва успев одеться, он сделал шаг навстречу и вытянулся по струнке.

— Товарищ маршал Советского союза...

— Вольно, отставить. Садитесь, Всеволод Иванович. Без преисловий. Сколько понадобится времени для того, чтобы нанести скрытый поведенческий код на музыкальный носитель?

— Общий код или адресный?

— Я не знал, что бывает адресный.

— Нужен только образец голоса объекта.

— О, в этом недостатка не будет.

— Для общего понадобится месяц; для адресного — несколько дней.

— Если вам доставят всё необходимое, вы сможете управиться за сутки?

— Я попытаюсь.

— В таком случае, начинайте немедленно. Я провожу вас в лабораторию, где вам всё объяснят и всё покажут. И, кстати, называйте меня просто Феликс Петрович.

— Да, благодарю вас, я понял.— Они вместе вышли в коридор.— Простите, Феликс Петрович, я могу узнать, кто будет объектом воздействия?

— Как, разве я ещё не сказал? Объектом будет Президент, наш дорогой Президент, Владилен Казимирович Змий. Кажется, он любит слушать балалайку. Алкоголь не будет являться препятствием к проникновению сигнала?..

**Президент лишается дара речи.
Пятница, 2 сентября, 36 часов до конца света**

Полуденный перезвон на башне Кремля согнал с подоконника любопытную ворону, которой Владилен Казимирович что-то говорил через стекло на протяжении последних десяти минут. На его рабочем столе стояла начатая бутылка коньяка, в руке он сжимал стакан. «Разлука ты, разлука, родная сторона...» — хрипло напевал он про себя тоскливую мелодию, которая сегодня крутилась у него в голове особенно назойливо.— «Никто нас не разлучит, лишь мать сыра земля...»

Из потайной дверцы в кабинет просунулась голова Рубцова.

— Разрешите, Владилен Казимирович?..

— Лёха, Лёха, что же мне так плохо... Чего нарыл, кого топить будешь?

— Известие от Хромова, помощника Коршунова.

— Не рано ли ты под Коршунова копаешь, Лёха? Валяй, говори, только я всерьёз слушать не буду.

— Это как вам угодно. Этой ночью Хромову удалось проникнуть в сверхсекретное помещение, комнату, примыкающую непосредственно к кабинету Феликса Петровича.

— Ну и что там? Женщины? Голые мальчики? Растерзанные трупы? Я же говорю — глупости. Зелёный ты ещё, чтобы в запертые комнаты нос совать... Подойди, подойди сюда, дай-ка я тебя за нос...

— Двадцать шесть степеней защиты. Не многовато для растерзанных мальчигов? Человек Хромова расшифровывал их на протяжении полугода...

— Юноша, вы меня заинтриговали.

Рубцов понизил голос:

— Подземный город. Тоннель заканчивается недалеко от финской границы в залегающих на глубине нескольких километров скальных породах.

— Как же он дотуда докопался? Вот идиот!

— Гораздо важнее то, чем занимается Коршунов в этом бункере.

Змий схватился за сердце:

— Неужели онанизмом... В особо извращённой форме...

— Они занимаются проблемой бессмертия.

— Что?!!

— Бессмертия.

— Кто?..

— Миша Альтшуллер, тот самый гений, которого Феликс Петрович выкрал из ВПК...

Лишившись дара речи, Президент несколько раз ударил обоими кулаками по столу, разбил стакан и, обессиленный, откинулся в кресле.

Как Феликс Петрович воскликнул «Что?!!» одновременно с Президентом

В полдень того же дня Коршунов вышел на связь с Городом.

— А, Феликс Петрович, доброе утро,— приветствовал его Альтшуллер.— Вы знаете, к вам кто-то залезал сегодня ночью.

— Да,— глухо ответил Коршунов,— я знаю.

Именно сейчас Хромов наблюдал, как выжигают глаза и рвут плоть у его жены и детей. Когда он терял сознание, врач делал ему укол, и пытка возобновлялась. Он давно сказал всё, что знал, и теперь нёс ахинею.

— Что будете делать?

— Твоё мнение?

— Пообещайте ему бессмертие в обмен на Бомбу.

— Что?! — Коршунов вдруг понял, что в этой фразе, как в кощеевом яйце, заключены его жизнь и его бессмертие. И этот возглас по совпадению прозвучал в унисон с таким же возгласом Президента, находившегося в Кремле.

— Можете радоваться, кое-что получилось.

— Это сложно?.. Необходима операция?..— Коршунов вдруг начал задыхаться.

— Нет, просто внутримышечная инъекция. Один укол в вашу...

— Еду!..

Уже в следующую минуту, дрожа от нетерпения, он вскочил в вагонетку и выставил максимальную скорость. К чёрту кодирование, закодировать сумасшедшего не так просто, ошибка может быть роковой. Посулить бессмертие, закрыть проект «ОС», заманить старого борова в Город и прикончить.

После этого можно смыться за кордон или настроить «Маяк» на его, Коршунова, абсолютную власть. Да, пожалуй, лучше остаться. Постепенные послабления, частная собственность, благодарный и послушный народ... Власть и бессмертие, бессмертие и власть. Не это ли есть сущность вечного земного блаженства?..

Коршунов обретает бессмертие

— Где?..— выдохнул Коршунов с порога.

— Вы уже здесь? — удивился Альтшуллер.— Понимаете, есть небольшая заминка: препарат действует только на блондинов с голубыми глазами и...

Сопя как паровоз, Коршунов вынул пистолет, взвёл курок и приставил дуло к виску изобретателя.

— Где?..

— Вы с ума сошли, я пошутил!

— А я не шучу.

— Берите, берите, вон там, на столе! Раствор в пробирке!

Коршунов взял пробирку и шприц.

— Сколько?

— Четыре кубика.

Коршунов отмерил.

— Себе.

Перепуганный Альтшуллер засучил рукав и уколол себя в плечо. Только после этого Коршунов спрятал пистолет и позволил изобретателю уколоть себя.

— Миша, ну зачем, зачем вы так долго водили меня за нос? — почти нараспев заговорил Феликс Петрович, опьянённый свершившимся событием.

— Должен сообщить вам, что, сразу после вашего ухода, введу себе раствор, нейтрализующий этот препарат.

— А почему? Что такое?

— Я верующий человек и не хочу бессмертия плоти.

— Но ведь вы вкололи препарат своей собаке.

— Это мой грешок. Исправлю, едва замечу с собакой неладное.

— Вздор, метафизика. Кстати, проинструктируйте меня, как пользоваться этим препаратом в дальнейшем.

— Он вам больше не понадобится. Организм программируется на омоложение и бессмертие одной дозой.

— А вы, Миша, вы тоже начнёте молодеть, если оставите как есть?

— Нет, я ещё буду взрослеть. Я ещё не достиг оптимального биологического возраста.

— Когда я замечу действие препарата?

— Через пару часов можете начинать смотреться в зеркало.

— Вы шутите?

— Нет, я не шучу.

— Какой восторг! Миша, дайте я вас расцелую... Пойдёмте в ресторан, выпьем шампанского.

— Идите к чёрту.

— Ладно, ладно. Я на вас больше не обижаюсь. Выходите на связь с Президентом и предложите ему мои условия. И пригласите его в Город. Скажите, что я простроил бункер ему в подарок. Приготовим цианид и как-нибудь подменим шприц старому дуралею... — хитро подмигнул Коршунов.— Ха-ха-ха!

— Дайте мне Петрова.

— Петрова?.. Ах, этого, берите. Разве вы знакомы?

— Матмех, восемьдесят второй год. Я на первом, он — на четвёртом.

— Понимаю, понимаю, альма матер. Он мне ещё понадобится. Потом, после.

В центре Асфоделового луга Феликс Петрович развёл руки и вдохнул полной грудью струившийся из зелёной галереи свежий воздух. Заметив стоявшего неподалёку интенданта, сказал:

— Эй, как тебя... Окунь. Распорядитесь приготовить мои апартаменты. Я задержусь здесь на сутки... или на двое. И распорядитесь насчёт обеда. Так, повеселей, поторжественней — ну, как будто у меня день рождения. Ву компроне?

— Феликс Петрович... Товарищ командующий городом... — зашёлся Окунь от трепетного восторга.— Не сомневайтесь...

Лучшие из лучших

Этим же вечером на военном аэродроме под Петроградом приземлился самолёт. На его борту находились два десятка неулыбчивых военных людей под руководством полковника Лобова, командира этого лучшего в стране, а может быть и в мире, отряда специального назначения «Призрак». Как боги они владели всеми видами оружия, рукопашного боя и психического воздействия. В совершенстве знали технику, медицину и марксистско-троцкистскую философию. Могли стерпеть любую боль и найти себе воду и пищу в любых условиях. Каждый из них, при поступлении в отряд, добровольно себя кастрировал.

Несколько бронированных автомобилей дожидались их прямо на лётном поле. После ареста Коршунова Лобов будет представлен к маршалскому званию и назначен председателем НКВД СССР. Только что подписанным Указом Коршунов снят с должности, разжалован и объявлен в розыск.

Никаких переговоров, никаких уступок. Взять живьём или пристрелить. Изобретателя беречь как зеницу ока — пуля в лоб за каждый упавший с его головы волосок.

Резиденция Коршунова в Новой Голландии. Вереница коридоров, потайная комната.

Искры сварочного аппарата, дыра в люке, тесный, мерцающий огнями тоннель...

Обе вагонетки, рабочая и резервная,— внизу, уехали в одной сцепке. Шакал почувствовал приближение опасности.

Лобов выходит на связь с Президентом:

— Мы в тоннеле.

— Хорошо. Когда будете внизу?

— Обе вагонетки там, придётся идти пешком.

— Бегом, бегом, а не пешком!

— Здесь довольно тесно...

— Ползите на карачках! Только быстро, быстро! Так, чтобы дым повалил. Связь — через каждые двадцать минут.

— Слушаюсь.

И двадцать человек, увешанных тяжёлым снаряжением, по команде Лобова, пригнув головы, побежали вниз по тоннелю. «Раз, раз, раз-два-три, раз, раз, раз-два-три...»

У замыкающего за спиной катушка, за ней тянется тончайший провод телефонной связи.

Вечно молодой...

В это время Феликс Петрович кутил в банкетном зале. После первых бокалов шампанского он велел женщинам переодеться и, на манер цыганок, петь ему здравицы под аккомпанемент брэнчащего на гитаре Окуня. Плачущего Мерехлюдина он заставлял есть горчицу и изображать русалку. Быстро, по неопытности, он периодически напивался и засыпал, и тогда его укладывали на кушетку в фойе. Однако, проспав не более получаса, Феликс Петрович бодро вскакивал, ощущая в себе новый прилив бодрости, и продолжал куролесить.

Препарат омоложения и бессмертия действовал. Мышцы окрепли, голова работала ясно, на лету рождались великолепные остроты. На его лице стремительно разглаживались морщины, седые волосы выпадали, уступая место новой, молодой поросли. Несколько раз Феликс Петрович уединялся со своими вакханками и демонстрировал класс юношеского, молодецкого секса. Если бы юность знала, а старость могла.

Невыносимое бездействие. Суббота, 3 сентября. 12 часов до конца света

Президент сидел перед телефонным аппаратом в невыносимом ожидании известия о свете в конце тоннеля. Ночь он провёл здесь же, за рабочим столом, периодически роняя голову на руки и засыпая. Не в силах дожидаться звонка, он сам выходил на связь и кричал:

— Ну?.. Что!..

— Продвигаемся вперёд, товарищ генералиссимус,— заученно, не сбиваясь ритма, отвечал Лобов.

— Бегом?..

— Так точно, бегом, товарищ генералиссимус.

— Много осталось?

— Не могу знать, товарищ генералиссимус.

— Никаких остановок!

— Так точно, товарищ генералиссимус...

В конце дня, когда за окном стемнело, Президент извёл себя окончательно и лёг спать на диванчик, подложив под ухо телефонный аппарат. В голове у него, как заведённая пластинка, звучал голос Лобова.

Он проспал до одиннадцати и, перепугавшись спросонок, что о нём забыли, вышел на связь. В трубке прозвучали всё те же заученные слова.

Владилен Казимирович налил в стакан коньяка, высыпал три ложки растворимого кофе и перемешал. Выпил залпом и в нетерпении пришлось хватить из угла в угол.

Сунув в карман трубку радиотелефона, вызвал машину и велел отвезти его в здание главной лаборатории ВПК.

Альтшуллер был прав. Президент решил потребовать бессмертия, угрожая Бомбой.

Нельзя одновременно. Тридцать минут до конца света

Проснувшись в очередной раз, Феликс Петрович выпил острый томатный коктейль и принял душ. Переодевшись, пружинящей походкой направился в лабораторию.

Перед экраном сидели Петрушка и Альтшуллер.

— Иванов,— рассуждал минуту назад Альтшуллер,— вне сомнений, падший ангел. Не в том смысле, что чёрт. Просто дезертир, хулиган, нарушитель... Однако, ты задал совсем не тот вопрос. Ведь именно сегодня в полночь наступает «критическая точка»?

— Да, пожалуй, именно сегодня...

— Ты понимаешь, что это может значить?

— Котов, как последний оставшийся в живых, должен решить: останется он здесь или вернётся к отправной точке...

— Если он умрёт до полуночи, то вернётся к отправной точке,— Альтшуллер изобразил схему и провёл стрелку на листе бумаги.— С этим мы разобрались. А если нет?

— Если не умрёт? Тогда он останется здесь.

Альтшуллер покачал головой.

— Никого и ничего здесь не останется. До тех пор, пока здесь останется хоть одна молекула вещества мира-двойника, отсчёт времени там не возобновится.

— Почему?

— Потому что у тебя только одна душа и ты не можешь находиться в двух местах одновременно. Это значит, что сегодня в полночь какой-то из двух миров-двойников прекратит своё существование.

— Что будет с нами?

— Скорее всего, мы вообще ничего не заметим.

В лаборатории появился Коршунов.

— Ого! — сказал ему Альтшуллер.— На вас приятно смотреть, товарищ маршал. Кстати, вы знаете, что вас уволили со службы и объявили в розыск?

— Что?..

— Вы шпион, изменник Родины и враг народа.

— То есть?..

— Исполняющим обязанности председателя НКВД СССР назначен полковник Лобов.

— Что-что?..

— Не переживайте, ведь мы с минуты на минуту всё исправим, и вы скоро станете Президентом.

— Да-да...

— Посидите, подождите, осталось совсем немного. Змий в машине, он движется в сторону главной лаборатории ВПК. Едва только он окажется перед экраном главного компьютера, мы вступим в переговоры.

Закодированная на послушание и безволие пластинка с записью известного балалаечника, готовая к трансляции, беззвучно вращалась в дисководе.

Всё готово...

На пути Президента то и дело возникали препятствия. Сначала караульный не хотел пускать его на территорию. Змий опустил стекло и выстрелил солдату в лоб из пистолета. Подоспевший офицер отворил ворота и вытянулся по струнке.

Ни одна дверь, ни одна шлюзовая камера, ни один замок не открывались; двое заместителей подолгу суетились перед каждой электронной ловушкой, прокладывая дорогу новому директору.

Наконец он уселся на своё законное место, положил перед собой пистолет и глухо спросил:

— Готовы ли вы немедленно начать эксперимент?

Заместители испуганно посмотрели друг на друга. Несколько дней они ждали и боялись этого момента.

— Да или нет? — Змий ткнул пальцем в того, что стоял справа.

— Видите ли, товарищ Президент... — начал было тот, но раздался выстрел, заместитель вскрикнул, схватился за ляжку и скорчился от боли.

— Да! — выкрикнул другой, не дожидаясь вопроса.

Когда стрелки часов приблизились к цифре «12», Президент сидел перед экраном главного компьютера. Только что прервалась связь с Лобовым. Возможно, повредился или оборвался телефонный провод. Это уже не столь важно.

— Всё готово?

— Так точно,— доложил второй заместитель, пытаясь унять дрожь во всём теле.

Президент приложился к маленькой фляжке с ректификатом.

— Ну так валяйте...

И он засунул в щель пластинку со своим личным президентским кодом.

Почему оборвалась связь

— В тоннеле кто-то есть.

Альтшуллер переключился на камеры в тоннеле, и Коршунов сразу узнал полковника Лобова во главе элитного подразделения «Призрак», подчинённого лично Президенту. Одно за другим на камеру наплывали маски спецназовцев, продвигавшихся гуськом, пригнув головы под тесными сводами.

— Чёрт... — прошептал Коршунов.— Мерехлюдин!

— Слушаю вас, товарищ командующий Городом.

— Залить первый отсек.

— Сейчас?

— Жди моей команды.

Мерехлюдин вернулся в ванную, смыл с себя мыло и тщательно ополоснулся под душем. Обтёрся полотенцем, побрызгался дезодорантом и оделся во всё чистое. Он принял чрезвычайно важное для себя решение.

Ещё совсем недавно, час назад, он намеревался убить свою жену, Альтшуллера, собаку Альтшуллера, а затем себя. Однако теперь, после распоряжения Коршунова, когда стало ясно, что связь в внешнем мире будет навсегда отрезана, в его голове щёлкнуло, и он принял другое, потрясшее его самого решение: убить Коршунова и занять место командующего Городом. Убить так, чтобы выдать его смерть за нелепую случайность — например, утопить в бассейне...

При таких обстоятельствах он, абсолютно законно, как первый заместитель, примет на себя командование. Под пыткой он вырежет и выжжет из Альтшуллера тайну вечной молодости, а затем дарует бессмертие своей неверной жене и её любовнику.

Зачем? Затем, чтобы навечно приковать их к стене пыточной камеры, приходиться туда в одно и то же время и терзать, терзать ножничками и щипчиками их похотливую, греховную плоть...

— Мерехлюдин! — ухнул по громкой связи голос Коршунова.

— Всё готово, товарищ командующий.

Для того, чтобы залить бетоном расположенный на подступах к Городу участок тоннеля длиной около километра, необходимо было нажать одну единственную кнопку, предварительно разбив защитное стекло.

Мерехлюдин разбил стекло специальным молоточком и положил большой палец на кнопку.

Паноптикум пустот

— На месте — стой! — скомандовал Лобов.

Он заметил срез стальной перегородки в своде тоннеля. Скорее всего, это средство для защиты от прорыва грунтовых вод. Да, пожалуй, больше она ни на что не годится...

В то же мгновение перегородка опустилась, отрезав Лобову путь к отступлению.

— Проклятие, они нас замуровали,— прошептал Лобов, подняв глаза и внимательно разглядывая свод тоннеля.

Солдаты запаниковали и открыли огонь. Пули с ртутными сердечниками оставляли на поверхности лишь ссадины и вмятины. Второпях начали прилаживать взрывчатку.

Но ещё раньше, чем мог бы последовать взрыв, створки в своде тоннеля распахнулись, и целое озеро густого бетона затопило людей, замуравав их заживо. В причудливых позах, с лицами, перекошенными от ужаса, они могли бы когда-нибудь образовать любопытный для археологов будущего паноптикум пустот, заполненных скелетами, остатками оружия и обмундирования.

Три минуты до конца света

Брызги цементного потока испачкали объектив, и экран потемнел. Коршунов снова обратился к главному монитору. Едва только Президент введёт пароль допуска, заиграет балалайка — в Сеть будет запущена программа мгновенного кодирования. Музыка, исполненная балалаечником-виртуозом, превратит его в послушное, безропотное животное. Он получит команду прекратить эксперимент. А затем добровольно передаст властные полномочия Коршунову, который с этой минуты станет бессменным, потому что бессмертным, Президентом...

Без трёх минут полночь.

На экране появилась вереница цифр.

— Есть! — воскликнул Альтшуллер.— Теперь он наш...

— Ну! Жми!..— зашептал Коршунов в нетерпении.— Жми, бес ему в ребро!!

И небо вспыхнуло...

Залив бетоном километровый отрезок тоннеля, Мерехлюдин сел за стол и обхватил голову руками. Одна мысль причудливее другой вспыхивали в его воспалённом мозгу. И все они были пылающими, как обручи в цирке, вопросительными знаками...

«Если связь с внешним миром утрачена, не следует ли действовать последовательно до конца? Не следует ли совсем его уничтожить? Но зачем, зачем Коршунов нарушил первое правило, запрещавшее контакты с падшим миром разврата? Для чего он разрешил Альтшуллеру выйти в Сеть? Не для того ли, чтобы смотреть, копировать и распространять омерзительные порнографические фильмы, противные человеческой морали и физиологии? Не для того ли, чтобы окончательно растлить уже и без того лишённое моральных устоев население вверенного ей Города?..

...Это возмутительно! Я слышала, что там показывают совершенно, совершенно голых собак! Но нет, нет, растлитель и извращенец, ты лишил меня девственности, но ты не получишь этого удовольствия.»

Мерехлюдин встал перед зеркалом и обвёл губы красным фломастером. Затем припудрил нос зубным порошком, от чего всё лицо его сделалось белым. Жеманно поправил волосы.

— Ваша задача номер один, товарищ командующая Городом? Прекратить извращения в эфире! Слушаюсь, мадам.

Мерехлюдин вышел из кабинета и сорвал с пожарного щита топор. Держа его наперевес, словно знамя, он направился к распределительной станции. На ходу он описался и подумал с досадой, как не вовремя у него всегда начинаются менструации.

Сидевший в ресторане с рюмочкой коньяка доктор Павлов увидел, как его пациент решительно пересекает Асфоделовый луг, и бросился к телефону.

Оказавшись в помещении распределителя и прогнав дежурного, Мерехлюдин встал перед обвитой лианами проводов стеной.

Затем, хорошенько размахнувшись, перерубил ведущий на поверхность кабель связи.

Экран погас.

Альтшуллер и Петрушка переглянулись: часы начинали бить полночь.

Зазвонил телефон, Коршунов схватил трубку и услышал взволнованный голос доктора Павлова.

— Кто?.. Да пошёл он...

И в это мгновение небо вспыхнуло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

После праздника

Наступил новый, 70-й (1987 Р. Х.), ещё один невесёлый год в мире, обречённом на гибель. Сразу после его встречи Котова пригласили в НКВД. Это было не просто неприятно, это было мучительно больно. И без того лежавшего в отходняке Диму то и дело пронизывал беспричинный страх, а постельное бельё было влажным от пота. В такие дни он выключал телефон и дрожал при звуке шагов на лестнице. Но сейчас поругавшаяся с родителями Лена Чебрикова жила у него и охотно снимала трубку на все звонки.

После пререканий, во время которых Лена зажимала мембрану ладонью, Котов взял телефонную трубку и неприязненно прислонил её к уху.

— Да... — сказал он упавшим голосом.

— Алло, Дима? Здравствуй, Александр Сулейманович беспокоит. Встречались осенью восемьдесят четвёртого, перед концертом в Кремле...

— Где встречались?

Дима всё прекрасно понял, но переспросил из вредности.

— Ладно, ладно, не дури. Надо встретиться. Как ты сегодня?

Котов с ненавистью посмотрел на Чебрикову.

— Нет, в ближайшие дни не могу. Болен, температура.

— Это понятно, третьего января у всех температура. Я недалеко, на Большом, в исполкоме, в той же комнате. Жду тебя через полчаса. Долго не задержу.

— К сожалению...

Но Кизяк положил трубку.

Котов вспотел так, что пришлось откинуть одеяло.

— Не кури! — слабо крикнул он на Чебрикову, смотревшую на него, как ему показалось, насмешливо.

— Надо идти,— заметила она вполне издевательски, не подумав затушить сигарету.— Это тебе не Соколов, это начальник отдела...

Пешая прогулка до исполкома немного освежила. Редкие снежинки приятно таяли на лице, следы праздничного убранства радовали.

Но вот, зайдя в фойе исполкома, Котов снова ощутил приступ беспричинного страха, головокружение и дрожь в коленях. Здесь, в тепле, его снова бросило в жар, а после подъёма на два марша по ковровой дорожке начался упругий барабанный стук в висках.

С отвращением напившись застойной воды из-под крана в туалете, он остановился перед знакомой дверью и тихо постучал.

— Заходи.

Котов шагнул в кабинет, хмуро кивнул вырисовывавшемуся на фоне окна силуэту и, закрывая за собой дверь, запутался и сделал лишний оборот вокруг собственной оси.

— Ну, что ты топчешься, как новобранец? Будто в армии не служил? — доброжелательно приветствовал его майор Кизяк.— Проходи, садись на стул.

Котов уселся и стал разглядывать царапину на стекле письменного стола.

Минута прошла в полнейшем молчании, только где-то за стеной слашаво тикали казённые ходики.

— А хочешь, я сейчас, прямо отсюда, отправлю тебя в камеру? — сказал Кизяк, неожиданно повысив голос.— К уголовникам?

Молния поразила ослабевшее котовское сознание. Он поднял глаза и посмотрел как провинившаяся собака. Тысячи мыслей

промелькнули в одно мгновение, весь хмель слетел, остался только яркий, пронзительный ужас.

— Или не надо? — снова выдержав паузу, поинтересовался Кизяк другим, примирительным тоном.— Или будем дружить?

— Лучше дружить,— слабо и угодливо улыбнулся Котов, надеясь, что секундный душераздирающий кошмар обернётся всё-таки для него безобидной шуткой.

Кизяк тоже улыбнулся и сразу перешёл к делу.

— Понимаешь, Дима... Ты, конечно, от этих глупостей давно отошёл, но у тебя ведь должны сохраниться какие-то связи с этими... попами, роками... Ну, группами. Понимаешь?

Уняв дрожь в голове и в шее, Котов попытался сообразить, чего от него хотят.

— Надо подумать.

— Хорошо, подумай. Ну, типа, у кого незалитованная программа, левые концерты. Кто балуется наркотиками.

— Я подумаю.

— Может, у тебя есть знакомые гомосексуалисты? В творческой среде это совершенно нормальное явление.

Котов сразу подумал про Марусина, которого недолюбливал, но всё же отрицательно покачал головой. Не для того, чтобы выгородить, а так, из принципа. Он не мог знать, что обстоятельные отчёты Марусина уже ложились на стол Кизяка ежемесячно, а то и еженедельно.

— Ну ладно. Нет так нет.

Кизяк поднялся и начал застёгивать свой скрипучий дипломат.

— Так что иди домой и подумай.

— Да, конечно, я постараюсь,— Дима тоже поднялся, чувствуя приятное облегчение.

Выйдя на улицу, он набрал в пригоршни снега и растёр по лицу. Смахнул, потряс головой и вытерся платком. Второй раз его напугал в одном и том же месте один и тот же человек. Эта жизнь тоже определённо не ладилась. Одолеваемый тяжёлыми мыслями, Котов поплёлся домой.

Достать хорошего яду

Прошедшие два года не принесли Котову радости. Режим укреплял позиции, на полках магазинов появились продукты, а людей на улицах становилось меньше. Чебрикова изменяла, ансамбль «Невский факел» наяривал верноподданническую халтуру Александра Марусина.

С каждым днём приближалась полночь третьего сентября 1988 года. До её наступления нужно было принять решение: остаться здесь навсегда или вернуться. Условием возвращения была его смерть — хотя бы за минуту, за мгновение до окончания шестого сигнала... Хватит ли у него воли и решимости наложить на себя руку?

В любом случае было необходимо достать хорошего яду.

Он уже слышал об отвратительных случаях попыток самоотравления недоброкачественным ядом, когда мучения не заканчивались смертью. Самоубийцу откачивали, и тот навсегда оставался несчастным инвалидом или идиотом.

Для того, чтобы достать хороший яд, следовало иметь знакомство в области фармакологии.

Пролистав записную книжку до конца, он так и не придумал, кому позвонить. Да и что сказать, он толком не знал. Достать редкого лекарства? Но за исключением йода и аспирина Котов никогда в жизни не имел дела ни с какими лекарствами.

Порывшись в книгах, он разыскал справочник и выбрал наугад лекарство, название которого показалось ему наиболее внушительным: «Heptylresorcinum». Переписал слово на бумажку и начал мусолить страницы записной книжки по второму кругу.

На букве «О» задержался, что-то такое смутно припоминая. Да, верно, что-то было. Осипов говорил, что в аптеке работает знакомая девушка, которую он задолбал просьбами. Интересно, чем это он её «задолбал»?

Не долго думая, Котов стал накручивать телефонный диск. И хотя он, как обычно, делал ставку на импровизацию, в голове его

уже маячил некий зловещий план...

Рак головного мозга приносит невыносимые страдания

Это была хрупкая рыжеволосая девушка, сидевшая за стеклом рецептурного отдела.

— Я вам вчера звонил,— сказал Дима, наклонившись к окошку. — От Андрея Осипова. Припоминаете?

— Да, конечно. Я только не совсем поняла... гептилрезорцин — это от глистов...

Котов покраснел.

— Знаете, я, наверное, неправильно записал. Я уточню, как правильно... Но дело не столько в этом... Ничего, если я вас подожду?

— Ну, подождите...

Дима вышел из аптеки и закурил. А пожилая продавщица из отдела градусников и клизм достала из кармана бумажку и набрала номер:

— Семёнова из четырнадцатой аптеки. Да. Возле Кати Щехорской отирается какой-то тип. Да. Да. Хорошо. Не за что.

Вскоре они неторопливо шли рядом. Дима не знал, что говорить.

— Вы с Андреем давно знакомы? — рассеянно произнёс он, мысленно перескакивая с одного на другое.

— Вообще-то с детства.

— Почему так грустно? Вы больше не дружите?

— Нет, теперь мы даже не дружим. С тех пор, как у него это началось... ну, вы понимаете...

— Да, конечно, я понимаю,— мягко сказал Котов, соображая, что бы это значило.

— Должна вас сразу предупредить, что если он прислал вас по этому поводу...

— Нет, нет! — поспешил заверить её Котов, сообразив, наконец, что речь идёт о наркотиках.— Никто меня к вам не присылал.

— Могу вам поверить, потому что вижу, что вы сами этим не увлекаетесь.

Котов хотел сказать, что ему глубоко до лампочки, что именно,

когда и где употребляет Андрей Осипов. Не хватало ему быть нянкой взрослому человеку. С собой бы до конца разобраться.

Они присели на скамейку.

— Так в чём же дело? — спросила Катя.

— Нет никакого особенного дела. Просто жить осталось совсем немного.

— Вы шутите?

Котов покачал головой.

— Вы что, больны?

Котов выдержал паузу и кивнул.

— Вам необходимо достать какое-то редкое лекарство?

Котов покачал головой.

— Лекарство не поможет. Это рак мозга.

Катя закашлялась, стала взволнованно рыться в сумке, достала из пачки новую сигарету, прикурила от старой и глубоко затянулась.

— Что же делать?

Котов пожал плечами.

— Очень сильные боли?

— Да, очень сильные. Иногда невыносимые. С каждым днём чаще и мучительнее.

— Я поговорю... я проконсультируюсь... я попытаюсь облегчить ваши страдания.

— Не стоит. Ничего не поможет, я всё знаю.

Катя сделала несколько немых отчаянных жестов.

— Понимаете,— продолжал гнуть своё Котов,— однажды эти приступы превратятся в один последний припадок, который будет длиться сутки, неделю, а может быть и месяц... До конца. Никто не сможет остановить этот кошмар кроме меня самого.

— Но ведь что-нибудь, хоть что-то можно сделать!?

Котов посмотрел Кате прямо в глаза.

— Быстродействующий яд. Я приму его в тот час, когда смерть будет неизбежна. Это и только это было бы истинным милосердием с вашей стороны. Обезболивающие средства, наркотики — самообман, который сделает конец ещё более долгим и мучительным.

Катя отвела глаза и долго, опустив голову, молчала. Котов сидел как на иголках.

— Хорошо,— наконец проговорила она.— Я достану вам цианид.

С условием, что вы примените его только в минуту самой крайней необходимости. Когда надежды не будет. Вы обещаете?

Котов молча взял её руку и прикоснулся к ней губами.

«Можно я вас провожу?»

Неделю спустя Катя протянула Котову ампулу с раствором цианида. Глаза у неё были заплаканные.

— Умеете пользоваться шприцем?

— Разберусь. Большое вам спасибо.

Катя не прощалась. Её терзали сомнения. Она чувствовала себя виноватой перед этим парнем. Она испытывала к нему сострадание.

— Когда примерно... вы рассчитываете?..

— В точности не знаю. Говорят, что года полтора ещё можно протянуть. Хотя... какой смысл?..

Девушка была очень привлекательна, Котов поглядывал на неё с интересом.

— Пожалуйста,— Катя взяла его за руку,— прошу вас, не делайте поспешных шагов. Поверьте, чудо случается на каждом шагу.

Котов ощутил тепло её ладони.

— Куда вы сейчас?

— Домой...

— Можно я вас провожу?

О преимуществе желатиновой оболочки

Александр Сулейманович вызвал Котова уже через пару дней.

— Что вы делали в аптеке? Какие у вас отношения с Екатериной Щехорской? Что она вам передавала?!

Кизяк тряс Котова, сжимая в кулаках ворот его рубашки, склонившись над ним с перекошенным злобой лицом, брызгая слюной. Котов задышался, скрипучий стул ходил под ним ходуном.

По прошествии нескольких часов изматывающего допроса он подписал составленную с его слов объяснительную записку, глав-

ным действующим лицом которой был не сам Котов и не Екатерина Щехорская, а Осипов Андрей, наркоман с двухлетним стажем. В обмен на эту подпись и ампулу с ядом Кизяк пообещал оставить в покое его и Катю. Ампула будет приобщена к её личному делу вплоть до её первого серьёзного проступка. (Эта ампула так и осталась единственной уликой; Осипов не дал против своей знакомой никаких показаний.)

Получив от Котова желаемое, Кизяк смягчился.

— На вот, возьми,— положил он на стол капсулу в ярко желатиновой оболочке.— Это яд. Наш яд, понимаешь? Мгновенный и безболезненный. Не надо ничего колоть, заносить инфекцию, лежать в реанимации...

Котов сжал капсулу в кулаке.

— Правда?..

Правда. Теперь иди домой и подумай, кто тебе настоящий друг. Осипова возьми сегодня же, Катюшу не тронем. Но и ты будь активней. Никакого от тебя проку, пока хорошенько не надавишь.

Котов сидел, выпрямив спину, с каменным лицом.

— Педерасты есть среди знакомых?

— Нет.

— Иди.

Несколько раньше Кизяк имел беседу с Зубовым.

— Дай ему это,— посоветовал Зубов, вынув из ящика стола капсулу с ядом.— Если он забил в голову, всё равно найдёт способ. Ампулу присоветуй к делу. Аптекарушу не трогай, пусть работает. На неё будут мотыльки слетаться. Слетаться и обжигать крылышки, понимаешь?

Дело осложняется?

Осипова забрали, и какое-то время, пока Марусин прослушивал барабанщиков, репетиции не проводились. Котов находился в глубокой депрессии. Глаза Кати за стеклом аптечного прилавка

были на мокром месте.

Как только барабанщик был утверждён, обновлённый «Невский факел» приступил к активной работе. Было необходимо успеть подготовиться к майскому гастрольному туру по городам-героям. Репетиции продолжались с утра до вечера.

Новичок оказался безликим. Он помалкивал, невыразительно исполнял свои партии, имел невыразительную внешность и дежурную улыбку при встречах. Его звали Алексей Лусин — Люська. Ни для кого не были секретом его особые отношения с Марусиным.

Потерявший лучшего друга Вадик Лисовский совершенно упал духом. Он стал хуже играть и всё чаще замолкал в подпевках.

Степанов, напротив, был в ударе: у него продолжался бурный роман с телевизионной дамой. Их встречи были редкими и глубоко законспирированными, но чрезвычайно бурными.

С возобновлением репетиций Котов намеренно ушёл в работу с головой и делал заметные успехи. Марусин, который раньше, прислушиваясь к котовским пассажам на бас-гитаре, болезненно кривил губы, теперь удовлетворённо улыбался.

Став обладателем капсулы с мгновенным безболезненным ядом, Котов обрёл в своей любви и печали некоторое душевное равновесие. На шпионский манер он зашил капсулу в воротник. Теперь он мог в любую минуту умереть и перенестись в свой нормальный мир — в город Ленинград, второе сентября 1988 года, за четверть часа до открытия винно-водочных магазинов.

Подобно тому, как отступает чувство голода у человека, которому стоит лишь протянуть руку к накрытому столу, отчаяние и желание тотчас же, без промедления, покинуть этот мир ослабло и у Димы Котова. Легко шлёпать по лужам и по снегу, когда дом рядом, а дома горячий душ и смена белья...

Дело осложнялось тем, что с каждым днём он всё более остро ощущал, что не сможет покинуть этот мир. По крайней мере, не сможет покинуть его один...

С Марусиным надо что-то делать

Майские гастроли, приуроченные к ежегодной изматывающей череде праздников, подходили к концу. В Севастополе отыграли последний концерт для жён моряков и, после ужина, затянувшегося за полночь, вернулись в гостиницу. Котов и Степанов проводили Вадика Лисовского. Бедняга стал сильно перебирать в последнее время. Подумав, решили ещё добавить у него в номере.

После неумело выпитого и совершенно лишнего стакана у Лисовского началась тихая истерика.

— Андрюху жалко!..— всхлипывал он, лёжа на кровати с запрокинутой головой.— Кто его так, за что!..

— Марусин стукнул, падлой буду,— зашептал Степанов.— Он голубой, под статьёй ходит,— значит, стучит.

— Сволочь! Сволочь! — забил руками по подушке Лисовский. У него на щеках появились слёзы.

— А за что? — спросил Котов.

— За рокенрол, понятное дело,— объяснил Степанов.— Вадик, где он играл?

— Где он то-олько не играл!..

— А что, в рок-группах нет своих барабанщиков? — не понял Котов.

— Они только на ко-хонцертах, а он на записи, в студии. Он же лучший ба-харабанщик в городе!..

— За левые заработки, что ли?..

— Какие там за-работки! Он даром играл!..

Лисовский сел и начал обуваться:

— Марусин, сволочь, пойду его сейчас и убью!..

Его уложили и раздели. Постепенно он успокоился и заснул. Котов и Степанов выпили по полной.

Котов был смущён и растерян: выходило, что Андрей Осипов и без него был на крючке у НКВД. Может быть, совсем не он, а Марусин был причиной случившегося несчастья...

— Слушай, Котяра,— зашептал Степанов, вытянув шею,— от Марусина надо как-то избавиться. Он всех нас, по одному, уберёт. Мы ему не нужны, ему нужны такие, как Люська!..

— Теперь ничего не сделать.

— Поговори с Чебриковой.

— Нет, мы уже практически чужие люди.

— Попробуй!

— Ладно, попробую.

Они допили бутылку и разошлись по своим номерам.

Противоестественное вторжение

Ночью, в пьяном полубморочном сне, Котов забеспокоился от ощущения какого-то болезненного неудобства. Будто он свалился на пол с кровати, да ещё и обделался.

Вдруг ему стало больно, он вскрикнул, проснулся и завертел головой.

Верхом на его спине сидел Люська и держал за руки. Сзади пыхтел и стонал Марусин, производя над Котовым невероятный и противоестественный акт насилия.

— Эй! Что такое!..— крикнул Котов, холодея от ужаса.

— Тише, Дима, тише,— заговорил Марусин, задыхаясь.— Никто... Ничего... Не узнает...

Котов закричал и вырвался.

Марусин брызнул спермой.

В дверь настойчиво постучали.

— Кто там! — крикнул Люська.

— Дежурная по этажу, откройте немедленно!

Люська открыл дверь, и в номер, щёлкнув выключателем, зашла дежурная в синем форменном кителе.

— Что происходит, почему шумите? — сказала она, бегло осматривая помещение.— Посторонние, женщины?..

Котов дрожал, завернувшись в одеяло. Марусин сидел в кресле, запахнувшись халатом. Люська одетый в спортивное трико, стоял как ни в чём не бывало.

Дежурная проверила ванную, туалет, вернулась и строго заметила:

— Разве можно так шуметь? В соседних номерах люди спят — семейные, командировочные... Выпили — и расходитесь по своим номерам. У нас тут своих концертов хватает...

Дежурная вышла.

Марусин поднялся и потрепал Котова по голове:
— Ладно, не обижайся. Мы так, пошутили. Всё будет тихо.

Всё подстроено

По приезду он ударился в запой и пил беспробудно в течении недели. Потом ещё несколько дней лежал опухший и тщетно пытался увязать хотя бы две разбегающиеся мысли. То и дело он проверял, на месте ли капсула с ядом, и обещал себе со всем этим покончить. Сразу, как только почувствует себя лучше. Катя звонила, но Котов не хотел показываться ей на глаза пьяным. Он думал о ней постоянно, каждую минуту.

Не успел он хорошенько очухаться, как позвонил Александр Сулейманович, и Котов на дрожащих ногах поплёлся в исполком. Въедливый майор нарочно подгадывал такие дни, когда организм и психика были ослаблены.

— Как гастроли?

— Нормально,— глухо отвечал Котов, скосив глаза на плитус.

— Как настроение?

— Нормально.

— Таблетку-то с ядом не потерял?

— Нет.

— А чего не проглотил?

— Успею.

— А вдруг там яду нет? Так, карамелька?

Котов промолчал.

— В окно прыгнешь? Сможешь? Смелости хватит?

— Смогу.

— Врёшь, не прыгнешь. Ты же трус, слизняк.

Молчание.

— Ладно, я пошутил. Таблетка правильная, не сомневайся. Это я так, чтобы ты не очень зазнавался. Мы тебя и на том свете разыщем, если потребуется.

Молчание.

— Так ты говоришь, понравилось в Севастополе?

— Нормально.

— Что ты мне заладил одно и то же? Сидишь как неживой. Пива бы, что ли, попил...

Молчание.

— Да, кстати, я забыл... Я тебя спрашивал одну вещь?.. Ах, да, вот что. У тебя педерасты знакомые есть?..

Несколько секунд Котов что-то такое про себя соображал, а потом его пронзила догадка. Это они велели Марусину опустить его во время гастролей! Это они всё подстроили, а теперь хотят ему дать понять об этом...

Котов поднял вспыхнувшие на мгновение глаза, но тут же опустил. Объяснение было бы ужасным, нелепым и унижительным.

— Нет.

Немая сцена длилась не более секунды.

— Теперь всё, свободен.

Остаётся всё меньше времени

Через пару дней Котов зверски избил Люську в туалете, и это сошло. Скорее всего, ему разрешили таким образом слегка выпустить пар. Марусин вёл себя так, будто ничего не случилось.

В августе под Выборгом прогремел несанкционированный фестиваль подпольных рок-групп, и в Петроградском НКВД полетели головы.

Тогда же под горячую руку попался Вадик Лисовский. Однажды он исчез, и никто не отважился разузнать что-либо о его участии.

Без Лисовского «Невский факел» оказался совершенно беспомощным. Ансамбль звучал как любительская группа. Марусин приводил на пробу новых и новых клавишников, и каждый раз у него опускались руки.

Осуществить задуманное Котов теперь не мог из-за Кати. Однажды он попытался объясниться с ней по поводу рака мозга.

Он сказал, что воспользовался дурацким предложением ради знакомства.

— Ничего себе, дурацкий предлог! — вспыхнула Катя.— Да ты понимаешь, что ты сказал! Ты понимаешь, что ты сделал!..

Она расплакалась, и Котов, в порыве откровенности, рассказал ей всю правду, начиная с Иванова.

Решив, что она имеет дело с сумасшедшим, Катя смягчилась. Она была из той героической породы женщин, для которых чувство жалости и заботы почти неразделимо с любовью. Катя переехала жить к нему, и в апреле 88-го они расписались.

Между тем, положение становилось всё менее определённым. Новые люди в Петроградском НКВД могли смести всё без разбора в одну минуту. Лена Чебрикова вышла замуж за Андрея Романова и жила в Москве. «Невский факел» разросся до сорока пяти человек, с духовой секцией, вокальной и хореографической группами. Котов и Степанов были первыми кандидатами на вылет.

За несколько часов до конца света

Новым заведующим отдела Рок-музыки, наркомании и гомосексуализма был назначен капитан Соколов — тот самый Владимир который курировал «Обводный канал» во время поездки в Северную Корею. С тех пор прошло четыре года. Младший лейтенант превратился в капитана, работа сделала его ещё более циничным и жестоким. А работы накопилось много...

Перебирая папки с оперативными разработками своего предшественника, Соколов наткнулся на дело некой Екатерины Щехорской, которое привлекло его внимание подклеенным конвертом со стеклянной ампулой внутри. Пролистав страницы, он поднёс ампулу с цианидом к глазам и, глядя на просвет в окно, задумался.

Из дела следовало, что в течении последних лет Щехорская, не ведая того, служила приманкой для добывающих себе дозу нар-

команов. Из этого же дела следовало, что за всё это время был арестован только один наркоман, да и он — только благодаря выбитым из Димы Котова показаниям.

Соколов хорошо помнил, с какой неохотой шёл этот пьяница на сотрудничество, как мало было от него толку. Помнил и то, как позорно, на примере Котова, Кизяк учил его, как нужно работать.

И он подумал, что настало время раздавить эту счастливую супружескую парочку. Размазать по стене обоих, отомстить за своё собственное унижение.

Он сунул ампулу в карман, а папки оставил на столе — сегодня он закроет и сдаст в архив оба дела. Третье сентября, на часах восемь вечера. Снял трубку с телефонного аппарата.

— Алло, это Екатерина Станиславна? Капитан Соколов, из органов. Ваш муж дома?.. Вы одна в квартире?.. Никуда не уходите, к вам приедут. Нет, не беспокойтесь, небольшая формальность.

В дверь котовской квартиры настойчиво позвонили.

— Гражданка Щехорская? — сказал Соколов вместо «здравствуйте», грубо отстраняя хозяйку в сторону.

Зашли ещё двое, дверь захлопнули. Соколов заглянул на кухню, в ванную, в туалет.

Грохнул стул посередине комнаты.

— Садись.

Не поднимая головы, Катя села.

Один из товарищей остался у дверей, другой встал за спинку стула. Облокотившись задом о подоконник, Соколов некоторое время пристально смотрел на девушку. Он был в ударе и хотел показать класс работы молодым сотрудникам.

— Это ваше? — он поднёс к лицу Кати ладонь на которой блестела ампула с ядом.

— Да.

— Не надо отворачиваться,— Соколов наотмашь ударил её по лицу.

Девушка не упала потому, что стоявший сзади крепко держал её за плечи.

— Убийца! Мразь! — входя в раж, Соколов стал бить ещё

и ещё.— Говори, кто тебя научил! Говори!.. Говори!.. Говори!..

Спустя четверть часа, когда после каждого удара становилось всё труднее приводить её в чувства, Соколов достал из кармана шприц, дрожащими пальцами заправил его цианидом и, не приводя девушку в сознание, ввёл в кровь раствор.

Стоявший за стулом разжал руки, и тело повалилось на пол.

До того как выйти, в комнате навели беспорядок. Теперь следовало дожидаться прихода мужа, пригласить соседей понатыми и арестовать его за убийство.

Все трое залезли в стоящую неподалёку от парадной машину и стали ждать.

И небо вспыхнуло

В это время Котов медленно брёл по направлению к дому после очередной утомительной репетиции «Оркестра под управлением Александра Марусина». Изю дня в день он отмахивался от неизбежного, успокаивал себя тем, что до критической точки есть время, что он ещё успеет всё обдумать, сделать, поговорить с Катей и принять решение. Но вот этот день настал, а он ничего не обдумал и ничего не сделал. Даже сейчас он кружил по Васильевскому, курил на лавочках, думал и оттягивал минуту решительного объяснения.

В половине двенадцатого он направился к дому. Сейчас он напишет подробную записку и примет яд. Он разыщет Катю в своём мире, и они опять будут счастливы. Но если там у неё уже кто-нибудь есть? Если там она счастливая мать семейства?.. Что если он окажется лишним и там, в своём родном, настоящем мире!..

Господи! Как он устал от этих мыслей... Сейчас он придёт домой и примет яд. На антресолях старая отцовская двустволка. Несколько патронов с тяжёлыми круглыми пулями приготовлены специально для Марусина. Сколько раз он сладострастно воображал, как позвонит в его дверь и выпустит одну за другой две пули в его кругленький животик, прикрытый халатом...

И сколько раз он не делал этого, потому что с некоторыми пор отвечает не только за себя... Хорошо, пусть с другим, главное, чтобы она была счастлива, главное...

Он открыл дверь и сразу почувствовал недоброе.

Окликнул Катю.

Тишина.

Заглянул в комнату. Боже мой, что это, за что...

Он опустился на колени перед покойницей и разрыдался.

В дверь позвонили, начали стучать. С лестницы доносились голоса.

Котов поднялся, вытер рукавом слёзы, достал с антресолей двустволку. Вставил два тяжёлых патрона, щёлкнул затвором, взвёл курки. Посмотрел на часы — без четверти.

— Кто там?

— Милиция. Открывайте или будем ломать дверь. Понятые, фиксируйте всё, что он говорит.

Соколов волновался. Пульс упруго стучал в висках, голову изнутри так и распирало.

Щёлкнул замок, дверь распахнулась. Перед глазами возникли два огромных отверстия охотничьего ружья. Где-то далеко — там, где заканчивалось это ружьё, угадывались размытые очертания молодого человека. «Сейчас оно выстрелит. Сейчас... вот-вот...» В глубине сознания, в спинном мозгу, зарождался страшный, звериный крик ужаса — как будто он стоял на самой кромке крыши и его тихонечко подтолкнули сзади...

Но крик не успел вырваться наружу, потому что в следующее мгновение в глаза ударили два снопа искр.

Дуплетом громыхнул выстрел, череп разлетелся на куски.

Дверь захлопнулась.

На дрожащих ногах, утирая забрызганные лица, молодые сотрудники побежали вниз.

Без десяти. Котов вернулся в комнату и встал у открытого настежь окна. Чёрный саван в последний раз накрыл этот город. Только уличные фонари где-то внизу, да окна верхних этажей под крышами подсвечивали темноту, надвигавшуюся с востока.

Без трёх минут. В кулаке зажата капсула с ядом. Если не

подействует, он просто перемахнёт через подоконник.

Минута. Прокусить капсулу сразу, теперь нет времени ждать, пока растворится желатиновая оболочка.

Капсула во рту, между зубов. Челюсти не хотят сжиматься.

Входная дверь вылетает от одного профессионального удара. Топот ног, крики в прихожей.

Часы бьют полночь.

Ну же!.. Оболочка капсулы проламывается, в нос ударяет запах горького миндаля.

И в это мгновение небо вспыхнуло.

Подобная тысячам солнц молния прорезала тьму, ослепив и испепелив всё живое.

Мгновенная цепная реакция пронизала вселенную-клон, лишённую божественной сущности и сгоревшую будто спичка в руках неразумного дитяти.

Звёзды, окружавшие их планеты, мириады галактик прекратили своё существование в момент наступления критической временной точки, взаимоисключающей существование двух одинаковых миров, только один из которых имел право на существование.

Ни одно живое существо не смогло в это мгновение что-либо понять и что-либо почувствовать.

Одновременно с гибелью клона возобновился отсчёт времени реального мира. Вновь, как ни в чём не бывало, забились сердца людей и продолжила своё дыхание природа. Мир ничего не потерял и ничего не приобрёл в это мгновение.

Ничего, кроме изложенных здесь сбивчивых воспоминаний участников событий, которым всё равно никто не поверит.

1988, 1991, 1993, 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

БОРМАШИНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Котов	1	
Репетиция	6	
«У причала»	8	
Обрывочные воспоминания		10
Марусин	11	
«Невский факел»	12	
Понедельник	13	
Работа	15	
Вторник	19	
Свидание	20	
Обрывочные воспоминания		24
Среда	25	
Обрывочные воспоминания		26

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 32

Ноябрьские тезисы композитора А. Марусина		32
Обрывочные воспоминания	33	
Дела пошли	34	
Обрывочные воспоминания	36	
Первое выступление	37	

Обрывочные воспоминания	37
Чёс 39	
Марина	42
Обрывочные воспоминания	43
Начало конца	44
Конец	47
Обрывочные воспоминания	48

РАЗОРВАННОЕ ВРЕМЯ 52

ГЛАВА ПЕРВАЯ 52

«Бочонок»	52
Иванов	55
Санитары	58
Ночь	58
Котов	62
Вера	66
Ещё немного	78

ГЛАВА ВТОРАЯ 89

3 сентября 1982 года	89
Из записок Веры Дансейвой	95
Как Дима неожиданно удивил самого себя, а ещё больше своего приятеля В. Степанова	96
Из записок Веры Дансейвой	99
Жизнь налаживается	101
Кончина генсека и странное поведение моего приятеля	104
Супергруппа	105
Временные материальные трудности	107
Ленинградский рок-клуб	109
Аромат андеграунда	110
Затруднения на творческой кухне	111
Что произошло с Петрушкой (запоздалые объяснения)	112
Женщина в гневе	114
Ещё более бесцеремонное вторжение, не сравнимое с предыдущим	117
Ещё одно вторжение, степень бесцеремонности которого ставит автора на грань жизни и смерти	119

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ 129

Band On The Run	129
Предварительная беседа	132

Абсолютная память	135
Из записок Веры Дансейвой	136
Шурик	137
Традиционный сбор	141
Битва титанов	144
ГЛАВА ПЯТАЯ	148
Волки и овцы	148
Как подполковник Хромов увиделво время дежурства сон непредусмотренный Уставоми даже неприличный, а Людмила Каримовна увидела сон ещё более невероятный и странный	153
Бумеранг	160
Шоссе в никуда	163

ГЛАВА ШЕСТАЯ	166
Как Дима Котов подписал документ, налагавший на него весьма неприятные обязательства	166
Время «Икс»	172
Дружба-комсомол	177
Идеологическая диверсия	181

ГЛАВА СЕДЬМАЯ	186
Весна	186
Из записок Веры Дансейвой	189
Возвращение	189
Эпилог	192

ГОРОД

ГЛАВА ПЕРВАЯ	
В Городе. Среда, 24 августа 71 года Н. Э. (1988 Р. Х.)	
Десять дней до конца света	194
Прерванная трапеза	199
В Кремле	202
Политбюро. Четверг, 25 августа 71 года Н. Э. (1988 Р. Х.)	
Девять дней до конца света	206

ГЛАВА ВТОРАЯ	210
Котов и Петрушка.	
Четыре года и сто один день до конца света	210
Котов и Лена Чебрикова	211
Музыка во имя спасения	212

Переоценка ценностей	213
Недремлющее око	214
Бабаёв	216
Жестоко и решительно	219
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	222
Оружие сдерживания. 26 августа 71 года Н. Э.(1988 Р. Х.)	
Девять дней до конца света	222
Безумие	225
Куда девался Карклин?	230
Ночь	233
Приключения Карклина	235
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	240
День рождения Котова.	
Четыре года и сорок восемь дней до конца света	240
«Невский факел» набирает обороты	244
Котов и Кизяк	247
Канун	248
Одиночество	251
Вилка	254
ГЛАВА ПЯТАЯ	257
Вакансия, которая решает всё	
Понедельник, 29 августа 71 года Н. Э. (1988 Р. Х.)Пять дней до конца света	257
Необходимо подключаться	258
Личное...	259
И всё-таки — бессмертие?..	261
Какую музыку любит Президент?	
Четверг, 1 сентября, 49 часов до конца света	263
Президент лишается дара речи.	
Пятница, 2 сентября, 36 часов до конца света	264
Как Феликс Петрович воскликнул «Что?!!»	
одновременно с Президентом	266
Коршунов обретает бессмертие	267
Лучшие из лучших	269
Вечно молодой...	270
Невыносимое бездействие. Суббота, 3 сентября.	
12 часов до конца света	270
Нельзя одновременно.Тридцать минут до конца света	271
Всё готово...	273
Паноптикум пустот	275

Три минуты до конца света	276
И небо вспыхнуло...	276
ГЛАВА ШЕСТАЯ	278
После праздника	278
Достать хорошего яду	280
«Можно я вас провожу?»	283
О преимуществе желатиновой оболочки	284
Дело осложняется?	285
С Марусиным надо что-то делать	286
Противоестественное вторжение	287
Всё подстроено	288
Остаётся всё меньше времени	290
За несколько часов до конца света	291
И небо вспыхнуло	293

Текст книги свёрстан автором.

Рекомендовано для чтения на устройствах с экраном формата А5 (10') и более.

Если произведение вам понравилось, вы можете перечислить маленький благотворительный взнос на счёт автора. В системе WebMoney: R370805024999 Яндекс-деньги: 41001377369403